

Pera 1169
A-1

Slavica Tartuensia

1

1985

XVI 1169
TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

ALUSTATUD 1893.a. VIHIK 710 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Посвящается 150-летию отечественного
университетского славяноведения

SLAVICA TARTUENSIA

ТАРТУ 1985

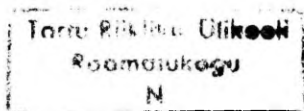
Редакционная коллегия:

А.Д. Дуличенко, В.М. Мокиенко, С.В. Смирнов,
А.Е. Супрун, Н.И. Толстой, М.А. Шелякин

Ответственный редактор А.Д. Дуличенко

Первый выпуск серии "*Slavica Tartuensia*", публикуемой в рамках "Ученых записок Тартуского государственного университета", содержит статьи по истории славянского языкознания. В частности, рассматриваются отдельные стороны либо лингвистическая деятельность в целом А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртене, А.С. Будиловича, Л.В. Щербы и др.; затронуты филологические либо историко-культурные аспекты, связанные с церковнославянским, болгарским литературным, резьянско-словенским (Северная Италия), серболужицкими, русинским (Югославия) языками.

Выпуск посвящен 150-летию отечественного университетского славяноведения.

К 150-ЛЕТИЮ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТСКОГО СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Истоки науки о славянстве следует связывать с первыми шагами славянской письменности, с деятельностью просветителей Константина-Кирилла и Мефодия. На Руси славистическую ценность сами по себе имеют памятники письменности — переводы и различного рода сочинения, созданные (или привезенные с Юга) начиная с X-XI вв. XVI-XVII вв. характеризуются появлением серии лексикографических и грамматических сочинений, главным объектом которых был церковнославянский язык. В XVIII в. внимание от церковнославянского языка переключается на русский литературный язык и некоторые другие славянские языки. С этого времени вплоть до второй половины XIX в. происходит постепенный процесс выделения славистической проблематики из общей филологии и общей истории. Процесс этот был связан с формированием национальной русской культуры, с подъемом национально-освободительного движения среди зарубежных славянских народов. Со второй половины XIX в. славистическая проблематика, до того часто выступавшая в синтезированном, нерасчлененном виде, начинает дифференцироваться по дисциплинам, чему в немалой степени способствовало появление узких, специально ориентированных школ и направлений, формировавшихся при университетах России. Этому предшествовали организационные меры, укрепившие позиции науки о славянстве в учебных заведениях. Мы имеем в виду появившийся 26 июля (по старому стилю) 1835 г. университетский устав, который предусматривал в четырех университетах России — Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском — создание кафедр "истории и литературы славянских наречий". Учрежденные кафедры соответственно заняли П.И.Прейс, О.М. Бодянский, И.И. Срезневский и В.И. Григорович. Эта плеяда славистов как раз и закладывала основы отечественного университетского славяноведения. "Первые русские слависты" предприняли путешествия по славянским землям с целью изучения живых славянских языков, памятников письменности, истории, этнографии, фольклора и др. В дальнейшем изучение славистической пробле-

матики является неременным условием получения филологического и исторического образования, оно составляет существенный содержательный компонент целых научных школ, созданных при Московском, Казанском и других университетах.

В Тартуском (Дерптском, Рьевском) университете славистика с самого начала была представлена практическим изучением русского языка. По уставу 1803 г. здесь учреждается кафедра русского языка и литературы, но поскольку преподавание в университете велось на немецком языке, то интерес к русскому языку был невелик. Университетский устав 1835 г., имея в виду, помимо прочего, немецкоязычную ситуацию, не коснулся Дерптского университета. Но и в таких условиях в 20-30-е гг. XIX в. в Дерпте учились: медицине — В.И. Даль, классической филологии и немецкой философии — В.И. Григорович, которым впоследствии суждено было сыграть выдающуюся роль в развитии отечественной славянской филологии. Основы дерптской славистики закладываются лишь во второй половине XIX в., когда в 1865 г. новым университетским уставом учреждается новая "кафедра русского языка в особенности и славянского языковедения вообще" и когда здесь начинает работать А.А. Котляревский, впервые читавший собственно славистические курсы — энциклопедию славяноведения, историю древнеславянского (церковнославянского) языка и славянских наречий, славянские и русские древности и др. В 1879-1883 гг. славистические курсы в Дерпте читал А.А. Соколов: прежде всего это традиционная грамматика и история церковнославянского и русского, но также сербского и чешского языков. А.А. Соколов один из первых изучает словацкую и словенскую литературы и письменность. В 1883-1893 гг. кафедру "сравнительной грамматики славянских наречий" (учреждена в 1880 г.) занимал И.А. Бодуэн де Куртене, прибывший в Дерпт из Казани. В дерптский период Бодуэн создал ряд значительных работ, посвященных словенской диалектологии, общеславистической проблематике, вопросам польского и др. языков. В университете он читал лекции по сравнительной грамматике славянских и индоевропейских языков, лингвистической географии славян и балтийских народов, вел занятия практически по всем славянским языкам, объявлял уникальные курсы вроде "словенской и резьянской диалектологии". После отъезда И.А. Бодуэна де Куртене кафедру сравнительной грамматики славянских наречий занял А.С. Будилович (он же и ректор университета). На рубеже двух веков в Тарту (Юрьеве) работали Н.К. Грунский, Г.А. Ильинский. В период буржуазной

верситете заметно падает. Правда, продолжает преподавать славянские языки (старославянский, сербско-хорватский и др.) Л. Мазинг, работавший с И.А. Бодуэном де Куртене, автор известных трудов по сербско-хорватской акцентологии; некоторое время (с 1918 по 1921 гг.) преподает общелингвистические курсы М. Фасмер, с 1927 г. сравнительную грамматику и курсы отдельных славянских языков читал датский славист А. Стендер-Петерсен, а после него — П. Арумаа. В послевоенное время славистическая проблематика представлена в рамках кафедр русского языка и русской литературы. Помимо преподавания специальных славистических курсов, предусмотренных университетской программой, сотрудники кафедры русского языка занимаются исследованиями в области старославянского и древнерусского языков, современного русского языка, сравнительной грамматики славянских языков, истории славянских литературных языков и истории славянского языкознания.

Из этого краткого обзора видно, что в Тартуском университете преподавательской и научной деятельностью занимались ученые, которые своими трудами внесли достойный вклад в развитие отечественного славяноведения.

Ответственный редактор.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИЗУЧЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР В ВУЗАХ СССР

(к 150-летию начала преподавания славяноведения
в университетах России и СССР)

П.А. Дмитриев, Г.И. Сафронов

В 1835 г. новым университетским Уставом было предписано в четырех русских университетах — Московском, Петербургском, Казанском и Харьковском — открыть кафедры "истории и литературы славянских наречий". Этим актом славяноведение было официально введено в России в качестве университетской дисциплины. Открытие кафедр "истории и литературы славянских наречий" предполагало, таким образом, начало преподавания в русских университетах прежде всего зарубежных славянских языков и литератур, устного народного творчества, обычаев и истории зарубежных славянских народов (церковнославянский и древнерусский языки изучались и ранее и были в ведении других кафедр). За истекшие 150 лет отечественные университеты накопили богатый опыт организации преподавания зарубежных славянских языков и литератур. Изучение зарубежных славянских языков и литератур в нашей стране постоянно углублялось и расширялось по мере укрепления взаимосвязей и сотрудничества с братскими славянскими народами. Особенно широким стало оно в ходе Великой Отечественной войны против германского фашизма и в послевоенное время.

Учитывая большую потребность в специалистах, знающих историю, экономику, культуру, литературу зарубежных славянских народов и в совершенстве владеющих славянскими языками, по решению Совета Министров СССР в последние годы Великой Отечественной войны в Московском, Ленинградском, Киевском и Львовском университетах были созданы специализированные отделения славянской филологии, намечены широкие перспективы организации славистической подготовки студентов и в других вузах. История развития советской высшей школы в послевоенный период характеризуется постоянным усилением роли преподавания зарубежных славянских языков и литератур в системе высшего филологического образования.

В июне 1972 г. при МВ и ССО СССР с целью координации педагогической и научно-методической работы преподавателей филологических кафедр университетов был организован Научно-методический совет по высшему филологическому образованию (пред. проф. К.В. Горшкова). В числе других секций в составе Совета была создана и секция зарубежных славянских языков и литератур, которую возглавил проф. Н.И. Кравцов (с 1979 г. — проф. П.А. Дмитриев). Истекшие со времени образования секции более десяти лет дают возможность подвести некоторые итоги деятельности секции и наметить перспективы дальнейшей работы.

Основное внимание секции славянской филологии обращено на подготовку рекомендаций по совершенствованию учебного процесса и на разработку учебных планов. Обобщив многолетний опыт работы кафедр славянской филологии с учетом потребностей народного хозяйства в специалистах, знающих славянские языки, секция подготовила квалификационную характеристику филолога-слависта. На основе квалификационных требований, предусмотренных этой характеристикой, был разработан проект нового типового учебного плана, который позволяет максимально сблизить как состав специализаций, так и организацию всего учебно-воспитательного процесса в вузах СССР, ведущих подготовку кадров по славянским языкам и литературам.

Большое место в работе секции занимает организация славистической подготовки студентов отделений русского, белорусского и украинского языков и литератур. С 1973 г. Минвуз СССР включил в типовые учебные планы этих отделений наряду с курсами старославянского языка и сравнительной грамматики славянских языков курсы "введение в славянскую филологию" и "славянский язык" в качестве обязательных дисциплин. Значение этого решения в условиях постоянно расширяющегося сотрудничества между социалистическими странами, большинство из которых являются славянскими, трудно переоценить не только в плане углубления лингвистической подготовки филологов-словесников, но и с точки зрения интернационального воспитания студентов.

Научно-методическим советом утверждены программы по всем славистическим дисциплинам как для отделений славянской, так и для отделений русской, белорусской и украинской филологий. В основном это программы, разработанные славистами Московского университета. После проверки эффективности этих программ в процессе преподавания и получения рецензий из всех

университетов (всего было получено 65 рецензий) они переработаны. Работа по совершенствованию учебных программ, несомненно, будет продолжена. Секция славянских языков и литератур ставит перед собой задачу создания таких программ, которые не только бы устранили все еще не изжитую разнонаправленность и разноплановость читаемых в различных университетах курсов, но и способствовали бы вооружению студентов на основе марксистско-ленинской методологии знаниями, отражающими новейшие достижения науки в различных областях славистики. Опыт показывает также, что количество часов, отведенных на отделениях русской, белорусской и украинской филологий на изучение зарубежного славянского языка (70 ч. на дневном, 35 — на вечернем, 20 ч. — на заочном отделениях), явно недостаточно. В дальнейшем при совершенствовании учебных планов отделений русской, белорусской и украинской филологий следует, по-видимому, искать возможность увеличения времени на эту дисциплину; целесообразно также курс истории славянских литератур перевести из факультативных в обязательные.

Значительное место в работе секции занимает организация обобщения и распространения опыта работы различных кафедр. Так, в 1973 г. на заседании секции в Минске был обсужден опыт чтения курса "введение в славянскую филологию" в Московском, Ленинградском и Минском университетах. В 1974 г. в Ленинграде обсуждались проблемы сравнительного изучения славянских языков. В 1975 г. в Ленинграде секция заслушала доклады об учебно-воспитательной работе на кафедрах славянской филологии Ленинградского и Московского университетов. Новые модели описания славянских языков (докл. проф. А.Г. Широкова), принципы построения курса по второму славянскому языку (докл. доц. О.И. Трофимкина, ст. преп. Т.П. Попова), методика преподавания теории и практики перевода (докл. проф. А.В. Федоров) обсуждались на заседании секции в 1976 г. в Ленинграде. В этом же году в Тарту состоялся обмен опытом работы по повышению квалификации преподавателей. Большое внимание уделялось обмену опытом работы преподавателей, ведущих занятия на отделениях русской, белорусской и украинской филологий: на заседаниях секции обсуждались отчеты о преподавании славистических дисциплин в Тартуском университете (проф. С.В. Смирнов — Тарту, 1976 г., проф. А.Д. Дуличенко — Ленинград, 1983 г.), в Мордовском (доц. К.Л. Цыганова — Саранск, 1979 г.), Черновицком (проф. А.Р. Волков —

Черновцы, 1977 г.), Одесском (доц. А.К. Смольская - Одесса, 1980 г.), Воронежском (проф. В.И. Собинникова - Ленинград, 1983 г.), в Дипломатической академии (доц. Г.Г. Тяпко - Ленинград, 1983 г.), в Казанском (доц. Г.А. Николаев - Ленинград, 1984 г.) и в других вузах.

Секцией проведена некоторая работа по организации повышения уровня преподавания отдельных славистических дисциплин. Так, в 1974 г. в Московском университете кафедрами славянской филологии (зав. кафедрой проф. А.Г. Широкова) и русского языка (зав. кафедрой проф. К.В. Горшкова) был организован четырехдневный семинар для преподавателей курса "введение в славянскую филологию". С лекциями для преподавателей, ведущих занятия по этому курсу, выступили проф. С.Б. Бернштейн, проф. Н.И. Толстой и проф. А.Е. Супрун. В работе семинара приняло участие 63 человека. В 1975 г. в Ленинграде проведен семинар для преподавателей старославянского языка: более чем 30 участников семинара заслушали доклады проф. Н.И. Толстого, доц. Т.А. Ивановой и проф. А.Е. Супруна. В 1971 г. в Ленинграде был проведен первый Межвузовский Научно-методический семинар преподавателей зарубежных славянских языков и литератур, в работе которого приняло участие более 100 славистов из различных городов СССР. В 1978 г. на базе кафедры славянской филологии Ленинградского университета был проведен второй Межвузовский семинар, посвященный теоретическим и конкретным вопросам преподавания славянских языков и литератур. В работе семинара приняли участие представители 45 университетов (всего около 200 человек).

Значительное внимание уделяется подготовке учебников и учебных пособий. Информации зам. главного редактора издательства "Вышая школа" А.Б. Гуськовой о ходе выполнения разработанного секцией в 1974 г. перспективного плана издания учебников и учебных пособий по славянским языкам и литературам и планы-проспекты этих изданий обсуждались на заседаниях в 1977 г. (Черновцы), в 1978 г. (Тбилиси), в 1979 г. (Ленинград), в 1980 г. (Одесса), в 1984 г. (Ленинград).

Секция занималась организацией научно-исследовательской деятельности студентов. Вопросы, связанные с этим участием работы, обсуждались на заседаниях секции неоднократно: май 1977 г. - Черновцы, апрель 1979 г. - Саранск, июнь 1980 г. - Одесса, январь 1983 г. - Ленинград. В Ленинграде были проведены межвузовская (1973 г.) и межреспубликанская (1982 г.) студенческие научные конференции по славянской филологии.

Предварительный анализ эффективности проведения таких конференций показал, что из числа участников конференции 1973 г. более 15% в настоящее время являются уже преподавателями вузов, научными сотрудниками и аспирантами. Студенческие научные конференции являются, таким образом, важной формой работы по подготовке научной смены. Научно-техническому совету Минвуза СССР было бы целесообразно разрешить проведение всесоюзных научных студенческих конференций по славянской филологии один раз в пять лет (перед каждым очередным международным конгрессом славистов), доверяя их организацию специализированным кафедрам славянской филологии поочередно.

Секция славянских языков и литератур постоянно сотрудничает с Институтом славяноведения АН СССР и другими научными славистическими центрами. Ст. научный сотрудник Института славяноведения С.В. Никольский дважды выступал на заседаниях секции (Ленинград, 1976 г. и 1983 г.) с докладами о планах работы Института по литературоведению, ст. научный сотрудник Л.Н. Смирнов — с докладом о планах работы ученых Института по славянскому языкознанию (Ленинград, 1983 г.). Проф. В.И. Кодухов выступил с информацией (Ленинград, 1976 г.) о работе Международной комиссии по грамматическому строю славянских языков, проф. А.С. Мыльников доложил о работе Ленинградского отделения Научного Совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики АН СССР (Ленинград, 1984 г.). Неоднократно в мероприятиях, проводимых научно-методическим советом, принимал участие председатель Советского комитета славистов академик М.П. Алексеев.

Кафедрой славянской филологии Ленинградского университета и секцией славянской филологии трижды (в 1971, 1973 и 1983 гг.) проводилось анкетирование университетов и пединститутов с целью выяснения объема и уровня преподавания в них славистических дисциплин. Результаты анкетирования показывают, что в системе высшей школы в целом проделана значительная работа по организации преподавания славянских языков и литератур. В 1983 г. славянские языки и литературы изучались на специализированных кафедрах славянской филологии в Киевском (зав.кафедрой доц. В.К. Житник), Ленинградском (зав. кафедрой проф. П.А. Дмитриев), Львовском (зав. кафедрой проф. К.К. Трофимович) и Московском (зав. кафедрой проф. А.Г. Широкова) университетах. Более 10 лет в Московском университете работает кафедра славянских языков (зав. кафедрой доц. Р.П. Усикова), осуществляющая преподавание славянских

языков на других гуманитарных факультетах. Кроме того, в этих и во многих других университетах преподавание славянских языков ведется на отделениях русского, белорусского и украинского языков: за 12 лет число таких университетов возросло почти вдвое (1971 г. – 34 университета, 1983 г. – 65). Кроме университетов, славянские языки преподаются в 16 педагогических институтах и других учебных заведениях. О том, какими темпами развивалось преподавание отдельных языков, свидетельствует следующая таблица:

Я з ы к	Число вузов, в которых преподается славянский язык		
	1971 г.	1978 г.	1983 г.
Болгарский	16	25	38
Лужицкий	–	1	1
Македонский	–	4	3
Польский	28	43	56
Сербохорватский	6	16	28
Словацкий	–	4	6
Словенский	–	2	2
Чешский	16	31	40

В ряде университетов и педвузов по славянским языкам и литературам читаются специальные курсы, проводятся специальные семинары, пишутся курсовые и дипломные сочинения (кроме курсов на специализированных кафедрах славянской филологии, в вузах страны в 1983 г. читалось 48 спецкурсов по славянскому языкознанию и 21 спецкурс – по зарубежным славянским литературам, дипломные сочинения по славянской филологии защищались в 32 университетах). Следует отметить, что славистические дисциплины преподаются не только на дневных, но и на отделениях вечернего и заочного обучения. Так, курс "введение в славянскую филологию" на вечернем отделении читается в 11 вузах, на заочном – в 18. Славянские языки на вечернем отделении преподаются в 16 университетах, на заочном – в 40. В ряде вузов дополнительно к обязательным занятиям организуются факультативы и кружки по изучению славянских языков. В Ленинграде, Саранске и других городах в течение ряда лет работают курсы гидов-переводчиков. В Краснодаре славянские языки изучаются в Народном университете. О том, насколько возрос интерес к славянским языкам, свидетельствует тот факт,

что в настоящее время у нас в стране зарубежные славянские языки в разных формах и по разным программам ежегодно изучает около 15 000 человек (из них 11 300 человек в университетах).

Проведенное обследование показало, однако, что в организации преподавания славистических дисциплин в университетах имеются и существенные недостатки, в работе по устранению которых кафедры и преподаватели нуждаются в помощи как руководства факультетов и университетов, так и минвузов республик и СССР. Так, например, в Днепропетровском и некоторых других университетах не читается курс "введение в славянскую филологию". Из Нукусского, Азербайджанского и Сыктывкарского университетов сообщают, что там не преподаются зарубежные славянские языки ввиду отсутствия специалистов. Эти (и подобные) факты свидетельствуют о том, что руководители некоторых ведомств и университетов все еще без должной ответственности относятся к выполнению указаний Минвуза СССР. Симптоматично и то, что названные университеты ссылаются на отсутствие специалистов, но и соответствующие заявки в Минвуз на этих специалистов не оформляют.

Анкетированием установлено, что "введение в славянскую филологию" и славянские языки в университетах преподают около 300 преподавателей. 129 из них имеют базовое образование, 36 получили подготовку по славянскому языкознанию дополнительно к основной специальности, 97 человек изучали славянские языки самостоятельно (во время длительных служебных командировок в славянские страны, на зарубежных курсах славянских языков и т.п.). Явно недостаточная славистическая подготовка определенной части преподавателей, ведущих курсы славянских языков, вызывает обоснованную тревогу, тем более что число их резко возросло за последние 3-4 года. Руководству университетов, минвузам республик и СССР необходимо, по-видимому, в ближайшее время создать условия для обязательного прохождения преподавателями, не имеющими базового славистического образования, учебы на факультетах повышения квалификации по специальным программам, организовать для них длительные стажировки или направления в целевую аспирантуру при кафедрах славянской филологии Киевского, Ленинградского, Львовского и Московского университетов. Следует рекомендовать университетам в порядке перспективного планирования подготовки кадров шире практиковать целевое направление лучших студентов на специализированные кафедры славянской фило-

логии для продолжения и завершения учебн. Руководителям высших учебных заведений, комиссиям по распределению молодых специалистов минвузов республик и СССР, по-видимому, в дальнейшем при замещении вакантных должностей преподавателей славянских языков не следует удовлетворять представления на лиц, не имеющих базового славистического образования так же, как это делается, например, при комплектовании кафедр русского языка для иностранцев, куда зачисляются только выпускников специальных отделений.

Научно-методическому совету необходимо организовать оказание еще большей научной и методической помощи университетам, не имеющим специализированных славистических кафедр, систематически практиковать выезды ведущих специалистов кафедр славянской филологии в другие университеты для чтения общих и специальных курсов и обмена опытом работы, регулярно проводить научно-методические семинары преподавателей славянских языков и литератур, привлекая к работе на семинарах не только специализированные кафедры славянской филологии, но и сотрудников Института славяноведения АН СССР и других славистических центров.

Проблемы университетской славянской филологии, научные и методические вопросы, связанные с преподаванием славянских языков и литератур, "введения в славянскую филологию" и других славистических дисциплин должны широко освещаться и обсуждаться на страницах журналов "Филологические науки", "Вестник высшей школы", "Советское славяноведение" и др. Самого серьезного внимания и поддержки Минвуза СССР заслуживает уже неоднократно высказывавшееся предложение о необходимости создания специального журнала или межвузовского сборника, посвященного методическим вопросам преподавания славянской филологии.

Существенным фактором, сдерживающим дальнейшее развитие и совершенствование качества преподавания славянских языков и литератур, является явно недостаточная обеспеченность учебного процесса грамматиками, учебниками и учебными пособиями. Издательством "Высшая школа" за последние годы выпущено несколько хороших грамматик и учебных пособий по славянским языкам и литературам (по болгарскому, чешскому, словацкому языкам, по истории болгарской литературы, по сравнительной грамматике славянских языков), однако потребности в грамматиках, учебных пособиях, книгах для чтения растут быстрее, чем они создаются и издаются. Для улучшения работы

в этой области было бы целесообразно ввести в состав редакционно-издательского совета издательства "Вышая школа" преподавателей по специальностям "славянские языки" и "славянские литературы". Учебно-методическому управлению Минвуза СССР, по-видимому, следует взять под свой контроль не только своевременное издание уже написанных учебников и учебных пособий, но и подготовку новых, обратив особое внимание на создание авторам оптимальных условий для работы над ними.

Изучение славянских языков и литератур в настоящее время приобретает все большее политическое и культурно-хозяйственное значение. Никогда еще изучение славянских языков и литератур в нашей стране не было таким массовым. Необходимо сделать все, чтобы и уровень преподавания этих дисциплин во всех университетах и педагогических институтах соответствовал современным задачам.

АРХАИЧЕСКОЕ И НОВОЕ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ ОДНОЙ
ЭПОХИ (К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ГРАММАТИК
XVI-XVII ВВ.)

Н.Б. Мечковская

В любой системе знания – коллективном сознании социума, в науке и любой ее отрасли, в сознании человека на любой ступени онтогенеза – есть пласты сознания (или подсистемы, уровни, черты), сформировавшиеся в разное время. Одни подсистемы сложились "только что" или складываются "на глазах"; здесь – главные точки роста, это авангард и "последнее слово" знания на сегодняшний день. Другие – унаследованы сегодняшним днем от предшествующей эпохи. При этой передаче что-то утратилось, переосмыслилось, что-то было заменено новыми представлениями, однако в своих существенных, определяющих чертах этот пласт сознания связан с "вчерашним днем". День сегодняшний в целом удовлетворен полученным наследством, во всяком случае относится терпимо. Время для критики, пересмотра, неприятия и, следовательно, смены этого пласта сознания еще не пришло...

В восточнославянской грамматической литературе XVI-XVII вв. такими разновременными по генезису пластами содержания являются орфография и морфология. Орфографическая позиция рукописных статей и старопечатных грамматик п о д у принадлежит вчерашнему дню. Ее истоки – это реформа церковнославянской письменности патриарха Евфимия Тырновского (конец XIV в.); это "Книга Константина (Костенянского) Философа и Грамматика о писменех" (начало XV в.), в которой острое внимание к букве и к слову, присущее Тырновской литературной школе, доведено до предела; наконец, это заветы "книжным списателям" первого митрополита "всеа Русь" Киприана (конец XV в.), утверждавшего абсолютную недопустимость в церковной книге "приложить или отложить единое некое слово, или тычку едину, или крючкы...".

Напротив, морфология ("этимология"), составлявшая основное содержание ранних грамматик, как и сами грамматики, была

новым явлением в восточнославянской книжно-письменной культуре XVI-XVII вв. Грамматикам предшествовала популярнейшая в ареале Slavica Orthodoxa анонимная статья "Осьмь честии слова", составленная в середине XIV в. на основе греческих грамматических трактатов (общим источником которых было учение о восьми частях речи Дионисия Фракийца, конец II в. до н.э.); из известных восточнославянских списков статьи самый ранний - московский 1414 г. Однако грамматики XVI-XVII вв. ушли далеко вперед от первого и незавершенного опыта морфологической классификации в "Осьмь честии слова". Замечательно при этом, что в "Орфографии" те же грамматики Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого были несравненно ближе к Константину Костенческому, чем они же в морфологии - к "Осьмь честии слова".

Для истории науки интересны оба полюса сознания - и архаический и авангардный. Их диалектическое единство в синхронии помогает увидеть как источники самодвижения науки, так и ее внутренние тормоза и барьеры; почувствовать естественную ограниченность всякого знания своей культурой, своим временем и именно поэтому - понять настоящую ценность достижений.

В филологической традиции восточного славянства XVI-XVII вв. грамматики явились новым жанром, в котором отразился переход от культур закрытого и традиционного типа, характерного для средних веков, к открытой и мобильной культуре нового времени. С грамматиками связан новый, аналитический способ осмысления языка (путем систематизации языковых элементов и правил соотношения; новый подход к нормированию языка (путем кодификации языковых норм в грамматическом описании в отличие от презентации нормы в образцовых текстах; подробнее см.: Толстой 1963, 259-262); новый метод обучения языку путем экспликации грамматической системы в сознании учащихся в отличие от обучения языку путем многократного прочитывания нормативных текстов.

Основные достижения морфологических описаний церковнославянского языка в восточнославянской традиции XVI-XVII вв. состояли в следующем: 1) выявлена система грамматических категорий, в целом адекватная строю языка; 2) создана разветвленная словоизменительная классификация лексики (например, именное склонение в грамматике Смотрицкого насчитывает около шести десятков типов); 3) выявлен относительно полный репертуар флексий, в том числе исчерпывающий - при описании суб-

стантивного склонения; 4) осознаны членность слова и отношения словообразовательной производности; 5) выявлены основные механизмы морфологии (морфонологические чередования, "усечение", стяжение, "растворение" основ и др.); 6) открыты явления лексической и грамматической многозначности, а также их отражение в сочетаемости; 7) осознаны нормативно-стилистические аспекты грамматики; 8) проведены межъязыковые сопоставления, что означало известный отход от стихийного лингвистического универсализма средних веков. Значительные методологические достижения грамматик XVI-XVII вв.: здесь представлены те лингвистические методы (в том числе некоторые экспериментальные приемы), которые составляют фундамент современной описательной грамматики (подробнее см.: Мечковская, 1984).

Иная картина в орфографии. Для современного лингвистического сознания орфографическая концепция рукописных статей и старопечатных грамматик — это область экзотики и музея.

Можно указать две основные причины того, почему позиция старинных орфографических руководств так далека от современной теории орфографии. Во-первых, это объективное своеобразие старославянской (и церковнославянской) орфографии. В силу ряда особенностей звуковой организации старославянского языка (открытость слога, музыкальность ударения, отсутствия условий для ассимиляции согласных по глухости-звонкости); далее, в силу особенностей церковнославянского (книжного) произношения, сознательно ориентированного на письменные тексты, что приводило к отсутствию нейтрализации аллофонов в слабых позициях; с другой стороны, в силу того, что в кириллице всегда были "лишние" буквы, основные объективные трудности старославянского (и церковнославянского) письма связаны с выбором аллографов, но не графем (в отличие от современного славянского письма на кириллической основе).

Во-вторых, архаичность руководств по орфографии связана с тем, что в истории ближневосточных и европейских филологических традиций они представляют собой типологически начальный, неизбежно незрелый этап. Наивные лингвосомиотические представления о форме и содержании в языке сочетаются здесь с мифо-поэтическими представлениями об алфавите как образе мира и вместилище "неизреченных тайн", о символической значимости буквенных начертаний и т.п. Архаичность орфографической позиции руководств XVI-XVII вв. по церковнославянскому языку состояла в следующем.

1. Стремление к семантизации знаков письма. Еще в Тырновской школе под влиянием семантики греческих названий аллографов о и ω ('о малое' и 'о большое') сложилась их семантическая специализация: ω употреблялось в именных и глагольных формах мн.ч., при этом и в корнях и в окончаниях: БѢГѢ, ВЛѢХВѢВАНІА, ДВѢРѢХЪ, ВѢКѢВѢ, ЖЕЛѢЗНОМА, КОСНѢША, ВѢМЕНИХѢМЪ, а также в словах, производных от МНѢГЪ, МНѢЗИ, МНѢЖАЕ, ОУМНОЖИТИИ (Яцимирский 1904, 390–391). Противопоставление о/ω как показателей множественности/единичности сохранялось в продолжение всей истории церковнославянской письменности: и реально в памятниках, особенно при сходстве окончаний (Карский 1979, 201), и в орфографических руководствах. Ср. в грамматике Смотрицкого: "Тожде храними Естъ различіе между о и ω: оному единственному, овому множественному служащу, якъ тѣмъ члвкомъ, тѣмъ члвкѣмъ..." (Смотрицкий 1619, л. 10). Делались попытки дальнейшей искусственной семантизации о и ω. Зизаний, например, рекомендует в конце имен ср. р. писать о, а в конце наречий – ω: ДОСТОЙНО – ДОСТОЙНω (Зизаний 1596, л. 89 об.).

Стремление к идеографичности письменных знаков привело к созданию новых аллографов в оппозиции о/ω: о "о среднее", затем так называемое "очное о" – с точкой внутри овала и при этом чаще всего в слове ОКО, а в форме ОЧИ иногда писали о с двумя точками: о или "сдвоенное о" (т.е. ω) также с двумя точками; в слове ОКРЕСТЬ нередко писалось о с крестиком внутри: о. Е.Ф. Карский отмечает любопытный крайний случай подобный иероглифики: в псалтыри XV в. Троице-Сергиевой лавры в слове МНОГООЧИТІЙ на месте двух о написано десять "очных о", соединенных в виде орнамента (Карский 1975, 197). "Очное о", "о с крестом" сохраняются еще в изданиях Швайпольта Фиоля (Краков, 1491), что несомненно говорит о силе традиций идеографических написаний.

Стремление обосновать семантически выбор аллографов или графем касается и других букв кириллицы. Так, в анонимном трактате XVII в. "О множествѣ і о единствѣ" оппозиция "множественность/единичность" использована для различения не только ω/о, но также ѣ/ѣ, н/н, а/а, оу/у: "множество онъ твердой, а единство круглой, множество ерь, а единство же, множество а, а единство а, множество оу, а единство у", "множество... ерь да ерь, а единственное пиши... же да ерь во всѣхъ рѣчех" (О множествѣ, 719). Однако эти рекомен-

дации (за исключением правила выбора о/ω) были искусственны и не выдерживались в орфографии даже самой статьи.

В семантическом обосновании выбора аллографов ѡ/ѡ, з/з оппозиция "единичность/множественность" осложняется оценочными мотивами. Так, в статье без заглавия (начало "Ижица под звательством...", см.: Ягич 1885-1895, 690) говорится: "з единственому" имени, з множественному и чтивишему, ѡ единственому" и женьскому, ѡ мужественному и почестному". Об ижице "под двумя палками" (т.е. об ѣ) здесь сказано, что она "за иже ставится далник (И.В. Ягич прочитывает как "далних же" - Н.М.) для или почестных со оудивленнѣем". Относительно з, впрочем, встречается и противоположная рекомендация: "злобу всякую и злое и злымъ пиши зѣлом" (Сила существу книжного писания, 727). В этой же статье замечательна попытка связать ж с отрицательными смыслами. Повторя весьма распространенное (в том числе у Зизания) мнение о том, что "сего ж обыкоша оупотреблати людѣ сербостѣи волохове въ мѣсто х и п", автор далее говорит: "Аще лучитса в прилучѣхъ писатиса ѡсѣ, ты же пиши жса, сирѣчь ѡсѣж, псѣ, а не икъ у, понеже оуподоблѣи по дѣйству его и имѣему" (с. 718). В ряде памятников встречается попытка семантизировать выбор у и п; у Зизания - выбор ї/и в начале слова; Смотрицкий рекомендует писать формы мн.ч. с особым ѣ (у Зизания оно названо "великое ѣ"), а ед.ч. - с обычным е: той клевереть - тѣхъ клеверѣть (л. 9 об.).

Древнейшей идеограммой, общепринятой в церковнославянских текстах, является написание "святых" слов под титлом с пропуском ряда букв. В своих истоках эта традиция несомненно связана с верой в магию письменных знаков (см. подробнее: Добиаш-Рождественская 1936, 184-192). Правило о титлах - одно из самых частых. Ср. типичные формулировки: "Сѣост (т.е. святость - Н.М.) подобает... писати с разумомъ и почитати взметомъ или покрѣтѣемъ яко венцомъ сѣвы во образъ будущаго возданѣа стѣмъ" (О множествѣ, 721); "...мѣрь божію мѣрю мѣнкови хртовых (т.е. матерь божію Марию и мучеников Христовых - Н.М.) под взметомъ пиши" (Сила соуществу книжного писма, 712). В ряде статей содержатся списки тех слов (иногда по алфавиту), которые надлежит писать под титлом. Правило о титле сохраняется в грамматиках Зизания и Смотрицкого, правда, Зизаний уже не объясняет его сакральный смысл.

Рассмотренная тенденция к семантизации знаков письма является главной отличительной чертой старинной орфографиче-

ской теории от современной. В основе тенденции лежит иное понимание уровня устройства языка в организации формы и содержания, и иное понимание знаков письма – стремление представить буквы в качестве двусторонних единиц, обладающих и планом выражения и планом содержания. С указанной определяющей особенностью церковнославянской орфографической теории связаны две другие: в парадигматике – тенденция к усложнению кода письма; в синтагматике – стремление следовать иноязычным образцам.

2. Усложнение кода церковнославянского письма. Ни одно рассуждение о славянской азбуке, ни одна старинная грамматика не допускают даже мысли об исключении каких-либо знаков. В этом – одна из отличительных особенностей старинного понимания письма: в азбуке видели средство передачи не только звуков речи, но и непосредственно различных смыслов и важных для греко-славянского мира ассоциаций. Буквы, лишние в фонологическом плане, были нужны для обозначения цифр; для сохранения близости облика греческих слов и их славянских транслитераций; наконец, как знаки преемственности между греческим и славянским письмом. "Лишние" буквы создают возможность написаний, которые И.А. Бодуэн де Куртене называл "альтруистическими": они увеличивают семиотическую выразительность письма, что, разумеется, в интересах читающего; позволяют узнать слово "издалека" (это подчеркивал уже Константин Костенческий), различить омофоны, "отдохнуть глазу" (как писали защитники старой орфографии еще в начале XX в.), например, при сочетании букв и вместо ии.

В реальной истории кириллицы "лишние" буквы терялись, и очень рано, но кодификаторы и теоретики орфографии стремились их восстановить. Так, в восточнославянской церковной письменности XVI в. по образцу "добрых тырновских изводов" возрождается "юс большой", хотя его фонетическая ненужность была очевидна нашим книжникам (ср. частое замечание в орфографических статьях о том, что ставится "красоты ради, а не истинно"). И все-таки, несмотря на авторитет Евфимия и Киприана, ѣ не мог удерживаться дольше начала XVII в., однако наставления писцам продолжают учить отличать ѣ от ю и оу, то подчеркивая его значительность, то, напротив, считая его приличествующим БѢСѢ и ПСѢ. Еще Зизаний и Смотрицкий, видя фактическую неупотребительность ѣ, все же включают его в алфавит и в фонетические классификации.

В орфографических руководствах XVI–XVII вв. код церков-

нославянского письма не только не сокращается, но растет и усложняется. Зизаний и Смотрицкий вводят в алфавит новый знак - "Є великое" - для йотированного [е]. Смотрицкий узаконивает в грамматике специальную букву Г' для передачи взрывного звонкого заднеязычного в отличие от "глагола" Г, передававшего ффрикативный звук.

Помимо новых букв код церковнославянского письма усложняли разнообразные надстрочные знаки: силы (знаки словесного ударения), времена (знаки длительности гласных), страсти (знаки интонации), духи (знаки придыхания перед гласными в начале слова), паерки (знаки выноса ѣ и ѥ над строкой; встречаются и другие названия такого значка: смыщеп, ертица, ерок, ерчик, у Зизания паирчик); вымолвные знаки (титла, взмет, покрытие). Правила употребления надстрочных знаков содержатся в многочисленных рукописных статьях; особенно часты статьи о "верхних силах", т.е. знаках словесного ударения (подробнее см.: Колесов 1973).

Еще одним слагаемым кода церковнославянского письма были знаки препинания и некоторые близкие к ним идеографические знаки. Количество знаков препинания было больше, чем в современном славянском письме. Кроме того в руководствах по орфографии содержались сведения о многочисленных идеограммах - как эмоционально-оценочного характера (например, знаки поруганія и похвалы - похвально въ оудивлени; разные кавычки - для ортодоксальных цитат и для цитирования еретиков), так и знаки разнообразного специального характера: условные знаки для писцов, переводчиков, справщиков, редакторов, компиляторов, составителей глоссариев, чтецов во время богослужения и т.п. Например, были специальные знаки над произволи - при выписанных на полях синонимах, подобранных к определенному слову в тексте в качестве его замен. Из сводов таких материалов возник один из ранних типов словарей - так называемые произвольники (о них подробнее см.: Ковтун 1963; в том числе тексты трех произвольников на с. 435-438). Были знаки ошибок, выносимые на полях (отметки описемь); знаки цитирования, которые ставились также на полях на всем протяжении цитаты; знаки, при помощи которых размечали разные виды чтений при богослужении, и т.д. Это семиотическое изобилие, как и распространенность руководств, в которых оно содержалось и толковалось, говорят о наличии определенных традиций в регламентации самой работы книжников, в конечном счете - о развитой филологической культуре восточного славянства в XVI-XVII вв.

Стремление к усложнению кода письма сказалось не только в увеличении количества знаков, но и в усложнении правил выбора аллографов или графем. Помимо отмеченных семантических правил, выдвигались правила, учитывающие место буквы в слове, характер ее окружения, характер надстрочных знаков. Так, у Зизания учет места в слове оказывается ведущим принципом в описании аллографов.

3. Орфографические заимствования. Следование иноязычным орфографическим образцам противоречит самому принципу буквенно-звукового письма и не имеет тех естественных причин, которые обычно обуславливают заимствование единиц, обладающих планом содержания. Однако в этом и своеобразие орфографической позиции старинных книжников, что знаки письма для них не были только планом выражения. Средневековая орфография стремится в буквах или диакритике увидеть (и выразить) больше, чем в них вообще может содержаться.

В старинных орфографических трактатах есть немало рассуждений о преемственности славянского письма по отношению к греческому. Под греческим влиянием сложился не только состав знаков славянского письма, но отчасти и правила выбора аллографов и написания конкретных слов. Ориентация на греческие образцы особенно усилилась в Тырновской школе. Так, в частности, до реформы Евфимия і десятиричное ("иже") было только необязательным сокращением и восьмиричного ("иже") в конце слов и особенно под конец строки, причем из двух соседних и сокращалось второе. В греческом письме дистрибуция η "эти" и ι "иоты" (прототипов кириллических и "иже" и і "ижеи") сложилась так: буквенные сочетания иη, ιχ, ιε, ιω были весьма частыми, а сочетание ηι почти не встречалось. Поэтому и в тырновских нормах было узаконено употребление і перед гласными, в том числе перед "иже" (Щешкин 1967, 127, 132). Как известно, этому правилу суждена была долгая жизнь: в русском письме — до реформы 1918 г.

В церковнославянском письме XVI—XVII вв. культивировалось написание осознаваемых греческих заимствований с возможной близостью к оригиналу: с различением этимологических ѣ и ѥ, с употреблением Ѹ, Ѩ, Ѷ. Соответствующие правила имеются во многих руководствах по орфографии с той, однако, существенной оговоркой, что сами авторы нередко не знают "должных" этимологических написаний. Так, в своде правил "Сила соушеству книжнаго писма" рекомендуются написания Феодор, Феодан, Феогнаст, Феосил, Феодоси, Феофилакт (с. 715, и Филипп,

Филофеи, Филимон, Фирс... (с. 718). Как можно видеть, в большинстве случаев выбор ф/е не соответствует этимологии. Однако в теории принцип верности греческому письму сохраняется.

Традиция передавать по возможности в заимствованиях орфографию оригинала была распространена Смотричким также на слова латинского и еврейского происхождения. При этом у Смотричкого употребление ф, е, г', γ, ξ, χ, ι адекватно этимологии: Етѣмологіа, Евнтаѣіс, іамвъ, амфібрахуѣ, Апокалѣуіс, Евїлонъ, Ѳалом, Алеѣандеръ, Феофилъ, Фїліпп, Фекла, Фїлософъ, Феодиръ и т.д.

Однако с изменением тематики письменности количество таких "этимологически выдержанных" орфограмм должно было возрасти. Вот почему В.К. Тредиаковский считал правило Смотричкого о сохранении иноязычных написаний главным правилом церковнославянской орфографии и ее главным недостатком (Тредиаковский [1849], 63), при том что в целом Тредиаковский как раз стремился европеизировать русское письмо.

Рассмотренные черты орфографической позиции защитников церковнославянского языка (стремление к семантизации знаков письма; к усложнению кода письма; к воспроизведению иноязычных орфограмм) в целом характеризуют церковнославянскую орфографическую теорию как наиболее архаический пласт лингвистического сознания в восточнославянской книжно-письменной культуре XVI-XVII вв. Вместе с тем в эти же века в рассматриваемой орфографической теории возникают некоторые новые явления, которые ее не столько меняют, сколько усложняют. Это, во-первых, правила, которые должны были предупредить отступление от церковнославянской орфографии, возникавшие под влиянием живых народных языков, и, во-вторых, правила, которые утверждали восточнославянские орфографические инновации в церковнославянской письменности.

ЛИТЕРАТУРА

Добиаш-Рожественская 1936 - Добиаш-Рожественская О.А. История письма в средние века: Руководство к изучению латинской палеографии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. - 227 с.

Зизаний 1596 - Зизаний Лаврентий. Грамматика словенска. Вильна, 1596. - 96 л.

Карский 1979 - Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. М.: Наука, 1979. XXI, [2], 496 с.

Ковтун 1963 – Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 445 с.

Колесов 1973 – Надстрочные знаки "силы" в русской орфографической традиции. – В кн.: Восточнославянские языки: Источники для их изучения. М.: Наука, 1973, с. 228–257.

Мечковская 1984 – Мечковская Н.Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск: Университетское, 1984. – 159 с.

О множестве і о единстве – В издании: Ягич 1885–1895, с. 719–724.

Сила существу книжнаго писаниа – В издании: Ягич 1885–1895, с. 724–730.

Сила соуществу книжнаго писма – В издании: Ягич 1885–1895, с. 707–719.

Смотрицкий 1619 – Смотрицкий Мелетий. Грамматіки славенскія правильное свнтама. Евье, 1619. – 252 л.

Толстой 1963 – Толстой Н.И. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI–XVII вв.). – В кн.: Славянское языкознание. У Международнй сьезд славистов. Доклады советской делегаціи. М.: Изд-во АН СССР, 1963, с. 230–272.

Тредиаковский [1849] – Тредиаковский В.К. Разговоръ между чужестраннымъ челоѣкомъ і російскимъ объ ортографіи старинной і новой і о всемъ что принадлежитъ к сей матеріи. – В кн.: Сочинения Тредьяковского. Том третій. СПб., [1849], с. IV, [8], I–316.

Щепкин 1967 – Щепкин В.Н. Русская палеография. М.: Наука, 1967. – 224 с.

Ягич 1885–1895 – Ягич И.В. Рассуждения юнославянской и русской старины о церковнославянском языке. – В изд. Исследования по русскому языку. СПб., т. I, 1885–1895, с. 289–1070.

Яцимирский 1904 – Яцимирский А.И. Григорій Цамблук. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904. – УІ, [2], 501 с.

К НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ В РОССИИ ПАМЯТНИКОВ НОВОБОЛГАРСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Г.К. Венедиктов

В изучении памятников новоболгарской письменности и особенно памятников письменности ХУП–ХУШ вв. на народном языке, значительную часть которых составляли дамаскины, большие заслуги принадлежат русским и советским ученым. Содержательный проблемный обзор их работ дан в недавно опубликованной статье Е.И. Деминой "Об изучении новоболгарской письменности в отечественной филологии" [I, с. 246–259]. В этой статье и в опубликованном в 1968 г. первом томе исследования Е.И. Деминой "Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник ХУП в." [2, с. II–36] охарактеризован вклад В.И. Ламанского, И.И. Срезневского, П.А. Лаврова, В.И. Ягича, С.Б. Бернштейна, Е.И. Деминой и других русских и советских филологов в выявлении, описании и публикации дамаскинов и иных памятников новоболгарской письменности, установлении их редакций, описании языка и т.д. Нужно отметить при этом, что значительные достижения в исследовании новоболгарской письменности в нашей стране в последние десятилетия обязаны главным образом самой Е.И. Деминой, многочисленные труды которой по этой проблематике посвящены анализу сложных вопросов взаимодействия дамаскинов между собой по редакциям текста, их языка и места в истории болгарского литературного языка (см. [I, с. 257–259], где указана и соответствующая литература).

В упомянутой статье Е.И. Демина правильно указывает, что "первое знакомство с памятниками новоболгарской письменности связано с самыми истоками изучения в России болгарского языка, культуры и словесности – с деятельностью Ю.И. Венелина" [I, с. 249]. Она установила, что в числе привезенных Венелиным из путешествия в Болгарию, Валахию и Молдавию в 1830–1831 гг. болгарских рукописных книг был и Тихонравовский дамаскин ХУП в. и что Житие Петки Тырновской, включенное в качестве хрестоматийного приложения к его оставшейся в рукописи "Грамматике нынешнего болгарского наречия", представляет собой текст соответствующего слова из данного дамаскина [I,

с. 249-250; 3, с. 9-10, 14-15]. Факт знакомства Венелина с памятниками новоболгарской письменности, открывающего историю их изучения в отечественной филологии, как полагает Е.И. Демина, "долгое время оставался неизвестным, поскольку подтверждающие его материалы не были опубликованы" [1, с. 249]. Такие материалы она нашла в архиве Венелина в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина и в других архивах Москвы и Ленинграда. Таковы в частности письма Венелина, связанные с его путешествием в Болгарию и содержащие "первые краткие сведения" об этой письменности [1, с. 249]. Приведенные Е.И. Деминой данные архивных материалов убедительно подтверждают указанный важный факт научной биографии Венелина. Факт этот, однако, как будет показано ниже, уже отмечался в литературе и до обращения Е.И. Деминой к использованным ею архивным материалам.

Одним из материалов, подтверждающих выдвинутое положение о месте Венелина в истории изучения новоболгарской письменности, Е.И. Деминой основательно служит письмо Венелина к В. Априлову от 1837 г., хранящееся ныне в архиве Общества истории и древностей российских [4]. Отметив рассказ Венелина в этом письме о "попытках приобрести во время путешествия новоболгарские рукописи и о возникших в связи с этим затруднениях", Е.И. Демина цитирует далее следующий фрагмент этого письма: "Кроме исторических книг, болгаре прятают и простые свои рукописные проповедные книги, писанные на простом болгарском наречии" [1, с. 249]. Она не указывает точную дату данного письма, но справка по его тексту показывает, что приведенные выше слова Венелина содержатся в его письме к Априлову от 27 сентября 1837 г., которое хорошо известно в историографии, неоднократно публиковалось полностью и во фрагментах. Оно давно вызывает большой интерес исследователей жизни и деятельности самого Венелина и истории русско-болгарских культурных связей в первую половину XIX в. М. Арнаудов характеризовал его как "великолепное и обстоятельное изложение, представляющее собой нечто гораздо большее, чем письмо, это стон и программа, исповедь разочарования и веры, горячий призыв к деятельности по изучению народа, документ глубокой любви к болгарскому народу и его прошлому и урок для всех образованных родолюбцев в Болгарии" [5, с. 142]. В отечественной литературе большой фрагмент данного письма, включающий и приведенную Е.И. Деминой цитату, впервые был опубликован Е.И. Соколовым в 1899 г. [6, с. 12]. Еще раньше,

почти сто лет назад (в 1889 г.), это письмо было полностью опубликовано в Болгарии по копии, заверенной самим Априловым [7, с. 176-187]¹ и снятой, надо полагать, с того экземпляра, который был ему послан Венелиным. Впоследствии оно было переиздано в начале XX в. В.Златарским [8, с. 140-153] и дважды в 30-40-е годы в переводе на болгарский язык - П. Динковым [9, с. 108-128; 10, с. 107-124]. Значительное внимание этому письму уделяет в своей монографии о Венелине Т. Байцура, которая отмечает в частности, что Венелин в нем указывал на необходимость собирания рукописей разного содержания, в том числе и рукописей на новоболгарском языке [11, с. 153]².

Другой материал, подтверждающий выдвинутое Е.И. Деминой положение, - письмо Венелина от 1832 г. к попечителю болгарских колоний в России И.Н. Инзову, в котором "Венелин настаивает на необходимости выявления и приобретения подобных рукописей, привезенных болгарскими колонистами, особенно духовными лицами" [1, с. 249]. Говоря о "подобных рукописях", Е.И. Демина имеет в виду "простые рукописные проповедные книги, писанные на простом болгарском наречии", о которых идет речь в цитируемом ею выше письме Венелина к Априлову от 27 сентября 1837 г. В связи с этим надо заметить, что в том варианте письма Венелина к Инзову, на который ссылается Е.И. Демина, речь идет о старых болгарских рукописях вообще ("болгарские рукописные книги какого бы роду они ни были", "письменные древности болгар", "болгарские рукописные книги на пергаменте", "остатки письменности", "старинные книги") [12, л. 1-2]. То же находим и в другом варианте письма [13], копия с которого была отправлена Инзову. В таком именно духе излагал его содержание в конце прошлого века Соколов: Венелин говорил в письме "о необходимости собрать и вручить русским остатки письменных болгарских древностей" [6, с. 14; 14, с. 579]. Так же излагает это место письма и Т. Байцура, указывая, что Венелин в нем "подчеркивал важность поисков древних болгарских рукописных книг, которые постепенно ... подвергались уничтожению" [11, с. 118].

¹ В приведенном выше отрывке из письма Венелина к Априлову в данной публикации вместо "прятают" напечатано "прячут" [7, с. 179]. Так же и в цитате, приведенной Соколовым [6, с. 12].

² Т. Байцура указывает, что письмо хранится в архиве Венелина - ф. 49 [11, с. 151, сноска 401]. Это неверно. В действительности оно хранится в архиве Общества истории и древностей российских (ф. 203).

Говоря о рассматриваемом здесь письме Венелина к Инзову, которое П.А. Бессонов характеризовал как "замечательнейший документ, представляющий всю дальновидность и живость планов покойного (Венелина. — Г.В.)" [15, с. 131], "замечательнейший памятник ума, проникавшего в будущее" [15, с. 134], нельзя не обратить внимания на следующие ошибки, встречающиеся в некоторых работах последних лет.

Несколько лет назад небольшую цитату из письма Венелина к Инзову, приведенную в статье С. Тихомировой "Под именем Венелина", редакция журнала "Дружба" сопроводила своим примечанием "Письмо публикуется впервые" [16, с. 122]. Это неверно не только потому, что в данной статье публикуется не все письмо, а лишь небольшая цитата из него, но прежде всего потому, что значительные фрагменты этого письма были опубликованы Бессоновым еще 130 лет назад, в 1856 г. [15, с. 132-134; 17, с. XXXIII], и позднее [18, с. 201-202]. Фрагменты этого письма (по публикации Бессонова) впоследствии приводились и другими учеными, например, В. Златарским [8, с. 132], М. Арнаутовым [5, с. 463-465]. Большое внимание ему уделяет и Т. Байцура, приведшая из него ряд фрагментов [11, с. 116-119]. Полностью же данное письмо впервые было опубликовано М. Хазиным в 1982 г. [19, с. 143-147]. Не останавливаясь на некоторых неточностях этой публикации, отметим здесь лишь два момента. Во-первых, М. Хазин указывает (без ссылки на шифр его в архивном фонде), что рассматриваемое письмо хранится ныне "в архиве Венелина" в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина [19, с. 143]. В действительности оно хранится в архивном фонде Общества истории и древностей российских (ф. 203) в двух вариантах: один — первоначальный черновой вариант с многочисленными зачеркиваниями, исправлениями, вставками и пр. [12, лл. 1-4] и другой — готовый вариант, с которого и была списана копия Инзову [13, 1^{об}.-5]. М. Хазиным опубликован второй из названных вариантов письма³. Во-вторых, М. Хазин, отметив, что письмо это "датировано первым августа 1830 года" [19, с. 143], и

³ Отметим попутно, что Т. Байцура также дает неточные указания о месте хранения этого письма: "ф. 49, картон У, ед. хр. 197, 9" [11, с. 116-119, сноски 310, 311, 313, 314]. На самом деле ф. 49 — это архив Венелина, картон У — это часть его архива; указанные же ею данные "ед. хр. 197, 9" относятся не к этому архиву, а к архиву Общества истории и древностей российских (ф. 203).

приведа эту же дату, указанную в конце письма [19, с. 146], оставляет данную датировку без каких-либо комментариев. Эта же дата указана и в аннотации к статье М. Хазина в библиографическом указателе литературы по славяноведению [20, с. 129]. Августом 1830 г. датирует это письмо и С. Тихомирова [16, с. 121]. Между тем дата 1 августа 1830 г., указанная в конце рассматриваемого здесь письма, несомненно ошибочна, на что уже обратила внимание Т. Байцуря [11, с. 116, сноска 309]. В 1830 г. Венелин никак не мог написать это письмо. Из его содержания со всей очевидностью следует, что оно написано после возвращения Венелина в Москву из путешествия. В день, указанный в конце письма, т.е. 1 августа 1830 г., Венелин находился, по всей вероятности, в Бабадаге в Добрудже. Письмо же он писал в июле 1832 г., на что указывает соответствующая запись ("Москва Июл. 1832") в первоначальном (черновом) варианте письма [12, л. 1]. Очевидно, что при переписке окончательного текста Венелин допустил опisku, указав год 1830 вместо 1832.

Письмо Венелина к Инзову было послано им вместе с экземпляром I-го тома его "Древних и нынешних болгар" ("Веленевый экземпляр моего сочинения и переплетенный") через старого знакомого по Кишиневу А.И. Белюгова. В письме к последнему от 1 августа 1832 г. он сообщал и о своей просьбе, изложенной в письме к Инзову: "Генералу (Инзову. — Г.В.) я написал целый комментарий; может быть, добрый старик соскучит прочесть мое письмо. Я его умильно прошу о сообщении мне известий и песен, чем меня чрезвычайно обяжет Его В-ство. То же пишу о собрании болгарских рукописных книг в одну кучу; впрочем может быть он вам покажет мое письмо; вы поддержите и его и мое желание доставить мне песен и сведений о болгарях" [21, с. 399]. Как видим, уже из опубликованного Л. Матцеевичем в 1885 г. письма Венелина к Белюгову⁴ видно, что в письме к Инзову Венелин обращался с просьбой и о собирании рукописных болгарских книг.

К числу важных материалов, подтверждающих факт знакомства Венелина с памятниками новоболгарской письменности, Е.И.

⁴ Эта публикация цитируемого здесь письма осталась, вероятно, недоступной Т. Байцуре. Во всяком случае она его указывает по архивному экземпляру, указав, правда, неточный шифр его в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина: ф. 49, п. У, ед. хр. 197, 6 вместо ф. 203, п. 197, ед. хр. 6 [11, с. 116, сноска 309].

Демина справедливо относит упоминание Венелиным сборника "Разных поучений праздничных на македонском наречии, в лист, 342 л., или 684 страницы, писано мелким уставом" в перечне привезенных им из путешествия болгарских книг, который приведен в одном из его писем к секретарю Российской академии (не Российской академии наук!) П.И. Соколову [1, с. 249]⁵. Сборник этот, как уже сказано в начале статьи, Е.И. Демина идентифицировала с Тихонравовским дамаскином ХУП в. Наличие сборника "разных поучений праздничных" в этом перечне несколько раньше, в 1966 г., было отмечено Б. Ангеловым [21, с. 187], обратившим на него внимание Е.И. Деминой [3, с. 14, сноска 8]. Нужно иметь также в виду, что на факт знакомства Венелина с дамаскинами еще в конце прошлого века указал И. Шишманов. Заклучая подробное описание "Грамматики нынешнего болгарского наречия" Венелина, он писал: "К Грамматике приложено в виде хрестоматии известное житие св. Петки из Евтимия, извлеченное из новоболгарского дамаскина" [24, с. 60]. Шишманов, правда, еще не знал, из какого именно дамаскина Венелин извлек Житие Петки Тырновской для своей "Грамматики", но важно подчеркнуть, что он правильно "угадал" источник текста этого Жития — новоболгарский дамаскин⁶.

Таким образом, в существующей литературе (в описаниях архивных документов, трудах о жизни и деятельности Венелина и др.) уже давно приводилось немало сведений, свидетельствующих о знакомстве Венелина с памятниками новоболгарской письменности (об одном из таких сведений речь пойдет еще ниже). Очевидно, что приведенные сведения остались вне поля зрения исследователей этой письменности вообще и дамаскинов в частности. Из этого, однако, не следует, что установление самого факта знакомства Венелина с новоболгарской письменностью

⁵ Дата этого письма в его черновом варианте, хранящемся в архиве Венелина, не указана, но из ответного письма Соколова к Венелину от 1 февраля 1832 г. следует, что направленное ему Венелиным письмо было написано 25 декабря 1831 г., вскоре по возвращении в Москву из путешествия. В своем письме Соколов требовал, чтобы Венелин "сообщил" в Российскую академию "в непродолжительном времени все означенные в отношении вашем ко мне от 25го декабря 1831 года под пятью номерами материалы, собранные вами во время вашего путешествия" [22, л. 1].

⁶ Е.И. Демина указывает, что Венелин "предпринял попытку" в "Грамматике нынешнего болгарского наречия" опубликовать одну из статей Тихонравовского дамаскина и что "этот факт до сих пор не был отмечен учеными-дамаскинологами" [3, с. 9]. Констатация эта в отношении ученых-дамаскинологов совершенно правильна. Но о самой этой по-

стью надо связывать лишь с изучением в последние годы подтверждающих этот факт архивных материалов. Вместе с тем совершенно очевидно, что, как это сказано в начале настоящей статьи, Е.И. Демина первой из исследователей новоболгарской письменности с полным основанием связала начальные истоки ее изучения в отечественной филологии с деятельностью Венелина.

Венелин, однако, был знаком и работал не только над тем памятником новоболгарской письменности, который известен теперь как Тихонравовский дамаскин ХУП в. Есть все основания утверждать, что он работал и над одним новоболгарским сборником ХУШ в. Что же это за основания?

Среди сохранившихся бумаг Венелина в его архиве есть и материал под названием "Два памятника новоболгарской письменности" [26]. Еще Е.И. Соколов в описании архивных "материалов для сочинений Ю.И. Венелина" отметил "Два памятника письменности на новоболгарском языке... в новейшей копии, в лист, на 10 листах", заключающих слова "Казание на погребение" и "Вспоминание святого мученика и млада отрока Андрея" [14, с. 583]. Он же указал, что "повесть" об отроке Андрее была в 1893 г. напечатана П.А. Лавровым "по списку Н.С. Тихонравова, относящемуся к ХУШ в." [6, с. 17], а в другой работе — что Лавровым был напечатан "список памятника о св. Андрее (из Сборника Н.С. Тихонравова, ХУШ в.)" [14, с. 583]. Уже в наше время, в 60-е годы, на эти "два памятника новоболгарской письменности" в бумагах Венелина обратил внимание Б. Ангелов, который отметил, что они занимают "10 листов скорописи, XIX в." и представляют собой "список с какого-то дамаскина (без указания)" и что второй из этих текстов — "рассказ об апостоле Андрее" [23, с. 182]⁷.

Названный Соколовым сборник ХУШ в. и ныне хранится под № 262 собрания рукописей Тихонравова в Отделе рукописей Го-

пытке, как видим, было известно уже Шишманову, а позднее и другим авторам (см., например: [24, с. 110], где, впрочем, принадлежность Мития Петки Тырновской — "Четь о святой Пятнице" — дамаскину, в отличие от Шишманова, не отмечается).

⁷ В другом месте Б. Ангелов отмечает, что "рассказ об апостоле Андрее обнаружен именно по этой рукописи П.А. Лавровым" [23, с. 187]. Очевидно, что здесь допущена неточность: Лавров опубликовал данное слово не по тексту рукописи (списку), сохранившейся в бумагах Венелина, а по тексту самого сборника из собрания Тихонравова. На это есть четкое указание самого Лаврова [27, с. 3, 8, 235]. См. также у Е.И. Деминой [2, с. 18].

сударственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина (описание этого собрания дано Г. Георгиевским [28]). В литературе этот сборник известен и как Тихонравовский дамаскин Б (см., например: [29, с. 5; 30, с. 245; 31, с. 251; 2, с. 18]). Именно из этого сборника Лавров и опубликовал в 1893 г. словес "Въспоминание с(вя)таго мученика отрока Андреи" [27, Приложение, с. 38-52], включив под это заглавие и следующее за ним его продолжение, озаглавленное "И другіе чужди (так!) чудиса за с(вя)ти мученикъ Андреи" и представленное в сборнике как отдельное слово со своей заставкой⁸ [лл. 48^{об.}-60^{об.} по старой (буквенной) или лл. 52^{об.}-65^{об.} по новой цифровой) пагинации⁹]. Через несколько лет, в 1899 г., он же опубликовал и четыре других текста из этого сборника - апокриф о Макарии Римском, хождение богородицы по мукам, откровение Варуха и епистолию о неделе [32, с. 93-106, 144-162]. В этом же сборнике, как видно из описания его содержания, приведенного Лавровым [27, с. 6] и Георгиевским [28, с. 45], есть и слово "Казание на погребание" (в описании Георгиевского - "Слово на погребение"). Естественно, возникает вопрос: в каком отношении названные еще Соколовым слова, составляющие сохранившиеся в бумагах Венелина "Два памятника письменности на новоболгарском языке", находятся к новоболгарскому сборнику № 262 из собрания Тихонравова?

Уже Е.И. Соколов отметил, что редакция слова об отроке Андрее в "списке, найденном у Венелина, та же, что и напечатанная" у Лаврова [14, с. 583]. Описывая бумаги Венелина, он, вероятно, не имел возможности сравнить найденный в них список данного слова с соответствующим словом сборника № 262 из собрания Тихонравова и потому ограничился только констатацией тождества редакций списка у Венелина и списка, изданного Лавровым по тексту названной рукописи. Сама эта констатация Соколова, однако, уже подсказывает мысль о том, что список Венелина может представлять собой копию того же слова

⁸ Данное слово в публикации Лаврова как самостоятельное в сборнике не выделяется, а его заглавие здесь приведено с красной строки в общем тексте [27, с. 40]. Не выделено оно и в постатейном оглавлении сборника [27, с. 7].

⁹ Старая (буквенная) пагинация сохранилась не на всех листах рукописи. Верхние углы некоторых листов с их числовыми обозначениями, вероятно, уже после переплета рукописи были обрезаны, у других листов - оторвались от пользования рукописью. Новой (цифровой) пагинацией обозначены все листы рукописи в том порядке, в каком они слепнут в ее настоящем виде.

из Тихонравовского сборника. Сравнение текста убеждает, что дело обстоит именно таким образом: список слова "Въспоминание святого мученика и млада отрока Андрея" у Венелина (лл. 2^{об.}–3^{об.}) действительно сделан по тексту слова из указанного Тихонравовского сборника (лл. 46–48 по старой, лл. 50–52 по новой пагинации). Далее как в списке Венелина (лл. 3^{об.}–10^{об.}), так и в сборнике Тихонравова (см. выше) следует продолжение этого же слова с той лишь разницей, что в его заглавии в списке Венелина пропущено слово чужди (л. 3^{об.}). Убедительным подтверждением того, что рассматриваемый список у Венелина сделан по тексту Тихонравовского сборника, служит также тот факт, что в обоих текстах повествование слова об Андрее прерывается одним листом из другого слова ("Сказание о великомученице Екатерине")¹⁰. Это л. 54 (по новой пагинации) в сборнике, который в списке Венелина переписан на л. 4–4^{об.}. Точно также и слово "Казание на погребение" у Венелина есть копия текста этого слова из того же сборника.

При переписке двух названных слов ("двух памятников новоболгарской письменности") были приняты некоторые упрощения в графике, в частности раскрыты многие титла, заменены некоторые буквы (юс малый на я, ук на у и др.). Переписчик – с учетом принятых упрощений – следовал тексту сборника довольно последовательно. Менее внимателен он был в постановке ударения, которое в сделанной им копии нередко отсутствует там, где оно в сборнике Тихонравова поставлено.

Итак, "Въспоминание святого мученика и млада отрока Андрея" и "Казание на погребение", составляющие "два памятника новоболгарской письменности" в бумагах Венелина, – суть копии соответствующих слов из сборника № 262 собрания Тихонравова. Сделаны они были не самим Венелиным, а кем-то другим (надо полагать, по его просьбе или поручению). Трудно сказать, для чего именно они потребовались Венелину. В архивных и опубликованных материалах, касающихся жизни и деятельности Венелина, нет сведений, которые бы свидетельствовали о том, что о рассматриваемом здесь новоболгарском сборнике XVIII в. из собрания Тихонравова Венелин знал только с чьих-либо слов, а самого этого сборника не видел и в руках не держал. Отсутствие таких сведений само по себе, конечно,

¹⁰ Этот ошибочно подшитый здесь лист в публикации слова об Андрее у Лаврова опущен [27, с. 41], что, впрочем, не отмечено публикатором.

не исключает полностью возможности такой версии. В сохранившихся бумагах Венелина, однако, есть свидетельство, позволяющее с уверенностью заключить, что сборник этот — одна из тех рукописных книг, которые он привез в Москву из путешествия. Что же это за свидетельство?

В уже упоминавшемся выше черновом письме к секретарю Российской академии Соколову Венелин приводит теперь уже известный в литературе список приобретенных им во время путешествия болгарских книг, под № 5 которого описана следующая рукопись: "Разные слова и поучения. На варненском или восточном наречии; в малый лист, 129 листов или 238 страниц; писано худым полууставом: недостает заглавный лист к первому слову" [33, л. 10^{об.}]¹¹. Есть все основания считать, что данная рукопись и есть новоболгарский сборник XVIII в. из собрания Тихонравова. В этом убеждает сравнение приведенного описания привезенной Венелиным рукописи "Разных слов и поучений" с тем, какое дает Георгиевский указанному сборнику ("Сборник новоболгарский житий и апокрифов, без начала и без конца, писан полууставом XVIII в., в 4-ку, на 131 лл." [28, с. 45]), и соотнесение обоих описаний с данными самого сборника. Как видим, одни сведения, сообщаемые Венелиным о привезенной им рукописи и Георгиевским — о Тихонравовском сборнике, совпадают, другие — различаются. К данным, совпадающим в обоих описаниях, относятся: сведения о содержании рукописи, несмотря на текстуальные расхождения в его описании ("разные слова и поучения" и "сборник новоболгарский житий и поучений"); указание на отсутствие начала текста первого слова ("недостает заглавный лист к первому слову" и "без начала"); формат рукописи ("в малый лист" и "в 4-ку")¹²; характер письма ("худой полуустав" и "полуустав XVIII в."). Данные, которыми оба описания различаются, касаются: объема рукописи ("129 листов или 238 страниц" и "на 131 лл.") и конца рукописи (указание на отсутствие конца рукописи только в описании Георгиевского).

¹¹ Список этих книг ("небольшое собрание из скудной нынешней болгарской письменности, достаточное однако для подробного наблюдения и изучения языка, т.е. для составления Болгарской грамматики и небольшого словаря", как характеризовал его сам Венелин [33, л. 14 об.] приведен Б. Ангеловым [23, с. 187].

¹² Фактические размеры сборника № 262 из собрания Тихонравова — 22,5 на 16,5 см.

При совпадении перечисленных, весьма существенных сведений в обоих описаниях обращает на себя внимание и очень важное для идентификации рукописи расхождение данных в ее объеме, хотя здесь оно и совсем незначительно – всего в два листа. Обращение к самому сборнику № 262 из собрания Тихонравова убеждает в том, что Венелин и Георгиевский, хотя и указали разное число листов в своих описаниях, имели в виду одну и ту же рукопись. Различия же в их данных объясняются тем, что Венелин указал число листов, занятых самим текстом "разных слов и поучений" (последняя страница с текстом – оборот л. 129 по новой пагинации), а Георгиевский – фактическое количество листов в сборнике (их в нем действительно 131, из которых два последние содержат разные записи более позднего времени). То, что Венелин не отметил наличие двух последних листов с записями, объясняется, видимо, просто неполнотой его описания¹³. Из описания же Георгиевского можно заключить, что текст последнего в сборнике "Слова от Петра Мытаря" обрывается на л. 131, а не на л. 129 (срв. у него: "без начала и без конца"), поскольку о содержащихся на лл. 130 и 131 записях в нем ничего не сказано. Гораздо существеннее, однако, то, что сведения Венелина и Георгиевского об отсутствии в сборнике начала и конца не соответствуют действительности. На самом деле как начало первого, так и конец последнего слова в сборнике имеются, но они оказались не на своих местах. "Заглавный лист" слова "Хожделение богородицы по мукам", которым открывается сборник, подшит между листами 2 и 4 по новой (цифровой) пагинации, при этом подшит в перевернутом виде (его лицевая сторона с заглавием слова и заставкой перед ним оказалась оборотной, а оборотная – лицевой)¹⁴. Последним листом "Слова от Петра Мытаря", завершаю-

¹³ Срв. с этим и описание Венелиным другого привезенного им новоболгарского сборника (Тихонравовского дамаскина ХУП в.): "Разные поучения праздничные на македонском наречии, в лист, 342 л. или 684 стр." [23, с. 187; 2, с. 14]. В этом описании, как видим, не отмечается, что начало данного сборника не сохранилось. В нем нет первых двух листов слова о десяти заповедях, которым он открывается [3, с. 16].

¹⁴ П.А. Лавров, приведший пословное содержание данного сборника, перестановку перечисленных страниц не отмечает [27, с. 6–7]. Не отмечает он это и при публикации слова "Хожделение богородицы по мукам" [29, с. 144–148]. Кроме первых и последних листов сборника и указанного выше л. 54, не на своем месте оказались подшитыми и лл. 26–39.

щего текст сборника, является не л. 129, а л. 128, подшитый между листами 127 и 129 (по их новой пагинации). Заключительная фраза на нижней стороне оборота л. 128 — "ему же слава и вовеки аминь" — совершенно определенно свидетельствует, что именно ею и завершался текст "Слова от Петра Мытаря" и, следовательно, текст всего сборника.

Из сказанного видно, что Венелин и Георгиевский, сообщая краткие сведения о рассматриваемом здесь новоболгарском сборнике XVIII в., не заметили, вероятно, перестановки его начальных и конечных листов. Отметим также, что Венелин допустил и очевидную оплошку, указав при 129 листах сборника не 258, а 238 страниц.

Итак, наличие в бумагах Венелина списков двух (точнее — трех) слов именно из новоболгарского сборника № 262 собрания Тихонравова, во-первых, и совпадение содержания и других сведений об этом сборнике со сведениями, сообщенными Венелиным в письме к Соколову о привезенной им из путешествия рукописи "Разных слов и поучений. На варненском или восточном наречии", во-вторых, свидетельствуют о том, что эта рукопись и есть несомненно названный Тихонравовский сборник¹⁵.

Еще не так давно Б. Ангелов, приведя список привезенных Венелиным болгарских печатных и рукописных книг, отмечал, что "о них мы больше ничего не знаем, поскольку в его архиве их нет" [23, с. 187]. В сохранившемся архиве Венелина болгарских рукописей действительно нет, но судьба двух из них теперь известна. Одна из них, как установила Е.И. Демина, — это Тихонравовский дамаскин XVIII в.; другая, как видно из сказанного, — это новоболгарский сборник XVIII в. (Тихонравовский дамаскин Б). О первой из этих рукописей Лавров писал, что она поступила к Тихонравову "из рукописных остатков после профессора Погодина, а последнему она досталась от Венелина" [27, с. 3]. Известно, что все материалы Венелина после его смерти перешли к его двоюродному брату И.И. Молнару. Каким образом эта рукопись досталась самому Погодину, мы не знаем. Но если справка Лаврова верна, то можно полагать, что и другая рукопись — новоболгарский сборник XVIII в. "Раз-

¹⁵ Заметим в этой связи, что указанный в этом же списке под № 6 сборник "разных поучений праздничных" Е.И. Демина идентифицирует с Тихонравовским дамаскином XVIII в. также на основании "содержания и количества листов памятника" и того факта, что Венелин использовал текст этого дамаскина, включив Житие Петки Трнонской из него в "Грамматику нынешнего болгарского наречия" [3, с. 14-15].

ных слов и поучений" — от Венелина тоже попала к Погодину, а от того (в числе других его "рукописных остатков") перешла к Тихонравову.

Сам же Венелин новоболгарский сборник ХУШ в. приобрел, по всей вероятности, в Кишиневе на обратном пути в Москву. В Кишинев он приехал 30 апреля 1831 г. и пробыл там до начала июля. В письме к М.П. Погодину из этого города от 3 мая 1831 г. Венелин писал: "Здесь хочу кое-чем заняться. Хотелось бы еще съездить по области кое-куда: сказывали, что есть вещица" [34, л. 9]. Удалось ли ему после болезни и свирепствовавшей там холеры осуществить свое намерение, мы не знаем, как не знаем и того, что именно за "вещица" привлекла его внимание. Нельзя исключать, что ею могла быть и какая-нибудь старая болгарская книга, о которой ему сообщил кто-либо из болгар, живших в Кишиневе. То, что новоболгарский сборник ХУШ в. (Тихонравовский дамаскин Б) до приобретения его Венелиным находился в Бессарабии, видно из следующей записи на его л. 131: "Димитрій прочитал тези божествини чудиса въ колоніи Болгтрадь. Свою руку подписалъ Бальдуфъ Макидонски". Поскольку Болград — главный центр болгар-переселенцев — был основан в 1819 г., то на основании приведенной записи следует заключить, что данный сборник оказался в Болграде (где его прочитал Димитрий, а Балдов Македонский в нем "свою руку подписал") не ранее указанного года. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что сборник этот был привезен в Бессарабию кем-то из болгар, переселившихся туда из Болгарии. Заметим в этой связи, что и новоболгарский сборник ХУП в. (Тихонравовский дамаскин), возможно, как полагает Е.И. Демина, Венелин тоже приобрел в Кишиневе (3, с. 15).

Имея одной из задач своего ученого путешествия собирание болгарских печатных и рукописных книг, Венелин старался навести сведения о них и их приобрести. Попытки его в общем, как это видно и из упоминавшегося списка привезенных им книг, оказались малоуспешными. В письме к Априлову от 27 сентября 1837 г. Венелин с огорчением сообщал, что во время путешествия он "насилу мог ... достать пять книг, писанных людьми, не знавшими ни грамматики, ни правописания своего языка" [7, с. 179; 6, с. 12]. Были ли некоторые из этих книг приобретены им в самой Болгарии, сказать трудно. Причину больших затруднений в разыскании и собирании столь нужных ему болгарских рукописных книг сам Венелин связывал с необразованностью и известной недоверчивостью болгар. "Я на опы-

те узнал, — писал он в 1832 г. Инзову, — что инне (болгары) действительно от меня скрывали свои книги, коими иначе чрезвычайно дорожат. Таким образом, например, ушла у меня из-под рук весьма важная рукописная книга Цароставник, или Летопись болгарских царей, за которую я готов был бы жертвовать (в оригинале: жертвоу. — Г.В.) одной третью моих путевых издержек ([13, л. 2^{об.}]; ср. [19, с. 144]). Он отмечал также, что "болгары, дорожа своими книгами, нелегко решаются и за деньги уступать оные; инне же, интересаны, за небольшую книжицу думают составить свою fortuna" [19, с. 144—145]. Вернувшись в Россию с весьма скудным собранием болгарских рукописных книг, Венелин продолжил усиленный поиск таких книг в Кишиневе — городе, в котором в то время жило немало болгар и который был ему хорошо знаком по двухлетнему пребыванию в нем в 1823—1825 гг. Это видно из того же письма к Инзову: "Так между прочим, несмотря на все мои археологические (т.е. археографические. — Г.В.) обыски, я только в Кишиневе узнал от одного попovichа болгарского, что у них, в Жеравне, что возле Сливна, находится целый сундук пергаменных книг" [19, с. 144]. Результатом его поисков в Кишиневе и было приобретение, видимо, обоих новоболгарских сборников, хранящихся теперь в собрании Тихонравова.

Приобретая здесь эти (а возможно и некоторые другие) сборники, Венелин убедился, что у болгар-переселенцев в Бессарабии есть старые болгарские рукописные книги. Об этом и необходимости сбора таких книг в интересах науки он писал Инзову: "Я уверен, что как при первом, так и при последнем переселении болгар в Бессарабию занесены туда же и инне рукописные болгарские книги, преимущественно духовными лицами или и другими, умеющими читать" [19, с. 145]. И далее он подчеркивал, что "чрезвычайно было бы полезно собрать могущие встретиться рукописные книги в колониях", и просил Инзова в этом случае "велеть доставить" ему "краткое известие об их существовании, заглавии и содержании, дабы в случае нужды испросить оные для воспользования ими" [19, с. 146]. Крайне заинтересованный в собирании болгарских рукописных книг, Венелин в цитируемом здесь письме излагает по существу подробную инструкцию, как нужно собирать такие книги и относиться к их владельцам. "При сем из собственного опыта замечу, — писал он, — что очень полезно будет для собирателей соблюсти некоторую осторожность в обыскании, преимущественно избегать виду требовательного и упоминания посылки в Москву или Пе-

тербург, ибо это может завлечь владельцев в неуместные догадки, а догадка неразгаданная есть уже сама по себе недоверчивость. Лучше и удобнее всего могут эту роль выполнить надежные лица из числа самих болгар. Сверх сего не вдруг бы приступали к отнятию или приобретению книг; половина приобретения сделана, если открыто существование книги, и полезнее прежде всего узнать под рукою, где и у кого они находятся и какого содержания; в противном случае отнятие одной может заставить других утаить свои. Наконец, приобретение может произойти добровольным ли пожертвованием, или обменом на печатные церковные, кои можно бы подослать из Москвы, или за какие-либо местные поощрения, отличия, могущие зависеть от начальства. Чтобы поощрить подобные пожертвования и придать им вид большей благовидности, то можно, кажется, наименовать оное вкладом в храм, в котором и можно бы оное сохранять впредь до особого назначения, в назначенном для сего ящике" ([13, л. 4-4^{об}; срв. [19, с. 146]). При этом задачу сбора рукописных болгарских книг Венелин не ограничивал только пределами Бессарабии, но считал необходимым организовать их доставку и из самой Болгарии. "Между тем как нередко, — писал он, — случается переписка болгарцев с заднайнскими их единоплеменниками и даже делаются ими в тех странах посещения, то по временам можно бы дать им комиссию отыскать и привести оттуда старые книги как, например, из Жеравны" ([13, л. 4^{об}; ср. [19, с. 146]).

Предпринял ли что-либо Инзов в связи с изложенной просьбой Венелина и его тщательно продуманный — с учетом собственного опыта — программой сбора болгарских рукописных книг, нам неизвестно¹⁶. Но сама эта просьба и программа свидетель-

¹⁶ В недавно опубликованной статье о Венелине С. Фомин пишет, что Венелин составил даже специальный "проект действования" и представил его начальству попечительного комитета. Проект предусматривал учреждение наблюдательной точки в Болграде, а также назначение особых чиновников для наблюдения за развитием болгарского языка и словесности, за ходом образования; для сбора исторических памятников, "составления музеев", содействия русским ученым и т.д. Однако официальными властями этот проект был положен под сукно [35, с. 269]. На чем основывается С. Фомин в своем заключении об указанном им отношении официальных властей (кого именно? "начальства попечительского комитета", т.е. Инзова?) к "проекту действований" Венелина, он не разъясняет. Бессонов, на работу которого С. Фомин, судя по тексту приведенной цитаты, в этом опирается, писал лишь о том, что "замечательнейший документ", как он характеризовал письмо Венелина к Инзову, "к сожалению, ... не возымел действия"

ствуют несомненно как о большой заинтересованности Венелина в получении сведений о таких книгах и самих книг, так и о его конкретных шагах, направленных на достижение данной цели.

Привезенные в Москву два новоболгарских сборника — Тихонравовский дамаскин ХVII в. и Тихонравовский сборник ХVIII в. (Тихонравовский дамаскин Б) Венелин должен был вместе с другими рукописными и печатными книгами представить в Российскую академию. Непременный секретарь Академии Соколов неоднократно требовал от Венелина доставки этих книг (первое такое требование было изложено в его письме от 1 февраля 1832 г.; см. выше сноску 5). Венелин, однако, требование Академии не исполнил: оба указанных сборника остались у него на руках, и после его смерти по крайней мере один из них, как уже сказано выше, оказался у Погодина. Сам Венелин задержку привезенных с собой болгарских книг, в том числе, следовательно, и названных здесь новоболгарских сборников, мотивировал необходимостью использования их для составления болгарской грамматики и словаря. В уже упоминавшемся выше письме к Соколову (вероятно, от 25 декабря 1831 г.) он писал: "Ваше превосходительство благоволите усмотреть сами, что во время занятия мне трудно расстаться с упомянутыми материалами по причине самой справедливой. С окончанием же труда я буду иметь честь представить с ним и самые материалы, которые, по моему мнению, останутся без пользы, если ими не воспользоваться грамматически" [33, л. 15]. Книги эти, однако, оставались у Венелина и после завершения им работы над "Грамматикой нынешнего болгарского наречия". Почему Венелин не сдержал своего слова и не отправил их в Академию, не известно. Вполне возможно, что неисполнение Венелиным требования Академии о представлении ей привезенных им болгарских книг явилось одной из причин ухудшившегося ее отношения к Венелину после его возвращения из ученого путешествия.

В заключение коснемся вопроса о первом упоминании о дамаскинах в печати.

По мнению Е.И. Деминой, "первое упоминание в печати о болгарских дамаскинах находим у В.И. Григоровича в его

[18, с. 202]. Ср. с этим и мнение М. Хазина: "Пока не найден архив Инзова, трудно ответить определенно, какие практические шаги предпринял Иван Никитич (Инзов. — Г.В.) в ответ на письмо Венелина" [19, с. 143].

"Очерке путешествия по Европейской Турции" (Казань, 1848) [2, с. II]. Е.И. Демина имеет в виду следующее место из этого труда: "Упомяну, наконец, что мне случилось также находить новоболгарские рукописи, именно в селах: Вакарелл, Эгри, Шипка и городе Рушук. Древнейшая из них восходит до половины XVIII столетия" (цит. по второму изданию "Очерка", СПб., 1877, с. 161; [2, с. II]). В связи с этим следует заметить, что еще за десять лет до выхода в свет "Очерка" Григоровича о таких же памятниках новоболгарской письменности сообщал Венелин. В изданной в 1838 г. брошюре "О зародыше новой болгарской литературы" он пишет: "В том периоде, т.е. в продолжение XVIII столетия, стали появляться (в тексте: проявляться. — Г.В.) по Болгарии рукописные книги на лощеной бумаге и на новоболгарском наречии; содержание их большею частью состоит из переводов поучительных слов св. отцов. В нескольких подобных рукописных книгах, которые я приобрел с великим трудом, я не нашел ничего постоянного в правописании" [36, с. 8-9]. Зная теперь, что в числе приобретенных Венелиным рукописных книг "на новоболгарском наречии" были и Тихонравовские дамаскины, мы несколько не ошибемся, если скажем, что в приведенной здесь цитате Венелин имеет в виду, конечно, и дамаскины. Он, правда, не называет эти "рукописные книги", приобретенные им "с великим трудом", дамаскинами, как не называет дамаскинами "новоболгарские рукописи" в своем "Очерке" Григорович. По существу же Венелин был, таким образом, не только первым русским ученым, познакомившимся с дамаскинами, но и первым, кто сообщил в России в печати о наличии таких памятников новоболгарской письменности, обратив при этом внимание на разноречивость в их правописании. Последнее замечание, как и подготовленное им для издания в "Грамматике нынешнего болгарского наречия" Житие Петки Тырновской из Тихонравовского дамаскина является бесспорным свидетельством того, что Венелин над двумя бывшими в его распоряжении дамаскинами работал. О Житии Петки Тырновской ("Болгарской хрестоматии, приложенной ... к Грамматике") сам он писал, что его "исправил по правилам" разработанного им для болгарского языка опыта этимологического правописания [36, с. 32].

Но вообще первое сообщение в печати о наличии новоболгарских рукописных книг принадлежит Неофиту Рильскому — известному деятелю Болгарского Возрождения, автору первой печатной грамматики болгарского языка. В 1835 г., т.е. за три года до Венелина, он писал: "С великим сожалением слышал я

от одного старца, что в одном отдаленном месте, т.е. в ските одного болгарского монастыря, находилось с целой воз весьма древних книг; (были ли они славянские, т.е. старо-болгарские или болгарские, т.е. ново-болгарские, не известно: вероятно были некоторые писаны и на нынешнем простом языке). Опасаясь, чтоб ему не досадили за именование славянских книг, реченный старец решился от них избавиться, выкопал яму и зарыл их в землю потому, что из уважения к ним, как сам признавался, не смел их сжечь, или просто выкинуть" [37, с. 47]. Данный фрагмент из "Болгарской грамматики" Неофита Рильского цитирует Венелин в упомянутой брошюре "О зародыше новоболгарской литературы", в переводе которого он нами и приведен [36, с. 15, сноска 3]. Нужно отметить только, что слова, выделенные курсивом, принадлежат Венелину (в тексте Неофита Рильского их нет). Эти пояснения Венелина, как видим, ясно показывают, что среди старых болгарских книг он выделяет "книги новоболгарские", написанные на "нынешнем простом языке".

Литература

1. Демина Е.И. Об изучении новоболгарской письменности в отечественной филологии. - В кн.: Балканские исследования. Вып. 5. Основные проблемы балканистики в СССР. М., 1979.
2. Демина Е.И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник ХУП в. Исследование и текст. Ч. I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968.
3. Демина Е.И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник ХУП в. Исследование и текст. Ч. II. Палеографическое описание и текст. София, 1971.
4. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 203, п. 197, ед.хр. 5.
5. Арнаутов М. В.Е. Априлов. Живот, дейност, съвременници (1789-1847). 2 изд. София, 1971.
6. Соколов Е.И. Бумаги Ю.И. Венелина, хранящиеся в Библиотеке Императорского Общества истории и древностей российских. (Отд. отт.). М., 1899.
7. Две писма от Юрий Иванович Венелина до Василия Априлов. - Сборник на народни умотворения (София), кн. I, 1899.

8. Златарски В. Юрий Иванович Венелин и значението му за българите. - "Летопис на Българското книжовно дружество в София. III. 1901-1902". София, 1905.
9. Венелин Ю. Избрани страници. Подреди и преведе П. Диневков. Пловдив, 1938.
10. Венелин Ю. Избрани страници. Под редакцията на П. Диневков. 2-ро доп. изд. София, 1942.
11. Байцпура Т. Юрий Иванович Венелин. Братислава, 1968.
12. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 203, п. 197, ед.хр. 8.
13. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 203, п. 197, ед.хр. 9.
14. Соколов Е.И. Библиотека Императорского Общества истории и древностей российских. Вып. 2. М., 1905.
15. Бессонов П. Некоторые черты путешествия Ю.И. Венелина в Болгарию. - "Москвитянин", 1856, № 10.
16. Тихомирова С. Под именем Венелина. - "Дружба", 1982, № 8.
17. Бессонов П. Статья предварительная. - В кн.: Венелин Ю. Древние и нынешние болгары в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. Изд. 2. М., 1856.
18. Бессонов П. Ю.И. Венелин. - ЖМНП, 1882, № 6.
19. Хазин М. У истоков Болгарского Возрождения. Юрий Венелин и Молдавия. - "Кодры" (Кишинев), 1982, № 8.
20. Советское славяноведение. Указатель литературы. 1978-1982 гг. Вып. I. М., 1983.
21. Мацевич Л. Письма Юрия Ив. Венелина к А.И. Белогову. - "Известия С.-Петербургского славянского благотворительного общества", 1885, № 9.
22. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 49, п. У, ед.хр. 150.
23. Ангелов Б. Из архива на Юрий Иванович Венелин. - "Известия на държавните архиви", II, София, 1966.
24. Шипманов И. Венелиновите книжа в Москва. II. - "Български преглед", 1897, год. IV, кн. 9.
25. Лунина М.В. Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю.И. Венелина. - В кн.: Славянская филология. Статьи и монографии. М., 1952.
26. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 49, п. IV, ед.хр. III.
27. Лавров П.А. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893.

28. Георгиевский Г. Собрание Н.С. Тихонравова. I. Рукописи. М., 1913.
29. Лавров П.А. Дамаскин Студин и сборники его имени "дамаскины" в юго-славянской письменности. Одесса, 1899.
30. Попев Е. История на българский език. Т. I. Изд. 2. София, 1940.
31. Петканова-Тотева Д. Дамаскините в българската литература. София, 1965.
32. Лавров П.А. Апокрифические тексты. - Сборник Отделения русского языка и словесности, т. 37, № 3, СПб., 1899.
33. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Отдел рукописей, ф. 49, п. У, ед.хр. 148.
34. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина, Отдел рукописей, ф. Пог./П, п. 80, ед.хр. 9.
35. Фомин С. Ю.И. Венелин - историк, этнограф, языковед. - "Дружба народов", 1982, № 4 (в заглавии не исправлена опечатка: Веленин).
36. Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838.
37. Неофит Рилски. Болгарска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СТИЛЯ (к концепции А.А. Потебни)

Ю.И. Минералов

I

Как мы уже подчеркивали в специальной статье (II), перед всяким намеревающимся разобраться в филологической концепции А.А. Потебни, стоит уникальный и довольно трудный для преодоления смысловой барьер. Любопытнее всего то, что о наличии такого барьера авторы, медитирующие над трудами Потебни, никогда, кажется, не упоминали; создается впечатление, что о его существовании даже "не подозревают". Между тем оригинальнейшая и глубокая философия языка, развитая А.А. Потебней, естественно и органично воздействовала в первую очередь на мышление самого же Потебни. Как результат, форма выражения великим славянским филологом своих идей весьма необычна (см. II).

Как известно, на протяжении первой четверти XX века над "незавершенными" и "наивными" теориями А.А. Потебни отпраздновал викторию далеко не один безответственный интеллект. Ныне, в конце столетия, уже бросается в глаза одна универсальная черта такой "критики", а именно: глухое непонимание разбираемых свыска теорий. Все, что говорил великий филолог о том, что "понимание в смысле передачи мысли невозможно" (I5, 54I), прискорбным образом сбылось по отношению к нему самому. Потебню зачастую пытаются критиковать, совершенно не учитывая эллиптически й характер его суждений, обусловленный своеобразным потебнянским отношением к проблеме передачи мысли; не замечая специфически потебнянской семантики у ряда терминов, которые у Потебни лишь внешне соответствуют общеупотребительным терминам филологии ("слово", "звук", "форма", "содержание", "мысль" и др.) (см. II). Впрочем, наиболее самоуверенно и наиболее слепо критиковали его в текущем веке не научные направления как таковые, а экстремальные течения в филологии XX столетия (см. о них IO). Именно данного рода критиками внушены закре-

пившиеся, к сожалению, в обиходе мнения о якобы незавершенном характере концепции А.А. Потебни, а также упрощенные и искаженные трактовки основных ее компонентов. Мириться с таким положением невозможно. В частности, нельзя согласиться с некоторыми довольно широко распространенными представлениями о том, как понимал Потебня феномен "внутренней формы".

После А.А. Потебни данный термин применялся большим количеством лингвистов; литературоведение освоило его тоже. Не будем касаться многообразных трактовок этого термина у различных авторов. Самого Потебню понимают однозначно. Считается само собой разумеющимся, что, говоря о внутренней форме "слова", он имел в виду этимологическое значение лексемы в языке. Такая трактовка обоих терминов ("слово" и "внутренняя форма"), крайне существенных для потебнянской концепции, базируется не на системном анализе работ филолога (и, в частности, контекстной семантики упомянутых двух терминов), а в основном лишь на том обстоятельстве, что у многих позднейших авторов — и лингвистов и в особенности литературоведов — из работы в работу на протяжении уже десятилетий кочуют несколько цитат, где Потебня действительно иллюстрирует понятие внутренней формы этимологическим разбором некоторых лексем (стол — стлать, око — окно и т.п.). Однако конкретное изучение работ Потебни убеждает, что это именно иллюстрации, которые привлекали автора своей наглядностью, ни в коей мере не исчерпывая реальной сложности феномена внутренней формы. Потебня в данном случае явно недопонимается. Этому можно было бы удивляться, если бы нечто столь же далекое от истины не было бы распространено в отношении ряда иных важнейших понятий потебнянской теории (подобие между "словом" и произведением, семантика терминов "форма" и "содержание", "звук", "мысль" и др.).

Осознав особенности гумбольдтианского отношения Потебни к коммуникации, "склад ума" этого филолога и философа (и обусловленный данным оригинальным "складом ума" особый потебнянский подход к терминологии), мы оказываемся вынуждены качественно по-новому взглянуть на ряд "привычных" высказываний Потебни.

Вопреки обвинениям некоторых своих критиков, А.А. Потебня ясно понимал, что в современном языке внутренняя форма лексем, как правило, не участвует в происходящих при общении людей семантических процессах. В полном соответствии с представлениями позднейшей лингвистики, в том числе и современной нам, А.А. Потебней-языковедом в свое время недвусмысленно заявлено, что ныне слово в языке служит "только указанием на предмет" (I5, I72), то есть условным, конвенциональным знаком. В таком "указывании" этимология слова, естественно, не участвует.

Однако к этому Потебней прибавлена важная оговорка: "Не то предполагаем во времена далекие от нашего и даже во многих случаях в современном простом народе"; "Не вдаваясь в серьезное исследование, мы здесь только намекаем на отчасти известные факты, характеризующие взгляд темных веков"; "...В то время гораздо живее чувствовалась законность слова и его связь с самим предметом"; "Между родным словом и мыслью о предмете была такая тесная связь, что, наоборот, изменение слова казалось непременно изменением предмета" (I5, I72-I73). Вряд ли невозможно постигнуть, на что "намекает" нам великий филолог, прибегавший к семантическому "намеку" как удобной эллиптической форме общения с "равным по образованию" (см. I6, 48). "Намеки" в данном случае предельно ясны и обязывают сделать такой вывод: о пресловутом "символизме языка", его "поэтичности" (I5, I75) А.А. Потебня говорил лишь применительно к особым конкретным ситуациям.

К каким именно? И тут неясностей не наблюдается. Во-первых, Потебня предполагал, как понятно из приведенных цитат, "символизм языка" в далеком историко-культурном прошлом (распространяя свою идею в современности исключительно на индивидов с атавизмами фольклорно-мифологического сознания). Во-вторых, он говорил о "символизме" и "поэтичности", подразумевая уже не язык как таковой, а нечто иное. А.А. Потебня постоянно употребляет слово "язык" в том "обширном смысле" (I, 83), который вкладывала в него филология XIX столетия и который соответствует значению современного термина стиль. И, говоря о современности, Потебня усматривает "символизм" и "поэтичность", конечно, не в языке как таковом, а в художественно-литературном стиле, в индивидуальных стилях художни-

ков слова.

Если в языке внутренняя форма почти безразлична для коммуникации (так, этимология лексем обычно находится в состоянии законного "забвения" говорящими на данном национальном языке лицами), то в словесно-художественных индивидуальных стилях ее положение нередко принципиально отлично. Именно наблюдение стиля позволяет вполне ощутить, почему Потебня-концептуалист придавал такое глобальное значение явлению, которое он называет в своих трудах то "объективным содержанием", то "первым содержанием", то "внутренней формой" (I5, II4-II5).

Общеизвестно, какое огромное распространение имеет в словесно-художественных индивидуальных стилях так называемая "художественная этимология" (общепринятые синонимы - "мнимая этимология" и "поэтическая этимология"). Оформление филологических представлений о данной категории принято связывать с именем Г.О. Винокура. Это небезосновательно: Винокур был в 40-е годы первым, кто заговорил об ограниченном и недостаточном характере узкой, собственно этимологической трактовки внутренней формы (см. 5). Однако абсолютизировать роль данного маститого филолога в разработке понятия художественной этимологии особых оснований нет. Его роль традиционно преувеличивается: приоритет и здесь безусловно принадлежит А.А. Потебне. И о том и о другом автор данной статьи считает своевременным напомнить со всей определенностью.

Объяснима и во многом естественна та аффектация, с которой Винокур противопоставил "свое" толкование внутренней форм "наивно-этимологическому", для которого, по его словам, "так часто дает повод Потебня" (4, 391). Но уважение к Г.О. Винокуру не избавляет нас от необходимости проанализировать работы А.А. Потебни и проверить, действительно ли последний не предвидел возможности "художественной" этимологизации, соответствующего расширенного понимания внутренней формы и "наивно" сводил внутреннюю форму к лингвистически истинной этимологии лексем. Такой анализ убеждает: никакой объективной противоположности здесь нет. Напротив, именно из работ Потебни Винокур, несомненно, получил еще в 20-е годы, в период своего пребывания в Московском лингвистическом кружке (см. 10, 121), ясный концептуальный "намек" на необходимость широко осмысливать термин "внутренняя форма". Намек был понят и гибко использован. Г.О. Винокур развил свои известные тезисы о поэтической этимологии, о несводимости

понятия внутренней формы к внутренней форме лексемы, о "рефлексивности" языка художественного произведения как целого.

Верный обычно для него эллиптической манере выражения мыслей, Потебня не акцентирует в своих трудах тот смысловой "поворот", который не раз придавал впоследствии термину "внутренняя форма" Винокур на материале художественной литературы ("Сказка о рыбаке и рыбке" Пушкина, "Хлеб" А.Н. Толстого и др.). Однако было бы изначально абсурдным полагать, что сам Потебня будто бы "наивно" не учитывал такого "поворота"! Уже одно только изучение пословиц и поговорок, которому Потебня отдавал столько сил, постоянно и неизменно ставило его перед фактами "игры" каламбурным переразложением слов, словосочетаний, фраз — то есть перед фактами "художественной этимологии", внутренней формы в широком смысле. И, конечно же, Потебня с его великолепным стилистическим слухом знал массу примеров использования такой мнимой этимологии в произведениях новейшей словесности. Великий филолог — как всякий языковед, прекрасно знавший к тому же, что такое народная этимология в языке, — попросту не мог не знать, что в литературных произведениях имеет огромное распространение аналогичное явление.

Итак, понятие художественной этимологии прямо вытекает из сути потебнянской концепции. Однако в том виде, в котором это понятие употребляется в филологии последователями Г.О. Винокура, оно выглядит несколько метафоричным. Ведь слово (лексема) семантически неоднородно, оно обладает определенной внутренней структурой: префикс, корень, суффикс, флексия. Ясно, что внутренняя форма как явление художественного стиля — нечто принципиально иное, чем этимология лексемы в языке; это и подчеркнуто Г.О. Винокуром. Ясно и то, что лингвистически истинная этимология лексемы в языке определяется семантикой ее корня (подразумеваются лексемы "знаменательные", а не грамматикализованные). Как же обстоит в стиле с художественной этимологией? Попробуем филологически конкретизировать это метафорическое понятие.

Для лингвиста слово распадается на фонологическом уровне на цепочку фонем (при рассуждении в категориях не фонологии, а фонетики — на цепочку звуков). На морфо-семантическом уровне слово распадается на цепочку морфем.

Литературоведы при анализе стиля (в особенности стихотворного) в силу естественных причин тоже используют в своих аналитических операциях понятие "звук". Иногда литературо-

ведению необходим — также в чисто операционных целях, — и термин "фонема". Убедиться в последней необходимости нетрудно. В самом деле, фонема — в том плодотворном понимании данного явления, которое свойственно классическим направлениям в фонологии (например, Московской школе) — не какая-то "абстрактная" лингвистическая категория. И для Московской и для Ленинградской школ фонема "действительно существует в языке как некая особая, отличная от других языковая единица" (9, 56). Что до широко распространенного среди людей, далеких от филологии, представления, что "звуки" в языке более конкретная реальность, чем фонемы, то оно заведомо неосновательно в силу условности сформированного под влиянием буквенного письма ощущения людей, что слова распадаются в реальной речи на отдельные звуки. На деле, как известно, звуки, на которые слова якобы "членятся", в живом произнесении плавно, без четких границ "перетекают" друг в друга. Говоря словами Л.В. Щербы: "... Каждый отдельный звук непосредственно переходит в другой без каких-либо резких скачков, так что печатный текст, состоящий из отдельных букв, не дает в сущности истинной картины реального речевого процесса" (цит. по 8, 12).

Нет нужды распространяться, насколько ограничивают подобные факты сферу научного литературоведческого применения термина "звук", и какие удобства открывает зато в определенных случаях применение термина "фонема". Так, при всяком типологическом описании индивидуальных стихотворных стилей, охватывающем значительные исторические интервалы, предпочтительнее анализ рифмовки, аллитерирования и т.п. в фонологических категориях (фонемы и их совпадения), чем общепринятые в таких случаях, но неминуемо субъективные рассуждения в категориях фонетики (звуки в рифмах, например, XVIII-XIX вв.). Субъективность "предопределена" здесь следующими обстоятельствами. Фонологическая система русского языка за последние два столетия не претерпела никаких существенных изменений. Поэтому фонема — единица, обладающая необходимой для исторической типологии стабильностью; четкая "фонематическая" типология индивидуально-стилевого рифмоупотребления XVIII-XX вв. легко осуществима.

Напротив, фонетические (в данном случае лучше сказать "произносительные", "акустические") единицы, звуки в рифме зависят от всякого смещения норм орфоэпии. А эти смещения происходят весьма быстро. И вот случается у филологов-стиховедов, что исследователь в конце XX века простодушно подхо-

дит к проблеме "звуковых соответствий" в рифме поэтов XVIII столетия со своими собственными произносительными навыками. В результате легко отыскать, например, точную рифму там, где для поэта и его аудитории она была неточная. (Также метаморфозы могут воспоследовать в результате редуционных процессов с гласными, колебаний в произношении конечного "г" в словах типа "бог" [бох] и [бок] и т.п.). Это особая тема, но стоит сравнить хотя бы рифмы типа жди/дожди или тош/дождь. Их можно трактовать либо как точные в звуковом отношении, либо как неточные в зависимости от того, из каких орфоэпических критериев исходить: сочетание букв "жд" во втором компоненте может означать либо [жд'] и [шт'], либо [ж'] и [ш']. Недостатки звуковых классификаций сходны с изъянами классификаций рифм, основанных на графике: всякая радикальная реформа правописания небезболезненна для них. Достаточно напомнить, что графика рифм старых русских поэтов в дореволюционных изданиях их произведений заметно отличается от графики рифм в послереволюционных изданиях.

Итак, не только "звук", но и "фонема" — операциональные понятия, которые литературоведению в ряде случаев необходимо заимствовать у той отрасли филологии, где они имеют строго категориальное значение, то есть у лингвистики. Но легко убедиться, что литературоведению иногда необходимо оперировать и понятием "морфема". Как и "фонема", оно имеет здесь преимущественно вспомогательный характер. Но без него, пожалуй, невозможно филологически конкретизировать понятие "мнимой этимологии" в словесно-художественных индивидуальных стилях.

Как известно, литературоведение изучает с помощью понятий "звук" и "фонема" закономерности, которые не имеют прямого отношения к языковой фонетике и фонологии (например, рифменные и аллитерационные повторы, провоцирующие ассоциирование значений объединенных повтором слов). Понятие "морфемы" также нужно литературоведу для иных целей, чем лингвисту. Как стилевая внутренняя форма слова отлична от языковой, как художественная этимология слова отлична от истинной его этимологии, так отличается от настоящей, языковой морфематики морфематика "стилистическая". На этом моменте следует остановиться подробнее.

Не слово, а именно морфема является наименьшей значимой единицей в индоевропейских языках. При этом в знаменательных словах роль смыслового "ядра" играет корневая морфема, вы-

ступающая непосредственным носителем основного, "вещественного" значения лексемы как языковой структуры. Морфемы обладают автономией как в плане выражения, так и в плане содержания — входя в лексему, как целостность, сохраняют в ней некоторую семантическую и формальную цельность. Именно это последнее их свойство обыгрывает художественная этимология. Теория стиля при конкретной постановке вопроса о такой этимологии немедленно сталкивается с феноменом мнимой (художественной, поэтической) морфемы. Этот феномен наиболее зримо проявляется в фольклорных жанрах, подобных пословице, поговорке, загадке; в стихотворных индивидуальных стилях литературы; а также и в стиле прозаиков, тяготеющих к приему каламбурного переразложения слов (Десков, Зощенко и др.).

Например, мнимую морфему легко пронаблюдать в стиле Державина — одного из тех поэтов, которые находились в русле филологических и читательских интересов А.А. Потесни.

Мнимая морфема, как это и естественно для художественных образований, явление чисто окказиональное: ожидать ее перехода из индивидуального стиля и конкретного произведения в язык также неосновательно, как неосновательно требовать внедрения в язык, например, авторских неологизмов, столь характерных для Державина, Маяковского, Хлебникова и др. Создается художественная морфема в результате повтора. Повторение наглядно демонстрирует "воспроизводимость" в двух или более контекстуально близких и синтаксически связанных словах определенного комплекса фоном (звуков). Ср. у Державина: "Как РОЗа, окРОпясь РОСом, / ПрекРАСнейший РАСкинет цвет" ("На восшествие на престол императора Александра I"); "Я пою под МИРтой МИРной", "В думях БАРа БРАНь ведут" ("Гитара"); "С белыми БОРей власами / И с седом БОРодой" ("На рождение в севере порфирородного отрока") и др.

Формируя фразу из лексем, в которых чисто случайно имеются общие комплексы фоном, поэт тем самым имитирует наличие в словах одной и той же морфо-семантической единицы. Читательское сознание, как правило, воспринимает подобной переразложение "истинной" морфематики без какого-либо протеста. Читатель воспитан на закономерностях национального языка; он естественным образом приучен к тому, что в слове имеется автономное смысловое ядро (корень), и к тому, что внешнее сходство корней означает часто смысловое родство слов. В то же время без специальной лингвистической подготовки он не способен к точному и безошибочному выявлению реального их

родства — отсюда феномен народной этимологии. Поэтическая этимология есть целенаправленное применение в соответствии со стилем данного автора принципов этимологии народной. "Роза" и "роса", "борей" и "борода" и т.д. превращаются поэтом в "родственные" слова, что тянет за собой в контексте произведения (и индивидуального стиля) определенное пучки образно-художественных ассоциаций. Происходит предельно ясное и конкретное выделение в этих словах внутренней формы. То, что такая внутренняя форма не имеет опоры в языке и является порождением художественной фантазии поэта, не мешает ей выполнять задачи стилистической выразительности.

Понятие окказиональной морфемы предложено впервые нами в 1973 г. в статье "О специфике морфо-семантического уровня в поэтических текстах" (13) и по возможности детально обосновано позднее в работе "К теории поэтического языка (о специфике морфо-семантического уровня в русском поэтическом языке)"; данная работа, посвященная, между прочим, памяти Г.О. Винокура, опубликована в 1977 году (14); в 1978 году ее реферат напечатан в центральном реферативном журнале.

Но понятие мнимой этимологии, конкретизованное интересным образом, не исчерпывает феномена внутренней формы. И, разумеется, это понималось А.А. Потебней. О внутренней форме более сложных единиц, чем лексема, говорится у него неоднократно. Произведению помимо "содержания (или идеи)" обладает, по Потебне, также целостной внутренней формой, представляющей собой индивидуально-стилевую "образ, который указывает на это содержание" (15, 179).

Семантические процессы, составляющие основу такого "указывания", подробно описаны А.А. Потебней.

"Внутренняя форма... — по его словам, — дает направление мысли слушающего" (15, 180). Иными словами, внутренняя форма произведения выполняет роль организатора читательских ассоциаций — она задает ракурс понимания, восприятия, "не назначая пределов" ассоциациям читателя, развертывающимся затем по данному направлению (15, 180). Поскольку, с другой стороны, внутренняя форма — не логико-понятийная конструкция, а синтетический образ, постольку ясно, как именно представлялась А.А. Потебне дача "направления мысли". Критик, разбирающий данный художественный текст, предложит, по всей вероятности, логико-аналитическую понятийную формулировку идеи, то есть попытается направить читательское понимание путем комментариев, разъяснения "причин и следствий". Напротив,

внутренняя форма, как всякий образ, сигнализирует читателю семантическими "вспышками", воздействует на него спонтанно, одномоментно. Пределы такого синтетического взрывообразного воздействия, его "сила" априори непредсказуемы, зависят от индивидуальности читателя. Именно в этой непредсказуемой широте и силе воздействия, в этой способности обнаруживать самые неожиданные семантические глубины Потебня усматривал уникальность словесного искусства: "Заслуга художника не в том *ш и н и ш и м*'е содержания, какое думалось ему при создании, а в известной гибкости образа, в силе внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержание" (I5, 182). Термины "мысль", "содержание" понимаются при этом не в общепринятом, а в специфически потебнянском смысле. Остановимся на данной специфике.

Уже говорилось, что "внутренняя форма" у А.А. Потебни — термин, далекий от современного термина "форма" (в том числе, и от его варианта "содержательная форма"). Говоря о форме в современном понимании термина, Потебня выражается "внешняя форма", оговаривая при этом, что последняя "проникнута мыслью" (I5, 179). Поскольку, с другой стороны, "мысль" может быть у Потебни синонимом современного термина "содержание", постольку ясно, что именно содержательную форму Потебня называет формой "внешней".

Термин "внутренняя форма" имеет иное значение. Он соответствует современному представлению о формированной сущности, то есть о содержании в строгом смысле слова. Потебня четко различал, с одной стороны, формированное, "объективное содержание" (или "первое содержание" или "внутреннюю форму" — все три выражения у него синонимичны) и, с другой стороны, "субъективное содержание". Этому второму у Потебни соответствуют термины "отвлечение" (I5, 309) и "идея" (I5, 179 и др.).

Итак, в силу присущего ему своеобразного словоупотребления А.А. Потебня именовал внутренней формой явление, которое рассматривал как собственно семантическое (мы приучены говорить в аналогичных случаях о содержании).

Лингвисты легко понимают данный нюанс, зная, что под внутренней формой лексемы в языке Потебней разумеется одно из ее значений (этимологическое значение), а не ее форма. Литературоведы же интересуются обычно тем, что Потебня указывал на наличие внутренней формы у образований, более сложных, чем лексема — даже у целых художественных произведений.

Дезориентированные словом "форма", некоторые авторы, как известно, склонны были упрекать Потебню в "формализме". Между тем, дело обстоит совершенно иначе: славянский филолог принял интереснейшую попытку в понимании содержания пройти дальше эстетики и философии Гегеля, детализировать и внутренне дифференцировать эту теоретическую категорию.

А.А. Потебня отнюдь не ограничивается при этом различением "идей" и "сущности", "субъективного содержания" и "объективного содержания" или "внутренней формы". Помимо самобитных представлений о том, какие элементы являются содержанием, а какие — формой, потебнянская концепция дает совершенно оригинальный ответ на вопрос, что есть содержание. Категоричность известного выражения Потебни "понять другого невозможно" (I5, 558), как и иные его "гумбольдтианские" тезисы — естественные следствия попытки обоих великих ученых впервые в филологии поставить проблему коммуникации во всей ее реальной сложности. Удовлетворительная степень взаимопонимания повседневно и ежеминутно достигается людьми в самых разных сферах общения. Но именно Гумбольдтом и Потебней доказано, что невозможно абсолютно точно перевести зародившееся в другой личности в систему понятий своей собственной личности. Массу примеров этого можно встретить повседневно. С особой силой такая невозможность проявляется в художественном "общении".

По Потебне, "Язык есть средство понимать самого себя" (I5, 149). Индивидуальный стиль писателя также представляет собой первоочередное средство автокоммуникации: "Поэтическое произведение, будучи... объективированием мысли, ... прежде всего нужно не для слушателей, не для публики, а для самого поэта" (I5, 542). Поясняя объективную необходимость личностной автокоммуникации, А.А. Потебня ввел в свою концепцию чрезвычайно емкое, но, к сожалению, подзабытое позже в филологии, понятие "внутреннее душевное событие": "Для того, чтобы узнать человеку, что происходит в нем самом, узнать не с тем, чтобы чувствовать это непосредственно, но чтобы судить об этом, нужно выразить словом, объективировать внутреннее душевное событие" (I5, 541). Напомним в порядке проходного замечания, что одно из популярных обвинений в адрес Потебни гласит, будто в его "насквозь познавательной теории" обойдены эмоциональные элементы искусства, и в этом — провал" (? , 63). Самое любопытное, что автор цитированных слов (А. Горифельд) именовал себя последователем А.А. Потебни; впрочем, аналогичного упрека потебнянскую концепцию "удо-

стояли" и многие иные творческие деятели. Между тем все, что говорит Потебня о создании произведения как отклике творческой индивидуальности на "внутреннее душевное событие", прямо противоречит подобного рода критике; те, кто утверждал, будто великий славянский филолог сводит искусство к познанию и отождествляет его результаты с результатами научного познания, как водится, понимали потебнянский термин "мысль" в общепринятом смысле, а не в том ярком спектре значений, который придает термину "мысль" сам Потебня. Но вряд ли стоит внутренне напрягаться, пытаясь подловить А.А. Потебню на "наивности" и изыскать "пробелы" в его теории.

В индивидуальном стиле творческая личность "объективирует свою мысль и благодаря этому имеет возможность задерживать перед собой и подвергать обработке эту мысль" — данные слова выделены в потебнянском труде (I5, 54I). Но как божий день ясно, что "мысль" здесь подразумевает и семантику и эмоциональное "душевное событие"! Не в каких-либо неопубликованных и "незавершенных" своих рукописях, а в "Мысли и языке" Потебня говорит: цель искусства — "произвести известное субъективное настроение как в самом производителе, так и в понимающем..." (I5, I83). Какой уж тут "интеллектуализм" и приравнение целей искусства целям науки... Впрочем, А.А. Потебня никак не должен отвечать за то, что ему впоследствии приписали подобное.

Учитывая реальную сложность потебнянского словоупотребления, можно, по-видимому, воспринять уже не как парадокс, а как строго научный тезис его известное утверждение, что художественная литература "не есть выражение готового содержания, а, подобно языку, могущественное средство развития мысли" (I5, 20I). Упоминание в данной фразе "языка" легко может потянуть за собой ассоциации с идеями Потебни о том, что передача готовой мысли одного человека другому человеку объективно невозможна: "Говорить значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли" (I5, 54I, курсив Потебни. — Ю.М.); "понимание в смысле передачи мысли невозможно" (I5, 54I) и др. Однако будем помнить о свойственном славянскому филологу широком и рассвободженном употреблении слова "мысль". Когда А.А. Потебня говорит о словесном искусстве, "мысль" у него далеко не всегда равнозначно "идее". Потебня с завидной ясностью очертил с у т ь процесса стилиевой индивидуализации "внешней формы" и "идеи" ("субъективного содержания", "отвлечения", "мысли"). Всякий

данный стилист во всяком данном произведении не просто выражает некий круг идей, а создает семантический уникум: "Чтобы не сделать искусства явлением не необходимым или вовсе лишним в человеческой жизни, следует допустить, что и оно, подобно слову, есть не столько выражение, сколько средство создания мысли" (15, 183). Именно потому, что индивидуальный стиль художника делает всякое содержание уникумом, нередко наблюдается общность "форм" и общность "идей" у произведений разных писателей; такая общность не разрушает оригинальности художественной сущности, содержания.

Общезвестен феномен совпадения или сходства тем, идей, сюжетов разных авторов. Человек сталкивается с ним обычно буквально уже в детстве — наткнувшись, скажем, на непонятную близость "Буратино" и "Пиноккио". Тем не менее подобные факты и в дальнейшем обычно ставят в тупик многих людей, которые понимают, что художественная оригинальность — необходимое условие в произведении, претендующем на эстетическую значимость, но истолковывают эту оригинальность слишком узко и прямолинейно (явление, до известной степени распространенное в литературной критике). Многих озадачивает знаменитая "пятерка" — пять повм на одни и те же сюжеты, неизменно писавшиеся в определенную эпоху персo-таджикскими поэтами. Аналогичную реакцию способна вызвать также, например, переключка новелл Боккаччо — Чосера — Маргариты Наваррской и др. Но особенно показательно, что такая (странная, казалось бы) манера оперировать темами, идеями, сюжетами продолжает практиковаться и художниками относительно близкого к нам времени, не говоря о художниках XX столетия.

Даже если ограничить плацдарм примеров одной лишь русской литературой, память немедленно подскажет буквально ворох фактов повторения разными авторами тех или иных "пластов" ранее созданных другими произведений. В этом смысле теоретически показателен, например, так называемый "антиингилистический роман" 60—70-х годов XIX века. ("Взбаламученное море" А.Ф. Писемского, "Марево" В.П. Клишниковца, "Некуда" и "На ножах" Н.С. Лескова, "Скрежет зубовный" В.Г. Авсеенко, "Бродящие силы" В.П. Авенариуса и др.). Нас в данном случае интересует не эстетическая значимость "антиингилистических" произведений — она достаточно скромна. Но любопытно иное: то, что оказалось допустимым, воспринималось современниками как нечто эстетически естественное многократное повторение рядом писателей очень сходных тем, идей, сю-

жетов.

Особенно важно, что систематическая откровенная "переключка" с чужими идеями и сюжетами свойственна не одним второстепенным авторам, но, в первую очередь, видимо, крупнейшим художникам. Хорошо изучен, например, так называемый "протеизм" в стиле А.С. Пушкина. В.В. Виноградов справедливо отмечает, в частности, у Пушкина вариации "на темы и сюжеты разных писателей мировой литературы"; "оригинальные "подражания" Батюшкову, Парни, Шенье, Овидию, Байрону, Корану, Библии..." (2, 487). "Протеизм" аналогичной интенсивности описан у величайших мастеров различных искусств (именно у величайших в первую очередь): у Баха и Генделя, у Листа и Стравинского и ряда других в музыке, у множества деятелей живописи (здесь пришлось бы назвать крупнейших мастеров Ренессанса, барокко, импрессионистов и авторов XX столетия). Явление описано, но развернутого теоретического объяснения фактически до сих пор не получило.

Обратимся к тому, как объясняет его А.А. Потебня, анализируя природу и свойства семантики как объективного феномена.

Прибегнув к подробному сопоставлению, с одной стороны, шести строф Пушкина из "Подражаний Корану" ("...И путник усталый на бога роптал...") и, с другой стороны, стихотворений Лермонтова "Три пальмы", он демонстрирует тесную близость сравниваемых текстов и заявляет следующее: "Настоящие поэты <...> весьма часто берут готовые формы для своих произведений. Но, разумеется, так как содержание их мысли представляет много особенностей, то они неизбежно вкладывают в эти готовые формы новое содержание и тем изменяют (выделено нами. — Ю.М.) эти формы" (15, 550). "Готовые формы" — еще одно выражение А.А. Потебни, которое легко истолковать узко. Однако он относит к данной категории не только "внешнюю форму", как можно было бы подумать, но и сюжеты и темы других авторов. Тезис о "новом содержании", которое "вкладывает" поэт в заимствованные элементы, приходится понимать также с учетом потебнянской транслитерации слова "содержание". Речь не о новом "субъективном" содержании (синоним "идея"), а о новом "объективном" содержании (синоним "внутренняя форма"). Всякий данный стилист создает для заимствованного элемента новую внутреннюю форму, творя тем самым тот новый семантический стержень, который оказывает определяющее воздействие на все параметры элемента, меняет его свойства, функционально об-

новляет.

А.А. Потебня подробно проанализировал в качестве простейшего примера использования "готовых форм" так называемые "эпические формулы" и "постоянные эпитеты" народной поэзии. Приводя образцы первых ("мир-народ", "красна девица", "косу чесать", "плакать-рыдать"), Потебня напоминает, что в них в обоих компонентах использованы синонимичные корни ("мир" значит "народ", "косить" значит "чесать", "девица" значит "красивая" и т.д.), так объясняя цель "формулы": "... Цель этих выражений - восстановление для сознания внутренней формы" (15, 198). Та же семантическая задача проступает в однотипной группе "постоянных эпитетов": они вызываются к жизни "бессознательным стремлением возобновить... внутреннюю форму" (15, 199). Так, "крутой" в словосочетании "берег крутой" есть не что иное, как оживление забытой внутренней формы слова "берег" -- "хотя множество наблюдений могло убедить, что берег не всегда крут <...>, но эпитет остается, потому что слово берег имело у нас в старину, как теперь бриег у сербов, значение горы и находится в несомненном родстве с немецким Berg" (15, 199). Однако даже в таких простейших случаях "готовые формы" используются не в целях механического восстановления этимологического значения. По Потебне, происходит "не безразличная для развития починка старого, а создание новых... явлений, свидетельствующее об успехах мысли" (15, 201). И тут нет оснований усматривать парадокс: речь идет, очевидно, о том, что пара слов с синонимичными, но разнозвучающими корнями образует двуединую смысловую целостность; ассоциирование этих непохожих по внешней форме слов рождает новую семантику; включение "эпической формулы", "постоянного эпитета" в контекст всякий раз обновляет его целостную внутреннюю форму. Таким образом, для людей фольклорного сознания "постоянный эпитет" -- не шаблон, а в каждом конкретном употреблении "новый акт творчества", который "прибавляет к своим историческим посылкам нечто такое, чего в них не заключалось" (15, 201).

Когда, с другой стороны, "готовые формы" используются в литературе, тогда происходит в более сложном виде аналогичные процессы. Лермонтов взял для своего стихотворения "готовую" сюжетную линию Пушкина, но создал новую внутреннюю форму -- вложил в нее новый сюжет, свое, новое "объективное содержание", объективировал какое-то "внутреннее душевное событие" своей творческой личности.

Таким образом, именно внутренняя форма произведения есть, по всей видимости, проявление индивидуального стиля художника. Новизной внутренней формы обуславливается художественная оригинальность произведения. А следовательно, глубоко оправдано то исключительное внимание, которое придается в концепции А.А. Потебни феномену внутренней формы.

Особая тема, которой мы намерены посвятить отдельную работу, — роль в образовании внутренней формы синтагматических факторов (внутреннего "синтаксиса" лексемы, синтаксиса во фразе, способа связи предложений в абзаце и, наконец, архитектоники и композиции произведения). Впервые данная тема была развернута в 50–60-е годы А.В. Чичериным (см., например, 17). Последовавшая критика В.В. Виноградовым "необоснованного... перехода от синтаксиса к явлениям стиля" (17, 50) была, однако, глубоко естественной. Для внутренней формы как проявления индивидуального стиля важен не только синтаксис в собственно лингвистическом смысле, на котором сосредоточивался А.В. Чичерин в большей части своих наблюдений. Говоря, что стиль воплощается в синтаксисе, последний необходимо понимать, если еще раз применить уже цитированные слова Ф.И. Буслаева, "в обширном смысле". По-видимому, именно такова была глубинная идея А.В. Чичерина; если так, то ее своевременному восприятию помешали сделанные им односторонние иллюстративные разборы. Но упоминаемая тема заведомо шире иллюстраций на уровне предложений. Именно в силу сложности этой темы мы не ставим задачу ее экспликации в рамках данной статьи.

3

В итоге сделанных наблюдений, по всей вероятности, уже нет необходимости "доказывать", что должен быть подвергнут внимательному научному рассмотрению и "переизучению" целый ряд тезисов А.А. Потебни. Критика, которой подверглась его концепция в 10–20-е годы, отличалась одним общим свойством: воплотившим субъективизмом. Конкретные упреки, делавшиеся Потебне, носили при этом полярный характер. Формалисты приписали ему (и прочно внедрились приписанное в филологический обиход) налет "психологизма", требующий устранения (ср. 10, 121). Одновременно с позиций психологии, переживавшей в 20-е годы свой "ренессанс" и в силу этого склонной в тот период вторгаться в сферы других наук с претензией на учительство и

опеку, Потебни резко критиковали за то, что он якобы непоследовательно, неглубоко и недостаточно психологичен (ср. 6, 45-72). Что сказать об этом? Позитивистски настроенные мыслители всегда понимали Потебню в меру своей специфической интеллектуальной складки. Стоит ли удивляться, что ими была сочинена фигура экстравагантного фантазера, чудака, разбирающегося мыслителя, дилетанта — фигура, с которой было так легко и удобно спорить, поскольку реальный Потебня в силу объективных причин давно уже не мог ничего "возразить" на критику... Сегодня, как нам представляется, необходимо не подвергать взгляды А.А. Потебни ритуальному сомнению, а искать в них опору как для определенных разделов лингвистики, так и для некоторых сфер литературоведения. Теория стиля, находящаяся ныне не в самом идеальном состоянии, могла бы почерпнуть немало в концепции великого филолога.

Так, в обеих областях филологии может получить гораздо более широкое и более конструктивное применение понятие внутренней формы. Оно многое конкретизирует, в частности, в научной интерпретации художественного содержания. Оно четко указывает на ту глобальную роль, которую играют в семантике стилевые факторы. А.А. Потебня утверждал: "Поэтическое произведение... есть создание мысли в смысле преобразования запаса мысли, который был до этого создания" (15, 542). "Объективное содержание", внутренняя форма творится художником, и сотворение это преобразует идеи и формы, послужившие автору исходным материалом. Похожесть и совпадение "запаса" исходных элементов не мешает разным стилистам прийти к различным и в равной степени художественно оригинальным, взаимно-независимым семантическим результатам. Причина в том, что оригинальность воплощается в объективном содержании, во внутренней форме. Одно и то же явление реальности можно называть "то, что отпускается на год", "то, что отвешивается", "то, что дарится, жалуется" (*annuum, pensio, жалованье*). Для языка важно не это различное объективное содержание, а общая идея ("плата за труд"). Для искусства разница объективного содержания определяет все: "Язык не есть только материал поэзии, как мрамор — ваения, но сама поэзия" (15, 198).

Л и т е р а т у р а

1. Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. - Л., 1941.
2. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. - М., 1941.
3. Виноградов В.В. О теории художественной речи. - М., 1971.
4. Винокур Г.О. Культура языка. - М., 1925.
5. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. - М., 1959.
6. Выготский Л.С. Психология искусства. - М., 1968.
7. Горьфельд А. Боевые отклики на мирные темы. - Л., 1924.
8. Грамматика русского языка. Т. I. - М., 1952.
9. Зинлер Л.Р. Общая фонетика. - М., 1979.
10. Минералов Ю.И. Стилистические взгляды Г.О. Винокура и филологическая традиция. - Из истории славяноведения в России, [I]. (Уч. зап. ТартуIV. Вып. 573). Тарту, 1981.
11. Минералов Ю.И. Концепция А.А. Потебни и русский поэтический стиль. - Из истории славяноведения в России, II. (Уч. зап. ТартуIV. Вып. 649). Тарту, 1983.
12. Минералов Ю.И. Поэзия. Поэтика. Поэт. - М., 1984.
13. Минералов Ю.И. О специфике морфо-семантического уровня в поэтических текстах. - Сборник студенческих научных работ. Литературоведение. Лингвистика. - Тарту, 1973.
14. Минералов Ю.И. К теории поэтического языка (о понятии морфо-семантического уровня в русском поэтическом языке). - Уч. зап. ТартуIV. Вып. 398. Тарту, 1977.
15. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. - М., 1976.
16. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. - М., 1977.
17. Чичерин А.В. Идеи и стиль. - М., 1965.

**"ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА" (1873) И.А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ
ОБ ИЗУЧЕНИИ РЕЗЬЯНСКИХ ГОВОРОВ**

А.В. Каупуж

В 1872 г. И.А. Бодуэн де Куртенэ был командирован за границу для изучения южнославянских языков. По условиям командировки он должен был регулярно посылать в Министерство народного просвещения свои отчеты о научных занятиях. Эти отчеты впоследствии были опубликованы в Казани¹. В июне 1873 года, за шесть месяцев до истечения срока командировки, Бодуэн обратился в министерство с просьбой о ее продлении до 1 января 1875 г. Министерство приказом от 2 февраля 1874 г. продлило ему время пребывания за границей сначала на один год², а затем еще на "8 недель и 4 дня"³ за собственный счет.

Предлагаемые вниманию читателей "Докладная записка" и письмо И.И. Срезневскому представляют определенный интерес для истории изучения резьянских говоров.

**"Докладная записка
магистра сравнительного языковедения
Ивана Бодуэна де Куртенэ"⁴**

Его превосходительству господину декану историко-филологического факультета С.-Петербургского университета
Измаилу Ивановичу Срезневскому

Уезжая в начале 1872 года за границу, Бодуэн намеревался прежде всего изучить юго-славянские говоры, определить их отличительные особенности, начертить их пределы и вообще составить их научную классификацию. Ознакомившись же в самом начале своего путешествия с огромным богатством и разнообразием одних только славянских говоров Горичкой земли и Крайны и убедившись в невозможности выполнить эту задачу в относительно короткое время, он решился ограничиться пока основательным изучением, по крайней мере, некоторых словенских говоров, руководствуясь при этом общими указаниями, изложенными И.И. Срезневским в его статье "О наречиях славян-

ских" ("Журн. Мин. Нар. Просв." XXXI, 1841, II, стр. 133-164). По изучении этих словенских говоров Бодуэн намеревался совершить еще путешествие по другим югославянским землям, чтобы получить по крайней мере общее понятие о главнейших оттенках живых югославянских наречий. Но для этого у Бодуэна не хватило времени, и именно вследствие того, что он слишком углубился в мельчайшие подробности изучаемых им говоров, заходя почти во всякую деревню и определяя особенности свойственного ей говора, в различие от соседних. При том же, будучи новичком в деле диалектологии, Бодуэн делал много промахов, вследствие недостаточного знания надлежащего метода подобного рода исследований. Если б он с самого начала обладал по этой части тем опытом, который приобрел в настоящее время, он без всякого сомнения сберег бы много времени и подвинул бы свои занятия несравненно более.

Первую экскурсию Бодуэн совершил только в июне 1872 г., так как до того времени он посещал некоторые города, как то Краков, Вену, Грац, Марбург, Цилли, Загреб, Люблян, Горицу, и именно в Горице в течение 1,5 месяца он приготавливался к своим исследованиям, изучая практически словенский и итальянский языки, и для этой цели, между прочим, препода[ва]я желающим русский язык. — Затем в промежутках между отдельными экскурсиями Бодуэн приводил в первоначальный порядок собранные им материалы и обобщал явления, встречаемые в исследуемых им говорах. Пробыв кроме того три месяца в Милане, с целью пользоваться там знакомством с итальянским лингвистом Асколи, изучению словенских говоров в строгом смысле этого слова Бодуэн мог посвятить не более шести месяцев.

Но все-таки, несмотря на это относительно короткое время и на недостаточную подготовку по отношению к методу подобного рода исследований, Бодуэн успел изучить с величайшей точностью все без исключения славянские говоры в северной Италии, почти все славянские говоры Горицкой земли и некоторые говоры в средней и верхней Крайне. Принимая во внимание взаимодействие фриуланского и славянского элемента, Бодуэн ознакомился довольно основательно с фриуланским наречием. Для того же чтобы объяснить особенную фонетику словенского говора, употребляемого в ословенившихся когда-то (около 50 лет тому назад) немецких деревнях (например, Горицкий, Немецкий, Рут), Бодуэн должен был обратить внимание и на живший прежде в этих деревнях немецкий говор, на котором до сих пор говорят между собою местные старики. Наконец, для расширения

своих диалектологических познаний вообще, в Милане он брал уроки миланско-ломбардского говора.

Вообще Бодуэном изучены около 30-и резко друг от друга отличающихся говоров.

При собирании материалов, он обращал внимание не только на языковые особенности фраз и слов, но тоже и на содержание рассказов, песен и т.п., имея в виду не только лингвистов, но тоже исследователей народной словесности, мифологов и т.д. — Таким образом, у Бодуэна набралось более 500 листов разных сказок, песен, пословиц, загадок, суеверий и т.п. и, наконец, простых слов и выражений; — количество громадное, окончательная обработка и издание которого потребуют очень многого времени.

Бодуэн льстит себя надеждою, что эти его исследования представят некоторый интерес как для лингвистов, так и для исследователей народной словесности и даже для этнологов, как исследователей естественной истории народов. В лингвистическом отношении Бодуэн нашел здесь, так сказать, в уменьшенном виде очень много явлений, которые в больших размерах, на большом пространстве служат исходною точкой для самых занимательных и существенных вопросов языковедения. Здесь, например, видно постепенное распадание одного прежде говора на более мелкие оттенки; здесь видно взаимное соприкосновение и взаимодействие прежде, по всей вероятности, отдаленных друг от друга говоров, и т.д. Здесь заметны неотрицаемые следы влияния одного языка не только на лексический состав, но даже на фонетику другого, все равно, существует ли еще этот влияющий язык или же он исчез, уступив места тому, который подвергался его влиянию. Здесь живут, например, резьянские говоры, являющиеся, по-моему, результатом именно такого смешения двух иноплеменных языков. Здесь почти на наших глазах совершается исчезновение одного немецкого говора в пользу вытеснившего его славянского, который однако же получил в значительной степени характер исчезнувшего иноплеменника. Здесь на таком маленьком пространстве можно наблюдать всевозможные изменения звукового состава, форм и т.д. разных наречий. Здесь, например, относительно славянского ударения, виден постепенный переход от первобытного славянского разнообразия (сохранившегося, между прочим, тоже в русском языке) к тому относительно однообразию и упрочению ударения на известных слогах, которое замечается, например, в сербо-хорватском наречии вообще, и т.д. и т.д. — Иссле-

дователь народной [э: поэзии] словесности может наблюдать здесь относительное падение народной поэзии, с сохранением, впрочем, многих древних черт народных воззрений на явления природы и общественной жизни, и т.д. и т.д. — Что касается историко-этнолога, ему, я думаю, не безынтересно видеть неопровержимые лингвистические доказательства разнообразного наслоения славянских племен, происшедшего вследствие разновременных вторжений славян в эти края. И вообще известно, что эти страны, лежащие вблизи Адриатического моря, чрезвычайно интересны, по отношению к населяющим их народам и племенам.

Богатство собранного здесь материала и нескончаемое изобилие все новых и новых, неожиданных вопросов, возбуждаемых этим исследованием, увлекли Бодуэна до такой степени, что он, не обращая внимания на ограниченное время его командировки, беззаботно продолжал углубляться в диалектические тонкости разных славянских и неславянских народных говоров. Это, разумеется, способствовало увеличению материала, но ничуть не приближало Бодуэна к извлечению из этого материала окончательных научных выводов. Впрочем, в промежутках между отдельными экскурсиями Бодуэн занимался первичным упорядочением собранного им материала и первичным обобщением; но он успел сделать это далеко не со всеми исследованными им говорами, и притом же только более или менее наскоро, так что окончательная обработка только впереди.

Между тем Бодуэн желал бы заняться в настоящее время сочинением "О славянских говорах в северной Италии", которые представляют двойной интерес, как своими особенностями, так и своим положением на юго-западной окраине славянского мира. Как ни различны между собою эти говоры, все они (за исключением нескольких южных диалектических оттенков, являющихся продолжением одного из говоров Горицкой земли) резко отличаются от соседних с ними словенских говоров Австрийской империи.

В своем сочинении Бодуэн намерен прежде всего дать обыкновенную лингвистическую характеристику всех этих говоров в отдельности; затем, представив подробное подразделение всякого из этих говоров, определить, с одной стороны, то, что есть между ними общее с другими говорами, выделить особенности, представляющие очевидный след влияния иноплеменных наречий, и наконец, основываясь на чисто славянских основных отличительных чертах, назначить этим говорам подобающее мес-

то в числе других югославянских, и таким образом решить по возможности вопрос о происхождении носителей этих говоров, то есть говорящих на них племен и т.д. К своему сочинению Бодуэн хочет приложить довольно полный словарь, по крайней мере, резьянских говоров.

По окончании этого труда Бодуэн намерен приступить к приготовлению монографии и о других исследованных им говорах, и затем, по мере возможности, продолжать свои путешествия по этим землям, чтобы не теряя впрочем времени на определение мелочных различий между отдельными оттенками одного и того же говора, составить наконец полную диалектологию восточного побережья Адриатического моря. В ближайшем будущем Бодуэн желал бы окончить, по крайней мере, часть своего сочинения "О славянских говорах в северной Италии", но для того, чтоб он мог с полным успехом заняться этим предметом, ему необходимо работать еще некоторое время совершенно свободно и безостановочно. Успех такого рода труда, как выводы из диалектического материала, собранного собственным [з:трудом] наблюдением, зависит в значительной степени от скорого [з:и], так сказать, немедленного обобщения частных, так как иначе многое, чего нельзя было записать и что осталось только в голове, с течением времени забывается, улетучивается, теряется безвозвратно.

Кроме того, для надлежащего приготовления себя к предстоящей ему профессиональной деятельности, Бодуэн желал бы тоже заняться некоторое время общими лингвистическими вопросами в одном из немецких университетов и вообще расширить круг своих познаний по части языковедения.

Поэтому то он имеет честь покорнейше просить Ваше Превосходительство ходатайствовать о продлении срока его командировки еще на один год.

В заключение Бодуэн позволяет себе заметить, что в "Журнале Министерства народного просвещения" за 1872 и 1873 г. напечатано несколько его статей лингвистического содержания, и что другие его статьи будут печататься в ближайших выпусках того же "журнала" и немецкого журнала "Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung".

Лейпциг 21 октября/ 2 ноября 1873

Иван Бодуэн де Куртенэ

Мой адрес: Германия J. Baudouin de Courtenay

Blücherstr. 29^e III Leipzig.

Одновременно с приведенной выше докладной запиской Бодуэн направил И.И. Срезневскому следующее письмо:

"Милостивый государь Измаил Иванович!

Я право не знаю, как благодарить Вас за Ваше дорогое письмо⁶. В первую минуту я так обрадовался, что горячо желал быть в Петербурге и там лично выразить Вам наполняющие мою душу чувства благодарности и любви. Довольно сказать, что теперь я чувствую себя вдвое здоровее и веселее.

Посылаю докладную записку, составленную на Ваше имя. Я хочу выслать ее по возможности скорее, и вследствие сего не мог обдумать ее с должным вниманием. Не знаю, хорошо ли она составлена и все ли в ней изложено, как следует. Но я уверен, что Вы взыскивать не станете. — Если невозможно будет получить командировки еще на один год, то нельзя ли, по крайней мере, еще хотя бы только на полгода?

В прошлом моем письме я забыл написать Вам об одном обстоятельстве. Мысль о продлении срока моей командировки возникла в моей голове еще в июне тек. года, но, зная, что тогда в университете вакации, и думая, что Вы, вероятно, оставили Петербург, я обратился к А.И. Икорникову, делопроизводителю в Министерстве народного просвещения, с вопросом, что мне следует делать и к кому обратиться. При этом я послал ему пробу докладной записки на имя г-на министра, с просьбою сообщить мне составлена ли она, как следует. На этот вопрос ответа до сих пор не последовало.

Сочинение, о котором упоминаю в докладной записке ("Славянские говоры в северной Италии"), я хочу представить на степень доктора. Не знаю, одобрите ли Вы эту тему. Во всяком случае, обрабатывая этот вопрос, я неоднократно буду нуждаться в Ваших, почтеннейший Измаил Иванович, советах и указаниях; и поэтому позволю себе от времени до времени беспокоить Вас разными вопросами. Пока я только начинаю проследивать материалы по резьянскому наречию; количество этих материалов наводит ужас на меня.

В Лейпциге я намерен остаться несколько месяцев. Поручение Ваше относительно Фосса я исполню завтра; сегодня воскресенье и все заперто.

Сообщая Вам интересную новость, что Лескин весьма основательно занимается славянскими наречиями.

Я не пишу более, так как мне хочется поскорее выслать это письмо вместе с докладной запиской.

С искренним уважением и безграничною преданностью ос-

таюсь Вашего Превосходительства благодарнейшим почитателем
и слугою

И. Бодуэн де Куртене

Лейпциг 21 октября/ 2 ноября 1873 г.

Мой адрес: Германия J. Baudouin de Courtenay
Blücherstr. 29^e III Leipzig.

П р и м е ч а н и я

1. Отчеты командированного Министерством народного просвещения за границу с ученою целью И.А. Бодуэна де Куртене о занятиях по языковедению в течение 1872 и 1873 гг. Вып. 1: отчет за оба полугодия 1872 г., Казань, 1876; Вып. 2: отчет за первое полугодие 1873 г. Отчет за второе полугодие 1873 г., Казань, 1877.
2. ЦТИАЛ, ф. 740, оп. 21, № 325, л. 8.
3. Т а м ж е.
4. ЛГИА, ф. 14, оп. 41, № 595, лл. 23-28.
5. О славянах Северной Италии и их диалектах Бодуэн опубликовал статью: "O słowianach we Włoszech". - In: Og-nisko. 1882. Warszawa, 1882; с некоторыми изменениями и дополнениями статья вышла и по-русски: "О славянах в Италии". - "Русская мысль", 1892, кн. 6, июнь.
6. Бодуэн имеет в виду письмо Срезневского от 15 октября 1873 г. (в ответ на первое письмо Бодуэна с просьбой о продлении командировки).

А.С. БУДИЛОВИЧ КАК ЛИНГВИСТ

С.В. Смирнов

Первыми преподавателями славяноведения в Петербургском университете были М.И. Касторский (1839–1842, 1846), П.И. Прейс (1832–1846) и И.И. Срезневский (1847–1880). Но по разным причинам ни одному из них не удалось создать своей научной школы. Основоположником Петербургской школы славяноведения стал В.И. Ламанский (1865–1899)¹, который умел пробуждать в слушателях интерес к изучению славянства и объединять их вокруг себя. Его учениками и последователями были А.С. Будилович, Р.Ф. Брандт, Г.А. Ильинский, К.Я. Грот, Т.Д. Флоринский, П.А. Сырку и многие другие, занимавшие затем кафедры славяноведения почти во всех русских университетах и историко-филологических институтах. Данная статья посвящена рассмотрению лингвистических трудов А.С. Будиловича, оставившего заметный след в славяноведении последней трети XIX века.

Антон Семенович Будилович родился 24 мая (5 июня) 1846 г. в селе Комотове Гродненской губернии в семье священника. Его детство прошло в Токарах Брестского уезда. В 1855 г. А.С. Будилович был принят в Кобринское духовное училище сразу во второй класс. После его окончания в 1859 г. поступил в Виленскую духовную семинарию. Преподаватели, заметив в Будиловиче хорошие способности и жажду к знаниям, посоветовали ему сдать выпускной экзамен за гимназический курс. В 1863 г. он сдал экзамен экстерном и поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Его учителями были И.И. Срезневский, М.И. Сухомлинов и прежде всего В.И. Ламанский. А.С. Будилович рано проявил интерес и способности к научной работе. Уже после первого курса летом 1864 г. он прислал И.И. Срезневскому письмо, которое тот затем напечатал его в I томе своей книги "Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках" (1871) под названием "Каменищная вежа". В 1867 г. А.С. Будилович участвовал в заседаниях славянского съезда в Москве, где познакомился с московскими и зарубежными славистами. В том же году он окончил

университет со степенью кандидата и золотой медалью за сочинение "О литературной деятельности М.В. Ломоносова", ставшее затем основой монографии "М.В. Ломоносов, как натуралист и филолог" (1869). После заграничного путешествия (1868) был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (1868-1870) под руководством И.И. Срезневского и В.И. Ламанского. В 1869-1872 гг. А.С. Будилович занимал должность приват-доцента и затем доцента славянских наречий в Петербургской духовной академии. В 1871-1872 гг. преподавал также славянские языки в С.-Петербургском историко-филологическом институте. После защиты магистерской диссертации (1871) "Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи императорской Публичной библиотеки XI века" был командирован за границу (Германия, Австро-Венгрия, Румыния, Сербия, Черногория, Европейская Турция) для изучения славянских языков, литератур и этнографии (1872-1875).

В 1873 г. министерство народного просвещения решило преобразовать Нежинский юридический лицей в Историко-филологический институт, директором которого стал Н.А. Лавровский. По его инициативе А.С. Будилович после возвращения из командировки был назначен и.д. ординарного профессора кафедры русско-славянской филологии (1875-1881). В Нежине он читал такие курсы, как краткий обзор языкознания вообще и славянского в частности, географическое размещение славянских народностей и взаимные отношения славянских наречий, основания славянской графики и палеографии, фонетика церковнославянского языка сравнительно с другими индоевропейскими языками и славянскими наречиями, очерки из исторической этнографии славян, обзор источников для изучения славянских древностей, сказания древних писателей о венедах восточной равнины, Северной Италии и Малой Азии; о славянах на Дунае, заселение Балканского полуострова, основание Болгарского царства и его судьбы до завоевания турками; судьба Сербии, Боснии и Герцеговины, Зеты и Дубровника; о внутренних отношениях в Чехии и Моравии до XIV века. В 1879 г. А.С. Будилович защитил докторскую диссертацию "Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян".

В 1881-1892 гг. А.С. Будилович занимал кафедру русского и церковнославянского языков в Варшавском университете, ректором которого в 1883 г. был назначен Н.А. Лавровский. Здесь

он читал грамматику церковнославянского языка, историю русского языка, обзор памятников церковнославянского и древнерусского языка и письма, введение в церковнославянскую грамматику, историю церковнославянского языка, историю русских говоров, обзор русской народной словесности и древнерусской литературы, обозрение памятников древнерусской письменности. В 1882 г. А.С. Будилович был избран членом-корреспондентом Академии наук.

В 1892-1901 гг. А.С. Будилович был ректором Юрьевского (Тартуского) университета и одновременно занимал кафедру сравнительной грамматики славянских наречий. В этот период (1889-1895) проводилась реформа Юрьевского университета. На него было частично распространено действие устава 1884 года, ликвидирована автономия, немецкий язык преподавания заменен русским. В Юрьеве (Тарту) А.С. Будилович вел такие курсы, как историко-библиографическое введение в славянскую филологию, исторический очерк образования русского литературного языка, введение в славянскую филологию, обзор звуков и форм русского языка сравнительно с другими славянскими наречиями, обзор русского синтаксиса сравнительно с другими славянскими наречиями, обзор славянской истории, история славян с XI века, сравнительная грамматика славянских наречий, обзор истории западных и южных славян, славянские наречия, грамматика церковнославянского языка, исторический обзор церковнославянской письменности, славянская диалектология, северо-западные славянские наречия, обзор славянской истории среднего и нового периодов, обзор южнославянских наречий, обзор южнославянских литератур.

В 1901 г. А.С. Будилович переехал в Петербург и был назначен членом Совета министра народного просвещения. 12 (25) декабря 1908 г. он скончался.

А.С. Будилович был членом Сербской королевской академии, членом-корреспондентом Чешской академии наук и искусств, почетным членом С.-Петербургской духовной академии и Юрьевского учено-литературного общества, действительным членом Русского географического общества, товарищем председателя С.-Петербургского славянского благотворительного общества, председателем Галицко-русского благотворительного общества в Петербурге и др. Был редактором "Мефодиевского юбилейного сборника" (1885) и журнала "Славянское обозрение" (1892).

Меткую характеристику А.С. Будиловича дал И.В. Ягич. "Будилович был энергическая, несколько грубоватая, цельная

русская натура, любившая действовать на форпостах, находившихся, как ему казалось, в опасности русских интересов, — в Польше, в Остзейских провинциях. Правительство, построенное на абсолютистических началах, охотно пользовалось его административными способностями, он же не медля принимал поручения, соответствовавшие его идеалам поднимать значение и расширять господство русского языка как в пределах империи, так и за границей. Но эта деятельность значительно мешала спокойным занятиям славянской наукой, которая ему была дорога, только он не имел ни досуга, ни душевного равновесия, чтобы продолжительно углубляться в ее дебри. Таким образом из Будиловича вышел какой-то воинственный славист, закончивший свое жизненное поприще — редактором "Московских ведомостей", тогда как мы могли бы ожидать от него освещения различных эпох славянской жизни, издания древних памятников, обогащения науки исследованиями филологическими и лингвистическими².

Первым значительным лингвистическим трудом А.С. Будиловича было "Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи имп. Публичной библиотеки XI века" (1871). Об этой рукописи первым сделал сообщение А.Х. Востоков в 1825 г., отметив писчий материал, почерк, приписки, употребление прогов. По этим данным он отнес ее к XI веку и пришел к выводу, что первоначально перевод был сделан болгаринном или южным славянинном. Материал рукописи А.Х. Востоков затем использовал в своей "Грамматике церковнославянского языка, изложенной по древнейшим оного письменным памятникам" и "Церковнославянском словаре". П.И. Преис обратил внимание на встречающиеся в рукописи глаголические буквы и на основе этого полагал, что кирилловский список мог быть сделан с глаголического. Н.Г. Чернышевский дал краткое описание рукописи с приведением начала и конца каждого из XIII слов. И.И. Срезневский издал IX и X слова и высказал некоторые соображения относительно языка памятника. X слово затем было перепечатано в "Исторической хрестоматии" Ф.И. Буслаева.

Поскольку рукопись представляет собой перевод с греческого, то А.С. Будилович разбирает ее не только как памятник церковнославянского языка, но и проводит сопоставление с греческим оригиналом. Поэтому все исследование делится на две части. В первой из них приводятся палеографические замечания, а затем отмечаются фонетические и грамматические осо-

бенности памятника. Притом автор обращает внимание только на те черты, которые не совпадают с общими нормами старославянского языка и других памятников старославянской письменности. Образцом для такого подхода послужила прежде всего работа В.И. Ламанского "О некоторых славянских рукописях в Белграде, Загребе и Вене, с филологическими и историческими примечаниями" (1864).

Первая часть кончается сводом наблюдений о говорах старославянского языка. Мнение о смешанном характере старославянского литературного языка и наличии в нем диалектных наслоений впервые было высказано В.И. Ламанским в статье "Непорешенный вопрос" и упомянутой выше книге. Он считал, что разделение языка македонских, моравских и паннонских славян на наречия и говоры началось гораздо раньше его литературной обработки. А.С. Будилович, продолжая эту мысль, предполагает уже в докирилловское время наличие трех главных славянских наречий (восточного, южного и западного) и отмечает их фонетические, грамматические и отчасти лексические черты, нашедшие отражение в памятнике.

Во второй части прослеживается соотношение языка оригинала и перевода с точки зрения лексической и грамматической. Это сравнение позволяет лучше увидеть, какими средствами располагал тогда старославянский язык и в какой мере воспользовался ими переводчик, а также установить влияние греческого языка на славянский перевод.

На основе проведенного анализа А.С. Будилович приходит к заключению, что перевод XIII слов был сделан, по всей вероятности, в Болгарии в X веке, затем переписан болгаринем или сербом и наконец одним или несколькими русскими. Исследуемая рукопись представляет собой второй или третий список с подлинника. Только этим можно объяснить исторические и диалектные наслоения в языке памятника. "На первоначальном фоне наречия староболгарского, с некоторой, хотя очень слабой, по-видимому, примесью моравизмов, отпечатлелись несколько позднейшие следы наречия югославянского и еще более поздние — старорусского"³.

Справедливая оценка труда А.С. Будиловича была дана в рецензии И.А. Бодуэна де Куртэна. "Книга эта составлена не для чтения, а для справок, и может быть справедливо оценена только с этой точки зрения. Кроме того, автор ведет себя в отношении к теории так скромно и сдержанно, так редко высказывает какую-нибудь более общую мысль, что в самом деле не к

чему придаться"⁴. И далее: "Если г. Будилович не дал нам ничего существенно нового в теоретическом отношении, зато он подарил науке богатый материал и этим заслужил себе благодарность со стороны специалистов"⁵.

В 1875 г. А.С. Будилович издал памятник полностью под названием "XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи имп. Публичной библиотеки XI века. Критико-палеографический труд". В предисловии дана история издания и изучения рукописи, а в подстрочных примечаниях — сопоставление с греческим подлинником и подробный анализ славянского перевода.

В 1875 г. Славянский комитет в Петербурге решил переиздать "Этнографическую карту славянских народов" М.Ф. Микровича. В связи с этим возник вопрос о численности славян. После труда П. Шафарика "Славянское народописание" (1842) и карты не было сводных статистических данных о славянах. По предложению комитета А.С. Будилович составил "Статистические таблицы распределения славян: а) по государствам и народностям и б) по вероисповеданиям, азбукам и литературным языкам (наречиям)", которые были почти единственным пособием этого рода вплоть до появления капитального труда Т.Д. Флоринского "Славянское племя" (1907).

В 1877 г. А.С. Будилович выпустил книгу "Анализ составных частей славянского слова с морфологической точки зрения". В ее основу он положил теорию агглютинации Ф. Боппа, морфологическую классификацию языков А. Шлейхера, а также труды П.Шафарика, Ф. Миклошича и др. В работе представлено учение о строении славянских корней, учение об образовании основ и учение об образовании слов. В качестве фактического материала используются преимущественно данные русского и старославянского языков.

Анализируя строение корней, А.С. Будилович исходит из того, что первоначально слово состояло из одного слога. Поэтому он прежде всего характеризует слоги с точки зрения их фонетического состава (Г, ГС, ГСС, ГССС, ГСССС).

Образование основ А.С. Будилович рассматривает с генетической и синхронной точки зрения. Следуя учению Ф. Боппа, он считает, что аффиксы происходят из самостоятельных корней и должны соответствовать одному слогу. Если встречается несколько слогов, то, следовательно, данный аффикс представляет собой комбинацию нескольких аффиксов. На основе этого он делит их на первичные и вторичные, более подробно останавли-

ваясь на именных и глагольных суффиксах. В учении об образовании слов речь идет главным образом об окончаниях.

Положительной стороной книги является стремление связать учение о структуре славянского слова с данными сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков, проникнуть в славянское историческое словообразование и формообразование. Однако в своих попытках А.С. Будилович опирался на достижения языкознания домладограмматического периода и не проявил особой самостоятельности в постановке и решении проблемы. Работа представляет собой скорее некоторый свод существовавших точек зрения, чем новое слово в науке. Кроме того, нестрогое соблюдение звуковых законов и преувеличение роли эвфонии ставят под сомнение представленную историческую структуру многих слов. Надаром этот труд прошел почти незамеченным в отечественном славяноведении.

Самое значительное место в научном наследии А.С. Будиловича занимает труд "Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Исследования в области лингвистической палеонтологии славян", оставшийся незаконченным. Вышли первая и вторая части I тома (1878, 1879) и вып. I второго тома (1882).

Уже Я. Гримм выдвинул идею о тесной взаимосвязи истории языка и истории народа. Швейцарский лингвист А. Пикте сделал попытку восстановить по данным языка картину жизни индоевропейцев и тем самым заложил основы лингвистической палеонтологии. Для этого он, сопоставляя названия явлений природы, животных и растений, семейных и государственных отношений, промыслов, ремесел, религиозных понятий, стремился добраться до первоначального значения корня. В славяноведении аналогичными исследованиями в определенной мере занимались Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, А.Ф. Гильфердинг, П. Шафарик, Я. Вонцель. А.С. Будилович, следуя прежде всего А. Пикте, поставил задачу "произвести ряд исследований по хронологии слов славянского языка, с применением добытых лингвистическим путем выводов к целям исторической географии, этнографии, народной психологии и культурной истории славян"⁶.

Для решения этой задачи А.С. Будилович прежде всего определяет сравнительную древность слов, распределяя их по четырем группам: дославянские (встречающиеся в других индоевропейских языках), праславянские (сохранившиеся в главных славянских языках), древнеславянские (характерные лишь для двух групп славянских языков) и областные (свойственные от-

дельным славянским языкам). Многочисленные вопросительные знаки показывают, что сам автор часто затрудняется, к какой группе отнести то или иное слово.

Еще в работе "Исследования языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Божослова" А.С. Будилович высказывал сожаление, что лексикология, несмотря на всю ее важность, не поднялась от уровня искусства до уровня науки, что до сих пор даже нет научной классификации лексики. Теперь он делит словарь на лексико-семантические группы. В первой части выделяется шесть таких групп: слова, относящиеся к космографии, метеорологии, физике, географии; к геологии, минералогии, металлургии; ботанике; зоологии; анатомии и физиологии животных; медицине. В первом выпуске II части к этому добавлены еще такие лексико-семантические группы, как занятия, промыслы и ремесла, яства и пития, одежды и украшения, хозяйственные постройки и сооружения, игры и музыкальные орудия. Вся работа представляет своего рода сравнительный словарь, в котором сначала приводится слово в русской или церковнославянской форме, затем латинское соответствие, определяется возраст слова в терминах "дославянское, праславянское, древнеславянское, областное", дается этимологический анализ и указываются параллели в других родственных славянских и неславянских языках.

Во втором выпуске I части А.С. Будилович пытается при помощи языкового материала воссоздать картину жизни первобытных славян и выяснить территории их расселения. На основе праславянской лексики он рассматривает представления праславян о природе, ископаемых, растениях, животных, степень их знакомства со строением и отправлениями живых организмов, болезнями, связи с другими народами. Отсюда А.С. Будилович делает вывод, что праславяне находились уже на высоком уровне развития: имели понятия о мире, светилах, были знакомы с минералами и металлами, знали травы, грибы, злаки, плодовые деревья, более ста видов живых организмов, некоторые болезни. Занимаемая ими территория изобиловала озерами и проточными водами, находилась среди лесов, вдали от моря, имела умеренный климат. Праславянский язык восходит ко времени до VI века. В III-V вв. происходило расселение славян, в IX-X вв. — зарождение и обособление славянских государств, церквей и литератур.

В целом А.С. Будилович собрал богатый лексический материал, распределил его по тематическим группам и первым в

русском славяноведении сделал попытку рассмотреть материальную и духовную культуру праславян по данным языка. Но в строгом смысле слова это не исследование, а систематический свод лексических данных славянских языков. Особенно слабой оказалась этимологическая часть. По сути дела все этимологии заимствованы из трудов А. Пикте, А. Фика и Ф. Миклошича. В тех случаях, когда невозможно было опереться на предшественников, А.С. Будилович уклоняется от этимологических выводов, не выясняет корня слова и его первоначального значения. При этом он часто не соблюдает звуковые законы, допускает неточности в морфемном членении слов, не учитывает народной этимологии. Но, как отметил И.А. Бодуэн де Куртене, "значительное большинство этих промахов составляют чужие грехи, т.е. выводы и соображения, заимствованные автором у других ученых. Но г. Будилович с таким примерным смирением и без ползновения на какую бы то ни было критику повторяет эти чужие выдумки, что, принимая в них деятельное участие, он вместе с тем принимает их на свою ответственность... Ведь подобная книга не должна вмещать в себе хрестоматию из разных выдумок и фантастических выдумок предшественников, но должна представлять результат самостоятельного, критического отношения ко всем затронутым в ней вопросам"⁷.

В 1883 г. А.С. Будилович издал две книги по старославянскому языку. Это "Начертание церковнославянской грамматики применительно к общей теории русского и других родственных языков" и "Учебник церковнославянской грамматики для средних учебных заведений". Первая из них была предназначена в качестве учебного пособия для студентов-филологов и носила компилятивный характер. Вторая оказалась слишком трудной, неприспособленной к педагогическим целям и поэтому не нашла широкого применения в школьной практике.

В 1885 г. С.-Петербургское славянское благотворительное общество объявило конкурс на лучшую работу об образовании общих литературных языков в Европе и общеславянского языка. В том же году А.С. Будилович приступил к собиранию материала. В 1886 г. он предпринял специальную поездку в Вену, Париж и Берлин, где познакомился с новейшими работами по истории языков Западной Европы. К концу 1888 г. рукопись была готова и на основе отзыва В.И. Ламанского увенчана первой Кирилло-мефодиевской премией. В 1892 г. она вышла из печати под названием "Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы" в двух томах.

В истории славяноведения вопрос об общем языке славян далеко не нов. Впервые он был практически поставлен еще Кириллом и Мефодием. В XVII в. Ю. Крижанич выдвинул идею искусственного образования общеславянского языка. Но особенно активно этот вопрос обсуждался в XIX веке. В 30-40-е гг. считалось, что возникновение каждой новой славянской литературы свидетельствует об успехах национального возрождения. Растущее многоязычие мечтали преодолеть через взаимное изучение языков и литератур (Я. Коллар). Но когда прошел период романтического энтузиазма, возникло сомнение в способности малых славянских литератур и языков противостоять иноземным влияниям. Тогда и появилась мысль о введении одного из языков в качестве общего литературного языка. В России с такой идеей выступил В.И. Ламанский и его ученики, прежде всего А.С. Будилович.

В первом томе своего труда А.С. Будилович рассматривает образование общего греческого, латинского, итальянского, испанского, французского, английского и немецкого языков. Выяснив факторы, влияющие на образование общих языков (географическое положение народов, социально-политические условия, религиозная жизнь, свойства самих языков, деятельность писателей), он приходит к заключению, что при благоприятных условиях это обычный процесс в жизни каждого крупного народа. В ходе этого процесса говоры преобразуются в диалекты, между которыми начинается борьба за преобладание. Обычно победа остается за более сильным диалектом, который становится общим языком. После образования общих языков им передаются некоторые функции диалектов.

Во втором томе эти выводы и наблюдения применяются к славянским языкам. Для этого А.С. Будилович рассматривает диалектные отношения славянских языков, историю образования и судьбу церковнославянского языка как первого опыта общего языка славян, историю сербского, чешского и польского языков и их распространение в смежных областях, т.е. попытку стать общими языками, и наконец историю русского языка. Он полагает, что различия трех диалектных групп, на которые распадается язык славян, соответствуют диалектным различиям Греции, Испании, Англии и других стран. Поэтому у славян также возможно образование общего языка. Более того, ряд наречий в связи с их литературной обработкой возвысились до роли частных языков, из которых затем стали вырабатываться общие языки то для нескольких наречий, то для целых диалектных групп.

Первым этот процесс пережили болгарско-пропонтидский диалект, который уже в X веке стал общим языком во всех трех группах, а с XII-XIII вв. — в южной и восточной, где он до сих пор используется в литургии. С XIV-XV вв. начинается подъем сербского и чешского диалектов, которые становятся общими (по крайней мере в дипломатии) языками соответственно для южной и западной групп. В XVI-XVII вв. большие успехи в этом направлении делает польский язык. Однако ни одному из них не удалось на долгое время стать общим языком. Церковнославянский был вытеснен из государственного, общественного и литературного употребления и стал языком культа. Сербский распался на диалекты, из которых потом развился частный язык. Попытка деятелей иллиризма восстановить его общее значение успехом не увенчалась. Такую же неудачу потерпели чешский и польский языки.

В настоящее время на роль общеславянского претендует только русский язык благодаря его географическому положению, богатству лексических и грамматических средств, зрелости литературы, а со времени Петра I Россия становится и одной из великих держав. Все это ставит русский язык "выше" других славянских языков, тем более он уже стал общим для восточных славян. Приняв русский язык добровольно, западные и южные славяне должны сами определить те функции, которые они ему передадут. На пути к этому лежит лишь тот предрассудок, что общий язык будет подавлять частные. В действительности, наоборот, общие языки не могут быть противниками частных: последние нередко развиваются успешнее при наличии общих языков. Притом общий язык обеспечит и культурное сотрудничество всех славянских народов. Без него славянским языкам не устоять в борьбе с другими языками (немецким, венгерским, итальянским, турецким, румынским).

В целом А.С. Будилевич собрал богатый фактический материал, привел интересные данные по истории славянских литературных языков (русского, чешского, польского, сербского и особенно церковнославянского). Но сама идея общеславянского языка в тот период была по крайней мере умозрительной. Вопрос о роли русского языка автор решил заранее, не замечая тех трудностей, которые могут возникнуть на этом пути. Прежде всего образование общего языка определяется экономическими, политическими и культурными потребностями. У славян соответствующих условий тогда не существовало. Притом у А.С. Будилевича неясно, должны ли славяне образовать одно госу-

дарство или оставаться в прежних политических рамках. Однако то и другое было нереально, учитывая географическую, политическую и религиозную раздробленность славян. Кроме того, доказательства автора неубедительны и в лингвистическом плане. Не разграничивая четко понятия языка и наречия, он проводит сравнение славянской группы языков с отдельными европейскими языками. Все это делается для того, чтобы подогнать факты под заранее придуманную схему.

А.С. Будилович является автором ряда содержательных статей о русских и зарубежных славистах (А.А. Потебне, В.В. Макушеве, Н.А. Лавровском, И.И. Первольфе, Ф. Палацком, Ф.Л. Ригере, В. Мацеевском).

П р и м е ч а н и я

- ¹ Ср. замечание С.Б. Бернштейна: "Срезневский призван был стать основоположником петербургской школы славистов. Однако эту роль выполнил его ученик акад. В.И. Ламанский". С.Б. Бернштейн. Еще раз о Срезневском. - Советское славноведение, 1984, № 2, с. 92-93.
- ² И.В. Ягич. История славянской филологии. - СПб., 1910, с. 789.
- ³ А. Будилович. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи императорской Публичной библиотеки XI века. - СПб., 1871, с. 143.
- ⁴ И. Бодуэн де Куртене. (реп.). "Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи имп. Публичной библиотеки XI века" А. Будиловича. - ЖМНП, 1872, ч. 144, с. 166.
- ⁵ Там же, с. 189.
- ⁶ А. Будилович. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Т. I, ч. I. - Киев, 1878, с. XIV.
- ⁷ И. Бодуэн де Куртене. Несколько слов о культуре первобытных и древних славян. - РВБ, 1879, № 4, с. 193.

ПРЕБЫВАНИЕ У ЛУЖИЦКИХ СЕРБОВ РУССКОГО УЧЕНОГО ЛЬВА ВЛАДИМИРОВИЧА ШЕРБА

Л. П. Лаптева

Контакты с лужицкими сербами в начале XX в. талантливого русского лингвиста, будущего академика Л. В. Шерба (1880–1944) относятся к замечательным явлениям русско-серболужицких связей.

Известно, что, окончив в 1903 г. историко-филологический факультет Петербургского университета, Шерба был по рекомендации И. А. Бодуэна де Куртене оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию. Обращает на себя внимание удивительная широта интересов молодого ученого. Оставленный в университете при кафедре сравнительной грамматики и санскрита, он магистерскую диссертацию посвятил русским гласным, а докторскую – мужаковскому наречию сербов-лужичан.

Изучение этого наречия не было для Шерба самоцелью. Бодуэн посоветовал Шербе заниматься проблемой влияния одного языка на другой у одних и тех же носителей¹, т. е. в сущности весьма широким вопросом общего языкознания. Из возможных носителей двуязычия Л. В. Шерба выбрал лужицких сербов. В связи с этим он 20 июля 1907 г. отправил свое первое письмо Арношту Муке², в то время уже признанному вождю и наиболее крупному ученому малого славянского народа. Шерба сообщал, что собирается провести каникулы в Верхней Лужице для изучения одного из диалектов и просил назвать для этой цели какой-либо конкретный местный говор, чтобы собрать по нему фонетический материал и тем самым послужить также и интересам серболужицкой диалектологии. В практическом плане Шерба просил помощи в организации пребывания его с семьей за границей в течение "пары месяцев", а именно – среди носителей избранно-

¹ ААН, ф. 770, оп. I, е. х. 100 – отчет о занятиях Л. Шерба за границей с июня 1906 по авг. 1907 г., лл. 6–8; см. также: Л. В. Шерба. Восточнолужицкое наречие. Т. I. – Пр., 1915 (предисловия, с. ХП).

² Шерба – Муке 20.VIII.07 на нем. яз. – LAPNP, pozůstalost A. Muka. Опубли.: J. Petr. L. V. Šerba jako slavista a sora-bista. – Práce z dějin slavistiky. III. – Praha, 1976, s. 107–108.

го диалекта.

Мука оказал просимую помощь. По его совету Щерба поселился в пункте Вайскайсель (Weiskesfel, серболуж. Wuskidź), в нескольких километрах от Мужакова (Мускау) и провел там около двух месяцев¹. 13 сентября 1907 г. он писал Муке из Вайскайселя, что хотел бы приобрести ряд серболужицких книг, в т.ч.:

- Dodawki k serbskim ludowym pśesnjam, Budyšin 1883,
- Nowa zběrka hornjožuzickich pśesní ... Budyšin 1887,
- Nowe dodawky k serbskim ludowym pśesnjam, Budyšin 1889,
- J. Čišinski a K.A. Kocor. Kralowska hymna sakskich Serbow. Budyšin 1895,
- H. Zeiler. Zhrnadžene spisy, zw. 1,
- A. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache, 1891,
- L. Haupt, J.A. Smoler. Pjesnički... 1841-1843.

В письме прямо сказано, что, "следуя совету" Муки, Щерба поселился в мужаковской местности и благодарен сербскому ученому, поскольку "нашел здесь именно то", что его "особенно интересовало": "диалект, находящийся под сильным влиянием немецкого языка". Щерба выражал также надежду, что вскоре сможет говорить на местном наречии².

Из Вайскайселя Щерба уже вскоре - 20.IX.07 - отправил Муке еще одно письмо. Из него ясно, что Мука выслал Щербе три из запрошенных Щербой книг (том сочинений Зейлера, "Историческую и сравнительную грамматику нижнелужицкого языка" А. Муки и "Королевский гимн саксонских сербов" Чининского и Коцора), а сверх того еще работу М. Горника "Delnjoserbske ludowe pśesnje" (1881)³.

Изыскания 1907 г. не удовлетворили Щербу. Он объясняет скудость результатов "отчасти недостаточной опытностью, а отчасти неблагоприятной обстановкой": он вынужден был "жить в немецкой семье и вначале лишь с трудом находил себе подхо-

¹ Л.В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, с. XVII.

² Щерба - Муке 13.IX.1907, на нем. языке (указ. фонд; опубл.: J.Petr. Op.cit., с. 108-109). См. также: Л.В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, с. XVII: "Летом 1907 г. ... я и выучился ... свободно говорить по-мужаковски".

³ Щерба - Муке 20.IX.07 на нем. языке (указ. фонд; опубл.: J.Petr. Op. cit., с. 109-110).

дшее общество и учителей". Впрочем, понемногу ученый все же "сблизился с некоторыми крестьянскими семействами..., стараясь войти в их будничную жизнь", и к моменту отъезда "имел уже много друзей, искренне желавших помочь" ему в его предпрятии¹.

Учтя опыт 1907 г., Щерба в 1908 г. поселился уже в семье серболужицкого лавочника и постоянно общался со многими носителями местного диалекта, причем все эти лица являлись для исследователя "постоянными учителями и объектами"². В феврале 1909 г. Щерба писал Муке из Праги: "Пробыв в общей сложности около 3-4 месяцев среди лужичан, пользуясь их гостеприимством и приобретя среди них искренних друзей, я хотел бы принять участие в лужицком культурно-просветительном обществе и стать членом "Сербской Матицы" ... Я с радостью готов содействовать в научной разработке лужицкой филологии, а также готов помогать из личной симпатии (подчеркнуто в оригинале - Л.Л.) тем лужичанам, которые желает культивировать свой язык". Из письма видно, что Щерба приобретал выпуск журнала "Časopis Mačicy serbskeje", желал пополнить свою библиотеку недостающими томами сочинений Зейлера. Щерба благодарил Муку за указание на мужаковский диалект, "который оказался интересным во всех отношениях", и сообщал, что прожил под Мужаковым осенью 1908 г. "больше месяца", что "благодаря привезенным с собой аппаратам экспериментально-фонетическим... удалось наблести довольно тонкие вещи"³.

Из других строк цитируемого письма ясно, что у Щербы не было времени "обработать имеющиеся материалы" по мужаковскому диалекту; что лично Щерба и Мукa еще не встречались - русский ученый выражает надежду попасть к Муке во Фрейберг, "чтобы познакомиться и сообщить ... кое-какие частности из области границ диалектических". И еще одно высказывание Щербы обращает на себя внимание. Он полагает, что принести своим "друзьям, крестьянам из Weisskeissel'я ... очень мало пользы, т.к. национальное сознание у них отсутствует, и через каких-нибудь 40-50 лет только старики будут понимать по-

¹ Л.В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, с. ХУП-ХУШ.

² Там же, с. ХУШ.

³ Щерба - Мукe 2.П.09 по-русски (указ. фонд; опубл.: J.Petr. Op. cit., s. 110-112).

лужицки" I:

Возвратившись в Петербург, Щерба отправил Муке короткое письмо от 2I.Y/3.YI.09. Русский ученый сожалел, что так и не смог лично встретиться с Мукой, и благодарил за получение сочинений Зейлера.²

Далее Л.В.Щерба вплоть до 1913 г. серболужицкими проблемами не занимался, он был приват-доцентом университета и работал на магистерской диссертацией "Русские гласные в качественном и количественном отношении", которая издана и защищена в 1912 г. В связи с этим приходится обратить внимание на распространившуюся в литературе ошибку. Член-корр. ЧСАН Я. Петр (указ. соч., с. 93) утверждает, что Щерба "Monografii o mužakovském nářečí obhajil v r. 1912 ... jako doktor-skou disertaci". Ему вторит проф. Г. Шустер-Шенц: "1912 verteidigte L.V. Ščerba seine sorabistische Dialektenmonographie ... und erhielt dafür der wissenschaftlichen Grad eines Doktors".³ Все это совершенно неверно. В 1912 г. Щерба защищал не докторскую, а магистерскую диссертацию, и не на тему о серболужицкой диалектологии, а по проблемам фонетики русских гласных. И лишь в лето 1913 г. Щерба "смог освежить ... свои непосредственные впечатления" о мужаковском диалекте "в течение 10-дневного пребывания среди ... мужаковских друзей, а также посетить и другие местности Лузации"⁴. Перед этой поездкой в Лужицу Щерба в мае 1913 г. написал А. Муке новое письмо. На этот раз он просил серболужицкого ученого подписать место для отдыха где-либо в Исполинских горах (Riesengebirge, т.е. Крконоше) "месяца на три", "чтобы можно было совершать набеги на Ваших земляков - моих хороших приятелей". В письме вновь выражена надежда, что "на сей раз обстоятельства позволят" обоим ученым встретиться лично, что Щербе удастся "побывать во Фрейберге"⁵.

Изложению дальнейшего материала приходится предпослать

I Там же.

² Щерба - Муке 2I.Y/3.YI.09, по-русски (указ. фонд; опубл.: J.Petr. Op. cit., s. 112).

³ H. Schuster-Šewc. Vorwort zum fotomechanischen Neudruck. - L. Ščerba. Vostočnolужицкое nářečie. Bautzen, 1973, S. [9].

⁴ Л.В. Щерба. Восточнолужицкое наречие, с. XIX.

⁵ Щерба - Муке 6/19.Y.1913, на рус.яз. (указ. фонд; опубл.: J.Petr. Op. cit., s. 113-114).

определенные пояснения. Дело в том, что два последующих письма Щербы Мукке датированы в оригинале не очень четко. Ясно лишь, что они написаны 27.VIII и 5.IX; что же касается года, то его можно прочесть и 1913 и 1915. Я. Петр прочитал 1915 и тем самым допустил, на мой взгляд, серьезную ошибку. При этом дата 1915 фигурирует не только в осуществленной Я. Петром публикации писем, но и в собственном тексте автора. Здесь, в частности, говорится: "Ve dnech 8.-15. IX. 1915 Ščerba navštívil naposledy Mužakovsko. Tehdy byl také v Budušíně, Budestecích, Belšecích a Radworu, a poprvé se osobně setkal s Mukou"¹. Этот вывод сделан именно на основании писем Щербы от 27.VIII и 5.IX. Считаю датировку Я. Петра ошибочной по следующим соображениям:

1. Из писем от 27.VIII и 5.IX ясно, что Щерба свободно передвигается по территории Германии, едет в Дрезден, Фрейберг, Будышин и другие пункты, а также пересекает границы. 5.IX, напр., он пишет: "Мой адрес с 8 по 15 сент. Muskau ..., потом Спбург". В период первой мировой войны все это было бы совершенно немыслимо: между Россией и Германией проходил фронт.

2. Ни в каких биографических материалах о Щербе, в том числе и его собственных, нет ни слова о его пребывании в Лужице в 1915 г., зато повсюду фигурируют даты 1907, 1908, 1913. Так, А.А. Шахматов отмечал, что Щерба "в 1907, 1908 и 1913 гг." посетил местности, "где говорят на мужаковском наречии"². Сам Л.В. Щерба подписал предисловие к книге "Восточнолужицкое наречие" датой "Сентябрь 1915". Если бы он, как полагает Я. Петр, в дни с 8 по 15.IX.1915 побывал в окрестностях Мужакова, причем письма показывают, что в конце августа и начале сентября он был в Исполинских горах, то написать предисловие к упомянутой книге он мог только во второй половине сентября, т.е. сразу же по "возвращении" из Лужицы. Но тогда совершенно необъяснимо, почему и в "Предисловии" речь идет лишь о поездках 1907, 1908 и 1913 г. и нет ни слова о поездке 1915 г.?

3. Есть еще и дополнительные соображения. Сопоставим

¹ J. Petr. Op. cit., s. 93.

² Цит. по: М.Г. Булахов. Восточнославянские языковеды. Т. 3. - Минск, 1978, с. 295.

письмо от мая 1913 г., с одной стороны, и от августа - сентября 1913 (1915?), с другой. В майском письме - просьба подыскать место для отдыха в Исполинских горах, а письма августовское и сентябрьское посланы именно оттуда (Rsgb, т.е. Riesengebirge). В мае - выражение надежды на личную встречу, в августе - "с поездом в 5 ч. собираюсь выехать во Фрейберг, чтобы воспользоваться Вашим любезным приглашением и провести вечер вместе с Вами", наконец, в начале сентября - "Часы, проведенные в Вашем доме, навсегда будут мне памятни"¹. Это сопоставление тоже говорит в пользу того, что встреча произошла именно в 1913 г. - между 27 августа и 5 сентября. В целом, не может быть сомнений в том, что два письма датированы Я. Петром неверно.

Остается еще сказать о содержании письма от 5.IX. 1913 (письмо от 27.VIII - лишь короткая записка о намерении приехать во Фрейберг). Из письма от 5 сентября ясно, что Щерба пробыл 2,5 дня в Будышине, навестил и ряд других серболужицких пунктов, завел "новых знакомых" и "был рад провести пару дней в кругу милых сербов", отнесшихся к нему "в высшей степени приветливо"².

После 1913 г. Щерба уже не бывал в Лужице. Известно еще одно его письмо Муке от 27.VIII.1927. Щерба называл Муку "учителем", сообщал о высылке своей монографии "о мужаковском говоре", выражал желание поддерживать связи.

Таковы данные о некоторых обстоятельствах связей Л.В. Щербы с сербами лужичанами, связей, составляющих хотя и частный, но, наш взгляд, небезынтересный эпизод русско-серболужицких контактов перед первой мировой войной.

¹ Щерба - Муке 5.IX.1913 (указ. фонд). В публикации Я. Петра (указ. соч., с. II6) ошибочно: "... Навсегда будут в моем памятке".

² Там же.

В.М. Мокиенко

Прогнозируя будущее нашей науки, мы, филологи, нередко склонны к самоуничижению и скептицизму. Как ни парадоксально, этот скептицизм проистекает из оптимистической посылки, что гуманитарии исследуют не нечто непрерывно меняющееся и бистротечное, но стабильное и вечное – человеческие отношения, человеческие характеры, человеческие судьбы, отраженные языком и литературой. Форма меняется, название меняется, но суть таких отношений как будто всегда та же – иначе мы бы не понимали ни древних литератур, ни наших современных многонациональных соседей. Значит, и прогресс в филологии возможен лишь как прогресс формы, а не сущности?

И на этот "умеренно прогрессивный" вопрос некоторые лингвисты отвечают скептически. "... Всякое лингвистическое описание – это проблема прежде всего терминологическая. Именно поэтому прогресс в языкознании – это нередко иллюзия, обусловленная тем, что вводятся новые термины, которые, в сущности, не обозначают ничего нового, или тем, что старые термины получают нечеткое, расплывчатое, метафорическое употребление", – пишет М.И. Стаблин-Каменский в статье "Возможно ли планирование языкового развития?"¹ Такая иллюзорно терминологическая "прогрессивность" ведет к жалобам на взаимное непонимание, которые срываются с уст даже таких представителей лингвистического авангарда, как Эмиль Бенвенист. "Трудно читать сочинения лингвистов, – пишет он, – но еще труднее понять, чего они хотят".²

Понять, чего хотят современные языковеды самых разных толков и направлений, конечно, не значит еще увидеть все будущее филологии в розовом свете. Но именно понимание, а не догматическое подражание и слепое следование за авторитетами позволяет за формой увидеть суть и в настоящем, и в прошлом, и в будущем нашей науки.

¹ М.И. Стаблин-Каменский. Спорное в языкознании. – Л., 1974, с. 81.

² Э. Бенвенист. Общая лингвистика. – М., 1974, с. 21.

Традиционным лейтмотивом филологических "самоуничтожений" стало то, что мы испытываем якобы излишнее благоговение перед фактами, любим накапливать их и зачастую за деревьями не видим леса именно потому, что лишены самостоятельного видения. "Собственное соображение и собственная группировка фактов, как известно, доступна очень немногим филологам", — писал А. Блок.³ Такой скептицизм, впрочем, можно распространить и на другие науки — как естественные, так и гуманитарные, ибо по проторенной тропе идти всегда легче, чем по бездорожью.

Важное другое — что и в филологии, как и в других науках, такие первопроходцы всегда были и будут. Именно они расставляют вехи филологического прогресса (если он действительно возможен). К таким ученым относятся Л.В. Щерба и Б.А. Ларин.

В личностях этих филологов было много общего. Прежде всего — у них было научное рыцарство и филологическое мужество, без которых всегда есть опасность свернуть на проторенные дороги. Непримиримость к устоявшимся догмам и шаблонам, готовность принять сами различные — вплоть до взаимоисключающего — ответ на поставленный вопрос, лишь бы ответ был объективным и прямым, осознание относительности достигнутых научных результатов, многомерное видение языковой реальности — вот "идейные" нити, связывающие Л.В. Щербу и Б.А. Ларина.

Все, кто пишет о Л.В. Щербе, единодушно подчеркивают его решительное неприятие каких-либо "голых схем, классификаций, в основе которых лежит упрощенчество"⁴, стремление "глубоко, без всяких пор, без всякой предвзятости изучать языковой материал, осмысливая его как выражение и отражение системы того или иного языка".⁵ Современное языкознание потому и пронизано идеями Л.В. Щербы, что он никогда, говоря словами Л.В. Бондарко, "не стремился создать какую-либо жесткую схему описания того или иного явления, не допускал возможность разных его толкований".⁶

³ А. Блок. Собр. соч. Т. 6. — М., 1962, с. 60.

⁴ М.И. Матусевич. Предисловие к кн.: Академик Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 9.

⁵ В.В. Виноградов. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л.В. Щербы. — В кн.: Памяти академика Льва Владимировича Щербы. Л., 1951, с. 62.

⁶ Л.В. Бондарко. Лев Владимирович Щерба. 1880—1944. — Русская речь, 1980, № 2, с. 105.

Такое свободное, нетрадиционное лингвистическое мышление в равной мере характерно и для Б.А. Ларина. Д.С. Лихачев особенно выделяют эту ларинскую особенность. "Б.А. Ларин не был ни догматиком, ни традиционалистом, — пишет он. — Его острый критический анализ направлялся на то, чтобы приводить в движение научную пылкость, а не останавливать ее самоуверенными и исключаящими дальнейшие разыскания ответами".⁷

Отказ от "догматов веры" проявлялся во всем многогранном наследии Л.В. Щербы и Б.А. Ларина. Показательно, что этот отказ простирался далеко за горизонты чисто научной проблематики: он был для ученых и мощным энергетическим ресурсом организаторской и общественной деятельности.

В 1914 г. Бодуэн де Куртене, разочарованный спадом революционных настроений и репрессиями, которые на него обрушились, высказал "три заповеди" лингвисту: не отвлекаться в сторону; не интересоваться общественными делами; заинтересоваться ими, интересоваться про себя, а если и публично, то избегая зазорного гона.⁸

Хорошо известно, что сам Бодуэн де Куртене никогда этих заповедей не придерживался, ибо общественный темперамент постоянно толкал его на их нарушение. Л.В. Щерба, как и его учитель, был всегда "рыцарем правды" и на общественном поприще и потому в полной мере вкусил "не только радость всеобщего признания и почета, но и ослиное ляганье".⁹ Жизнь Л.В. Щербы, по словам Б.А. Ларина, не раз напоминала судьбу Рыцаря Печального образа, "в его биографии были и встречи с разбойниками на большой дороге, и схватки с ветряными мельницами. Но он знал и счастье побед..."¹⁰

Никогда не соблюдал заповедей "общественного воздержания" и Б.А. Ларин. Не случайно Д.С. Лихачев, характеризуя Ларина как личность, наиболее яркой чертой его называет именно "общественный темперамент — темперамент, сказывавшийся во всей его деятельности, особенно педагогической, и по-

⁷ Д.С. Лихачев. О Борисе Александровиче Ларине. — В кн.: Б.А. Ларин. История русского языка и общее языкознание. М., 1977, с. 9.

⁸ И. Бодуэн де Куртене.—Газета "Речь" от 1 марта 1914 г., № 58.

⁹ Б.А. Ларин. Значение работ академика Л.В. Щербы в русском языкознании. — В кн.: История русского языка и общее языкознание. М., 1977, с. 207.

¹⁰ Б.А. Ларин. Ук. соч., с. 208.

стоянно заставлявший его обращаться от классических тем филологии к заботам сегодняшнего дня науки, к темам новым, связанным с современной ему действительностью"¹¹.

Общественная активность делала и Бодуэна де Куртене, и Л.В. Щербу, и Б.А. Ларина неутомимыми рыцарями филологии, страстными пропагандистами филологических знаний, патриотами языкознания. А можно ли пропагандировать какое-либо дело, не показывая своим последователям его перспектив, его будущего?

Мысли о пользе филологического образования, которые Л.В. Щерба и Б.А. Ларин высказывали в течение всей своей жизни, постоянно были устремлены в это будущее. Характерно, что в революционном 1917 году, на Первом Всероссийском съезде преподавателей русского языка средней школы, Л.В. Щерба читает доклад "Филология как одна из основ общего образования", содержания которого не сохранилось, но само название которого говорит о его тематике. Б.А. Ларин, как видно из его очерка "Значение работ акад. Л.В. Щербы в русском языкознании" (с. 201), был знаком с этим докладом. Вполне вероятно, что ларинская работа "О филологии будущего"¹² была инспирирована как этим давним докладом Л.В. Щербы, так и одной из его последних работ "Очередные проблемы языковедения" (1945).

Статья Б.А. Ларина была его предсмертным завещанием филологам. В ней разворачивается широкая программа филологических исследований в будущем и в то же время подчеркивается значение нашей науки для развития гуманитарных дисциплин, литературы, искусства и культуры вообще. Рисуя картину филологического будущего, Б.А. Ларин, как это свойственно русским людям, оглядывался на идеальный пример прошлого. Таким идеалом для него был именно Л.В. Щерба. Вот почему прогнозируемые Б.А. Лариным направления будущих филологических исследований оказываются — при их анализе — во многом отражением научной биографии ученого, внесшего столь большой вклад в современную лингвистику. При этом, конечно, Л.В. Щерба для Б.А. Ларина никогда не был прошлым в буквальном смысле этого слова, он всегда оставался настоящим и будущим филологии.

В своем научном завещании Б.А. Ларин ставит перед потомками следующие задачи, которые ему представлялись наиболее перспективными:

¹¹ Д.С. Лихачев. Ук. соч., с. 9.

¹² Б.А. Ларин. О филологии близкого будущего. — Филологические науки, 1963, № 1, с. 189-196.

1. Сделать преподавание иностранных языков более доступным, быстрым и массовым, вооружив его техникой нашего века.

2. Создать более рациональные системы орфографии, более живые и не отдалившиеся от науки школьные пособия, грамматики, словари, учебники стилистики и еще ряд книг, справочников и руководств для повышения массовой речевой культуры.

3. Разработать теорию художественного перевода и на ее основе создать ряд специальных пособий для переводчиков, чтобы покончить с низкопробными переводами по подстрочникам, которые приводят к грубейшим искажениям оригинала.

4. Добиться точного и не слишком дорогого машинного перевода деловой и научной письменности, главным образом ради быстрой и более широкой информации (научной, технической, политической). Для этого требуется разработка теории машинного перевода и подготовка множества подсобных расчетов и программ.

5. Выработать более высокий тип издания памятников русской и других национальных литератур в оригинале и в переводах. Не повторять элементарных "уроков политграмоты", преподносимых в качестве предисловий или послесловий к переводному роману или сборнику повестей, давать достойное нового уровня науки и требований наших читателей критическое введение и комментарии, которые позволили бы значительно углубить восприятие того или иного памятника. Такие комментарии должны быть — при всей стилиевой доступности — глубоко профессиональными и помогать осознанию того, чего не осознают рядовые читатели, а быть может, и сами писатели, композиторы, драматурги или артисты.

6. Поставить проблему "нового стиля художественной литературы", о котором некоторые писатели (И. Эренбург или А. Югов) рассуждают сумбурно, опираясь лишь на свой вкус и интуицию. Необходимо провести исследование этого "нового стиля" — по всем стадиям точности и полноты, от детального описания до формул закономерности, выраженных словесно и математически.

7. Нужно довести до конца и то, что успешно было начато предшествующим языкознанием. Советские лингвисты коренным образом перерабатывают грамматику глагола, бурно развивается теоретический и исторический синтаксис; в области стилистики идет напряженная работа над семантической двуплановостью и многоплановостью художественного текста, над функциональной фразеологией; плодотворно развивается сопоставительно-типо-

логическое изучение неродственных языков; на очереди — фундаментальный пересмотр многих вопросов сравнительного языкознания.

8. Наши литературоведы должны в еще большей степени освещать марксистской наукой ценные творения прошлого и настоящего. Необходимо продолжить работу по возвращению читателю произведений несправедливо "забытых" писателей.¹³

Известно, что практика и теория преподавания иностранных языков, поставленные Б.А. Лариным на первое место в прогностике филологического будущего, для Л.В. Щербы также всегда были проблемой номер один. Уже в 1915 г. Л.В. Щерба опубликовал "Особое мнение по вопросу о роли языков в средней школе"¹⁴, в котором, в связи с проходившими тогда реформами средней школы, призывает не сокращать языковой программы, а всемерно углублять и развивать ее, ибо иностранные языки имеют огромное общеобразовательное значение. Этой проблеме посвящено много различных работ Л.В. Щербы, написанных в разное время: "О практическом и общеобразовательном значении иностранных языков" (1926), "О взаимоотношении родного и иностранного языков" (1934), "К вопросу о постановке преподавания иностранных языков в общеобразовательной средней школе" (1943), "Перспективы преподавания иностранных языков в школе" (1944) и др.¹⁵ Многие из идей Л.В. Щербы, разрабатывавшихся в разные годы, нашли отражение в его книге "Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики" под редакцией И.В. Рахманова (М., 1947). По словам известного чехословацкого методиста М. Затовканюка, "эта книга до сих пор еще не была превзойдена как источник идей и опыта теории обучения иностранным языкам".¹⁶

¹³ Б.А. Ларин. Ук. соч., с. 190–191. Текст Б.А. Ларина приводится почти полностью — сделаны лишь некоторые сокращения и связанные с ними стилистические коррективы.

¹⁴ В кн.: Материалы по реформе средней школы. — СПб., 1915, с. 448–457.

¹⁵ Обзор этих и других работ и концепций Л.В. Щербы (с детальной библиографией) см.: М.Г. Булахов. Восточнославянские языковеды. Т. 3. — Минск, 1978, с. 285–302; Л.Р. Зиндер, В.С. Маслов, Л.В. Щерба — лингвист-теоретик и педагог. — Л., 1982.

¹⁶ M. Zatovkaňuk. L.V. Ščerba a lingvometodika oizích jazyků. — In: Práce z dějin slavistiky. Praha, 1976, s. 125.

В этой книге Л.В. Щерба выдвинул остро полемическое положение о чисто практическом, техническом, а не псевдонаучном, схоластическом характере методики преподавания иностранных языков, призвал к широкому применению сопоставительного метода, резко отверг примитивный "метод гувернантки", доминировавший в то время. Главное же — именно Л.В. Щербе принадлежит приоритет в разработке лингвистических и лингвометодических основ активной и пассивной грамматики и словарного состава, которые стали азбукой современного обучения иностранным языкам.

Характерно, что в завещании Б.А. Ларина эта проблематика служит исходной точкой для развертывания исключительно важных теоретических соображений о так называемых "мировых языках" и для по-ларински яркой полемики со сталинской теорией "зональных" языков. Отвергая популярный некогда тезис о едином мировом языке, Б.А. Ларин приходит к выводу о том, что "нигде и ни в какой степени о поглощении и вытеснении" инонациональных языков русским в СССР говорить нельзя.¹⁷ Б.А. Ларин подсказывает лишь органическое и диалектическое сосуществование таких языков с русским в масштабе нашей страны, их определенную функциональную специализацию, активный и развитый билингвизм.

Проблема билингвизма в ее теоретическом и практическом аспектах считается Б.А. Лариным одной из самых насущных и перспективных для филологии будущего. Она прямо связана и с языковой ситуацией в различных странах, и с практическими вопросами преподавания русского языка иностранцам.

Известно, что именно эта проблематика и была своеобразным "исходом" всей научной деятельности Л.В. Щербы. Она выросла у него из активного и кропотливого изучения мужаковско-го диалекта лужицкого языка в 1907–1908 гг. Сам факт исследования Л.В. Щербой лужицких диалектов хорошо известен. Малоизвестно, однако, что стимулом к этому послужило для него именно стремление исследовать какой-либо диалект, в котором были бы активно смешаны разноразличные элементы. В 1907 г. Л.В. Щерба обратился к известному сорабисту проф. А. Муке с просьбой рекомендовать ему такой диалект для изучения, где можно было бы детально изучить процессы языковой интерференции и фонетический строй.¹⁸ Как видим, 27-летний Л.В. Щерба,

¹⁷ Б.А. Ларин. Ук. соч., с. 191.

¹⁸ J. Petr. L.V. Ščerba jako slavista a sorabista. — In: Práce z dějin slavistiky. Praha, 1976, s. 92.

приступая к диалектологическим штудиям, имел перед собой четкую научную задачу, которая была разработана им позднее как теория билингвизма. Более того, интерес к этой проблематике у Л.В. Щербы возник уже в студенческие годы, поскольку его учитель Бодуэн де Куртене относил исследование смешения языков к фундаментальным вопросам общего языкознания.¹⁹

Концепция билингвизма и интерференции у Л.В. Щербы опиралась на объективное представление о социальном характере смешения языков, о перманентности этого процесса. Л.В. Щерба считал, что смешение во многом определяет развитие языков вообще и поэтому понимал под этим процессом как межъязыковое взаимодействие, так и внутриязыковые отношения. Именно эта концепция сделала его докторскую диссертацию "Восточнолужицкое наречие" (1915 г.) новым словом не только в славянской диалектологии, но и в мировом языкознании вообще.

Проблематику билингвизма Л.В. Щерба также разрабатывал в течение всей своей жизни. В одной из последних работ - "Очерки проблемы языковедения" (1945) он решает именно вопросы сравнительно-типологического языкознания, увязывая их с проблематикой билингвизма.

Развитие лингвистики в 60-80-е годы полностью оправдало предсказанный Б.А. Лариным расцвет сравнительно-типологического направления в изучении билингвизма. Теперь, когда созданы фундаментальные труды в этой области, наш долг - не забывать, что эстафета этой проблематики передавалась от одного патриарха лингвистики к другому - от Бодуэна де Куртене к Л.В. Щербе, от Л.В. Щербы - к Б.А. Ларину - пока не стала из прошлого настоящим и будущим филологии.

Активно решалась Л.В. Щербой и задача создания рациональных систем орфографии (особенно для младописьменных народов) и составления учебных пособий массового типа, которую Б.А. Ларин проецировал в близкое будущее филологии. Заслуги Л.В. Щербы в этом деле настолько хорошо известны, что нет необходимости их перечислять. Можно лишь напомнить, что и эта деятельность Л.В. Щербы начинается едва ли не со студенческой скамьи, ибо уже в 1905 г. в "Русском филологическом вестнике" он опубликовал страстную статью "Несколько слов по поводу Предварительного сообщения орфографической подкомиссии", где высказывался за рациональное упрощение орфографии.

¹⁹ Ср. его работу 1901 г. "О смешанном характере всех языков". - *ЭМНП*, 1901, ч. 337, с. 12-24.

Его "Теория русского правописания" в двух частях — итог большой практической работы в различных комиссиях по правописанию.

Теория и практика перевода, а особенно перевода машинного, которой Б.А. Ларин придает также значение в филологии будущего, на первый взгляд, не занимает большого места в наследии Л.В. Щербы. Но если учесть, что его теория билингвизма, о которой уже говорилось, в современной лингвистике стала краеугольным камнем теории перевода вообще и сопоставительной стилистики в частности, что всесторонне показал А.В. Федоров²⁰, то становится ясно, что и здесь, рисуя филологию будущего, Б.А. Ларин имел в виду научные интересы Л.В. Щербы. Что же касается практики перевода, то здесь достаточно вспомнить двуязычный русско-французский словарь, в котором решены именно практические вопросы переводоведения, над которыми до сих пор бьются специалисты.

Вот, например, как Л.В. Щерба дифференцирует в своем словаре тонкие семантические оттенки русского слова "хороший", "хорошенький" и их синонимов в сопоставлении с французским, учитывая сочетаемость: хороший мальчик эквивалентруется либо как *un excellent garçon*, либо как *un garçon bien sage*, а хороший ученик — *un bon élève*. Еще более дифференцировано описывает Л.В. Щерба сочетания хорошенькая женщина и красивая женщина, которые в русском языке весьма близки, но при щербовской подаче, оквозь призму французского языка приобретают семантическую рельефность: первое переводится как *une jolie femme*, в то время как второе относится лишь к одному, особому семантическому оттенку сочетания *une belle femme*.²¹ Многие словари, в том числе и современные, на эти различия не обращают внимания, ограничиваясь чисто словарными эквивалентами русских слов хороший, красивый, прекрасный — *bon, beau, excellent*, что весьма обедняет практику перевода.

Своими лексикографическими работами, таким образом, Л.В. Щерба обогатил теорию и практику перевода, внес в переводную лексикографию элементы лексикографии толковой и энциклопедической, обратил внимание переводчиков на внутреннюю

²⁰ А.В. Федоров. Основы общей теории перевода. — М., 1983.

²¹ Ср.: J. Šabtgála. Význam ščerbovy lexikologické teorie a lexikologické praxe pro překladatelství. — In: Práce z dějin slavistiky. III. Praha, 1976, s. 80.

динамику лексического состава и на сложность семантических отношений между межязыковыми эквивалентами, связанную с речевой реализацией лексики. Эти проблемы, как подчеркивает например, В.Г. Гак, выдвинулись в наши дни на передний план сопоставительной лингвистики.²² Именно их решение поможет выполнить призыв Б.А. Ларина "покончить с калтурой перевода по подстрочникам, приводящего к грубейшим искажениям оригинала".

Что же касается "не слишком дорогого машинного перевода деловой и научной письменности", о котором мечтал Б.А. Ларин, то эта задача до сих пор еще не выполнена, но подход к ее решению, как известно, начинался и продолжается именно на основе теоретических построений Л.В. Щербы.

Проблемы стилистики, которые Б.А. Лариным включены в актуальнейшие филологические перспективы, также активно занимали Л.В. Щербу с юных лет. Показательно, что первым из известных его опытов практического перевода является перевод книги Элизе Рихтер по культуре речи "Как мы говорим" (1913 г.), который вышел в адаптированном для русского читателя виде.

Ставя проблему исследования стиля художественной литературы в будущем, Б.А. Ларин требовал от таких исследований широты и комплексности — "по всем стадиям точности и полноты, от детального описания до формул закономерности, выраженных и словесно и математически" (ук. соч., с. 190). Такой подход и свойственен лингвостилистическим очеркам Л.В. Щербы "Опыты лингвистического толкования стихотворений" ("Воспоминание" Пушкина и "Сосна" Лермонтова). В предисловии к последнему очерку Л.В. Щерба призывает к синтезу литературоведческой и лингвистической интерпретации текста, ибо лишь сплав интуитивного подхода с точным языковым анализом позволяет вскрыть идейное и эмоциональное содержание литературного произведения.²³

"Язык художественной литературы, — подчеркивает Л.В. Щерба в другой своей работе, — имеет, конечно, гораздо больше вариаций, чем деловой язык, но они не так очевидны и, во всяком случае, не так легко классифицируются. Но главное,

²² В.Г. Гак. Сопоставительная лексикология. — М., 1977, с. 5.

²³ Л.В. Щерба. Опыты лингвистического толкования стихотворений. П. "Сосна" Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом. — В кн.: Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 97.

что они имеют совершенно иную направленность: они должны рисовать все то разнообразие разговорных, социальных и отчасти географических диалектов, которые объединяют данный литературный язык".²⁴ Такое понимание художественного текста позволяет исследовать его стилистически не как простую комбинацию элементов различного значения, но как пластическое целое с яркими, выпуклыми доминантами и рядом дополнительных элементов. Собственно говоря, лингвостилистические этюды Л.В. Щербы, демонстрирующие эту методику, в какой-то мере отвечают и другой задаче, поставленной перед филологией будущего Б.А. Лариным, — сопровождать издаваемые произведения художественной литературы такими комментариями, которые были бы высоко профессиональными и помогали бы воспринимать текст полифонически, так, как не осознают его "рядовые читатели, а быть может, и сами мастера литературы" (ук. соч., с. 190).

Конечно, в краткой статье невозможно остановиться на всех сторонах деятельности Л.В. Щербы, которые так или иначе соприкасаются с прогнозами Б.А. Ларина. Можно было бы вспомнить и яркие и оригинальные концепции учебников Л.В. Щербы, и его замечания по специфике разговорной речи, и, конечно, тот огромный вклад в разработку различных сторон грамматики, актуальность которых подчеркнул Б.А. Ларин. Можно было бы напомнить и о передовых взглядах Л.В. Щербы на учебный процесс, на взаимоотношения "учитель — ученик", "преподаватель — студент", которые он всегда темпераментно отстаивал. И здесь Б.А. Ларин был единомышленником Л.В. Щербы. В число задач высшей школы на будущее он поэтому включает и такие, как "возможность свободного посещения студентами занятий, отмену мелочного контроля и формальной регистрации каждого шага студента и преподавателя", которые, к сожалению, с течением времени отодвигаются на все более и более неопределенное будущее. Учебный процесс в высшей школе будущего Б.А. Ларин представлял себе по-щербовски, как все большее повышение уровня преподавания и самостоятельности и ответственности студентов. Вводные курсы, по его мнению, должны читаться выдающимися педагогами, а общие курсы — крупнейшими теоретиками, мастерами синтеза. Эти курсы должны будут читаться по телевидению одновременно для всех вузов страны для данной

²⁴ Л.В. Щерба. Современный русский литературный язык. — В кн.: Л.В. Щерба. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 119.

специальности в течение не более двух дней в неделю. Остальные же четыре дня ведутся спецкурсы и спецсеминары – во всех вузах особо и независимо от других, при этом со 2–3-х курсов занятия превращаются в коллективную студенческо-преподавательскую научную работу (ук. соч., с. 195). От выполнения этой задачи, к сожалению, мы пока еще гораздо более далеки, чем от выполнения всех специально филологических целей, поставленных Б.А. Лариным.

В научном мировоззрении, педагогической деятельности и самих личностях Л.В. Щербы и Б.А. Ларина много общего. Объединяет их в первую очередь готовность и умение соединять высокую теорию с "низкой" практикой, в языковой детали, кажущейся второстепенной, увидеть глобальные лингвистические проблемы, в факте языка вскрыть общечеловеческую философию. И у Л.В. Щербы, и у Б.А. Ларина с юных лет была своя путеводная лингвистическая звезда, общая идея, которая вела их сквозь всю научную жизнь. "Интересы мои, – пишет Л.В. Щерба в одной из своих биографий, – теория языка вообще". Этот общетеоретический интерес подчинен у Л.В. Щербы, как подчеркивает Л.В. Бондарко, самому главному – "стремлению описать и понять роль человека, пользующегося данным языком, в формировании и изменении свойств языка".²⁵ Этим же стремлением пронизаны и все научные труды Б.А. Ларина, ибо из всего многообразия языковых свойств он уже в первых своих очерках выбрал то, что теснее и непосредственнее всего связано с ролью человека, – семантику.

Д.С. Лихачев писал, что диалектичность Б.А. Ларина и готовность отказаться от любых окончательных ответов были причиной того, что "он не создал развитой системы своих взглядов, но дал нечто гораздо более важное для развития науки: он дал направление изучению языка. Система редко переживает своего создателя, направление же позволяет творчески развивать мысли учителя. Первая завершает какую-то работу, сделанную учителем, второе же открывает путь для самостоятельных исследования его учеников".²⁶ Эти слова в полной мере можно отнести и к учителю Б.А. Ларина – Л.В. Щербе. Ведь именно тем, что Л.В. Щерба создал новаторское, широко распахнутое направление в лингвистике, а не замкнутую и завер-

²⁵ Л.В. Бондарко. Ук. соч., с. 104.

²⁶ Д.С. Лихачев. Ук. соч., с. 9.

шенную систему, и можно объяснить, почему его последователями и единомышленниками считают себя ученые даже диаметрально противоположных взглядов.

Д.В. Щерба дал языкознанию именно то направление, которое ведет к филологии будущего. И поэтому вполне логично, что Б.А. Ларин, намечая вехи этого будущего, смело оглянулся на своего учителя. Оглянулся, чтобы увидеть перспективу.

НЕИЗВЕСТНЫЕ ДОКУМЕНТЫ О СЕРБОЛУЖИЦКО-ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СВЯЗЯХ

М.М. Криль, В.А. Моторный, К.К. Трофимович

В настоящей публикации речь идет о письмах Яна-Арношта (Эрнста) Смолера (1816–1884), видного представителя серболужицкого национального возрождения, Якову Федоровичу Головацкому (1814–1888), историку, этнографу, филологу, поэту и общественному деятелю Галицкой Руси, переехавшему на постоянное жительство в Россию в 1868 году¹.

В многогранной деятельности Смолера (собрание и издание песен, изыскания в области языкознания, редактирование и издание журналов, организация разнообразных культурных мероприятий и т.п.) определенное место занимает популяризация в Западной Европе славянской (в том числе русской) литературы, в частности через книжную торговлю и книгообмен, а также ознакомление русской общественности с проблемами серболужицкого национального возрождения. Идею такой деятельности подсказал Смолеру Осип Максимович Бодянский (1808–1877), один из первых русских ученых, побывавших в Лужице, впоследствии профессор Московского университета.

О масштабах мероприятий, проводимых Я.-А. Смолером, можно судить по его обширной корреспонденции с русскими учеными, опубликованной серболужицким ученым доктором Яном Цихем в периодическом научном издании "Летопись"².

Организованная Я.-А. Смолером в 1851 г. книжная лавка в Будышине ("с целью распространения серболужицких книг среди народа"³) разрослась в довольно живое предприятие. Смолер

¹ О жизни и деятельности, а также связях Я.Ф. Головацкого с учеными славянского мира см.: Г.Д. Гербоўскі. Перадава суспільна думка в Галічыні. – Львів: Вид-во Львівського ун-ту, 1959, с. 35–122.

² Lětopis Instituta za serbski ludospyt, rjad A. Budyšin, 1968–1970, №№ 15, 16, 17.

³ J. Cyż. Jan Arnošt Smoler: Žiwjenje a skutkowanje serbskeho wótcínca. – Budyšin: Domowina, 1975, s. 206.

наладил контакты с известными книготорговцами в Петербурге Дмитрием Ефимовичем Кожанчиковым и Яковом Алексеевичем Исаковым, а также с лейпцигским коммерсантом Фоссом и другими. Я.-А. Смолер был одно время официальным книготорговцем-комиссионером Второго отделения Российской академии наук и царской Общественной библиотеки в Петербурге.

Со временем у Смолера зародился замысел создать издательско-книготорговую фирму, которая способна была бы осуществлять планы в более широких масштабах. Он нашел компаньона, обладавшего определенным капиталом, - Яна Богувера-Пеха. Оба подали заявку в городской совет г. Будишина, в которой сообщили, что с 1864 г. новая фирма будет издавать "Serbske Nowiny", журнал "Lužičan", журнал "Zeitschrift für slavische Literatur, Kunst und Wissenschaft", распространять периодические и научные издания. В славянских странах эти издания рекламировались в периодической печати. В 1865 г. было объявлено о начале выпуска еще одного журнала: "Slavisches Centralblatt".

Однако неблагоприятные условия, вызванные напряженным политическим положением (польское восстание 1863 г., война Австрии и Пруссии с Данией в 1864 г., австро-прусская война 1866 г.), а также невозможность конкурировать с крупными книготорговцами Лейпцига привели к ликвидации фирмы "Смолер и Пех" в 1869 году.

Следует отдать должное Я.-А. Смолеру, сделавшему очень много для укрепления культурных связей России с Западной Европой, в частности с Лужицей. Биограф лужицкого деятеля утверждает, что Будышин "на протяжении двух десятилетий был заметным центром славянской взаимности", а Смолер "стал в это время наиболее известным славянским деятелем культуры"⁴. В самом деле, связи Лужицы с Россией значительно окрепли благодаря плодотворной деятельности Смолера. В частности, он снабжал многих русских ученых и деятелей культуры необходимыми для их работы изданиями. Из переписки серболужицкого патриота видно, что он посылал книги, например: известному филологу-слависту, профессору Харьковского и Петербургского университетов, академику Измаилу Ивановичу Срезневскому (1812-1880); Алексею Степановичу Хомякову (1804-1860), философу, общественному деятелю, известному русскому славянофилу, одному из видных основоположников Московского славянского благотворительного общества, профессору Московского уни-

⁴ J. Cyž. Jan Arnošt Smoler: Življenje a skutkovanje serbskeho wótčinca. - Budyšin: Domowina, 1975, s. 217.

верситета, академику, историку и публицисту Михаилу Петровичу Погодину (1800–1875); Александру Александровичу Кочубинскому (1845–1907), филологу и историку; Владимиру Ивановичу Ламанскому (1833–1914), профессору славянской филологии в Петербурге; богатому русскому купцу, связанному со славянофилами, Василию Александровичу Кокореву (1817–1889) и другим.

С другой стороны, Я.-А. Смолер получал от русских партнеров и распространял у себя на родине периодические издания "Современник", "Отечественные записки", "Заволжские очерки", альманах "Комета" и др., а также научные книги.

Услугами сербобукицкого друга славянства пользовались и многие другие. Как следует из публикуемых писем, со Смолером в контакте находился и Я.Ф. Головацкий. Об этом факте до сих пор не было известно. Письма Смолера к Головацкому были нами обнаружены в Центральном государственном историческом архиве г. Львова, где они хранятся в фонде № 309 (Материалы и документы прежнего Научного общества им. Т.Г. Шевченко) под шифрами: оп. I, ед. 2299, с. II4–II9.

Текст писем, написанных Я.-А. Смолером на русском языке, воспроизводится без каких-либо изменений, т.е. сохраняются особенности речи автора со всеми отклонениями от норм русского языка того времени. Языковые (структурные и орфографические) погрешности, допущенные в письмах, совершенно не препятствуют правильному пониманию смысла, поэтому не было необходимости вносить коррективы. К тому же, как нам кажется, полная аутентичность публикуемых писем предоставляет возможность читателю убедиться в степени знания русского языка сербобукицким патриотом, а исследователю его речи дает материал для научной ее интерпретации.

Необходимо заметить, что, вопреки способу передачи имени и фамилии сербобукицкого деятеля, принятого в наше время, сам автор подписывался "И. Смоляр". Дело в том, что в России его называли Иваном (даже Иваном Ивановичем). Фамилия тоже была русифицирована, откуда и появилось конечное -яр.

Отметим, что на письмах № I и № 2 внизу сделаны пометы рукой Я.Ф. Головацкого: Отписаль 2/14 Августа 867 г.; отпис. 5/17 Сент. 867.

Все письма написаны на специальной почтовой бумаге размером 136 мм на 218 мм.

114 Будиниць (Zamben in Sachsen) 27. 7. 1867 116
1867 1. 7. 1867

Многоуважаемый Яковъ Федоровичъ!

Съ книги, которую Петербургскій кни-
гопродавецъ г. Усачевъ для доставленія славян-
скихъ гостей ~~для~~ послать, получилъ наша
фирма также 2 ящики съ назначеніемъ. По-
лагая, что они Вамъ принадлежатъ, и потому
покорѣнне прошу, не такъ скоро какъ ~~они~~
~~уведомитъ~~, принадлежатъ ли они Вамъ, и, ес-
ли тому такъ, пожалуйста такъ писать, какъ
ихъ Вамъ полагаетъ.

Вамъ къ услугамъ готовитъ
И. Смоларъ.

Адресъ: I. E. Sittler
Zamben (Sachsen.)

Вспомнилъ г. Ависина 1867

Факсимиле письма от 27/7 1867 г. Я.-А. Смолера
Я.Ф. Головацкому

Письмо № I

Будышинъ (Bautzen in Sachsen) 27/7 67.

Многоуважаемый Яков Федоровичъ!

Съ книгами, которыхъ С-петербургскій книгопродавецъ г. Исаковъ для доставленія славянскимъ гостямъ сюда послалъ, получила наша фирма также 2 ящики безъ назначенія. Полагаю, что они Вамъ принадлежат, и поэтому покорнѣйше прошу, меня такъ скоро какъ можно увѣдомить, принадлежать они Вамъ, и, ежели этому такъ, пожалуйста мнѣ писать, какъ ихъ Вамъ послать.

Вашъ къ всѣмъ услугамъ готовъ

И. Смоляръ

Адресъ: J.E. Schmalzer

Bautzen (Sachsen)

Письмо № 2

Будышинъ (Бауценъ) $\frac{8}{20}$ Августа 1867.

Преподобнѣйшій Отче!

По Вашему желанію вскрытъ я ящики, о которыхъ я полагалъ, что они Вамъ принадлежать, и я теперь совершенно убѣжденъ, что по своему содержанію только Вамъ принадлежать могутъ. Но какъ это возможно, ежели Вамъ г. Исаковъ послалъ пять ящиковъ изъ С.Петербурга и еще два ящика для Васъ у меня, такъ какъ ихъ г. Исакову только пять доставили, а никакъ семь?

По части могу это изъяснить.

Получившій ящики для славянскихъ гостей черезъ Шетинъ я сейчасъ узналъ, что ихъ больше, чѣмъ ихъ я г. Исакову вручилъ, но что все таки между ними ящика для г.Матковича нѣтъ. Для того писалъ я въ С.Петербургъ, но отвѣта я еще не получилъ, а полагаю теперь, что ящикъ г.Матковича неправильно къ Вамъ присланъ. Но чей второй, также неправильно къ отправленный ящикъ — Богъ знаетъ: никто изъ славянскихъ гостей его не рекламировалъ, только г. Миллеръ меня увѣдомилъ, что не понимаетъ, куда пропали его каталоги изъ Эрмитажа и пр.

Пожалуйста мнѣ поэтому писать получившій ящики, которыхъ Вамъ г.Исаковъ прислалъ: естли между ними ящикъ г. Матковича? Я помню, что онъ досчатой и что я на одну доску написалъ хараждашемъ имя: Матковичъ. — Я писалъ г. Матковичу, въ чѣмъ умедтвеніе, и надѣюсь, что все хорошо кончится.

Получившій Вашъ отвѣтъ, пошлю Вамъ сейчасъ адресъ г. Матковича и какъ ему его ящикъ прислать а не потерять плаченныхъ для него денегъ. — Между тѣмъ также Ваше два ящики къ Вамъ отправлю.

Примите увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ высокопочитаніи и совершенной преданности.

Покорнѣйшій слуга Вашъ

И. Смоляръ

Письмо № 3

Будышинъ (Баузенъ) $\frac{25}{2}$ 68.

Многоуважаемый Государь!

Извините меня, что моего отвѣта такъ поздно получите, но я путешествовалъ по дѣламъ въ Лейпцигъ и Берлинъ и прѣхавшій сегодня домой, Вамъ сейчасъ пишу.

Книгъ, на Ваше имя къ намъ присланныхъ, въ Австріи нигдо не хотѣлъ принять, полагая, что изъ этого будетъ непріятности и для Васъ и для другихъ.

Завтра отворимъ ящики, чтобъ выбрать словарь Даля и послать господину Петрушевскому; ящики потомъ къ Вамъ въ Вильну пошлемъ. Ихъ всѣхъ 305 нѣмецкихъ Фунтовъ и за ихъ провозъ изъ С. Петербурга заплатила наша фирма 15 талеровъ 7 1/2 гр. Пожалуйста этихъ денегъ нашему коммиссіонеру выплатить, когда книгъ получите.

Чтобъ немедленно это письмо отправить, буду Вамъ о всѣхъ другихъ дѣлахъ въ Вильну писать.

Покорнѣйшій Вашъ слуга

И. Смоляръ

Письмо № 4

Будышинъ $\frac{16}{28}$ Сентября 1869 г.

Ваше Превосходительство, Милостивый Государь!

Имѣю честь Васъ изкорѣйше уведомить, что здѣшная фирма Смоляръ и Пехъ на дняхъ посылку книгъ по желѣзной дорогѣ къ Вамъ во Вильну отправила. Есть то часть этихъ книгъ, которыхъ въ 1867 г. упомянутой фирмъ для Васъ изъ С. Петербурга послали, вторую часть она по Вашему порученію нѣсколько дней тому назадъ въ бібліотеку Народнаго Дома во Львовѣ на руки Г. каноника Антонія Петрушевича послала.

Изъ издержекъ за провозъ книгъ и пр. отъ С. Петербурга въ Будышинъ прійдетъ на Вашу долю 8 руб., которыхъ пожалуйста фирмѣ Смоляръ и Пехъ доставить.

Для болезни мнѣ возможно не было, на Гусовый праздникъ въ Прагу ѣхать и моихъ Виленскихъ знакомыхъ тамъ видѣть; за то искалъ я Г. Кулина и супругу въ Дрезденѣ, но напрасно, ихъ тамъ ужъ не было, когда я за ними глядѣлъ.

Въ сихъ дняхъ были внасъ Г. Губинъ изъ Москвы и Г. Кочубинскій изъ Одессы.

Примите увѣреніе въ моемъ глубокомъ почитаніи и искренней преданности, съ которой имѣю честь оставаться

Вашъ покорнѣйшій слуга

И. Смоляръ

СТАНОВЛЕНИЕ РУСИНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ В ЮГОСЛАВИИ

А.Д. Дуличенко

Большинство национальных филологий формировалось на протяжении длительного времени и их существование как факт культурного и научного значения воспринимается как нечто само собою разумеющееся. Само возникновение новых филологий обусловлено социальными и социокультурными факторами. Филологии с традициями, уходящими в древность и средние века, возникали в связи с появлением и распространением письменности и идей просветительства. В новое время многие филологии формировались под влиянием идей национального возрождения и различного рода социальных процессов и перемен. Бурное развитие многочисленных национальных филологий в СССР происходило после Октябрьской революции.

Объективной предпосылкой возникновения филологии является наличие этно-языковой общности, в среде которой рано или поздно могут оформиться внутренние творческие и просветительские силы. От их деятельности прямым образом зависит успех и развитие культурного и просветительского движения и рождающейся в недрах этого движения соответствующей филологии. К настоящему времени практически все крупные этно-языковые общности имеют собственные филологии. Возникновение новых филологий можно прогнозировать лишь для мелких (по численности) этно-языковых общностей, которые либо только создают, либо пока не имеют письменности. Этот существенный резерв, "уплотняющий" общую филологию, не следует игнорировать: наблюдение за ним и изучение его роста поможет раскрыть роль объективных и субъективных факторов в формировании филологической мысли, культурное и научное значение которой для общества недооценивать нельзя.

Считается, что в современной Европе, в том числе и в Славии, проблемы создания новых филологий не существует: все нации здесь обеспечены достаточно высоко развитыми филологиями, имеющими, как правило, многовековые традиции. И все же неполнота филологической картины Европы очевидна, осо-

бенно если иметь в виду, что в последние десятилетия в этой части света наблюдается бурное развитие региональных культур — островных и периферийных (в рамках крупных этно-языковых общностей). Нередко в таких региональных культурах рождаются ростки, ведущие, при благоприятных социокультурных условиях, к формированию новой филологии. Процессы такого рода характеризуют и современную зарубежную Славистику, особенно те ее этно-языковые "острова", которые в силу различных исторических, политических и экономических причин, образовались в инославянских и неславянских ареалах и сохранили при этом традиции своего древнего диалектного языка. Одним из таких "островов" являются русины Югославии, создавшие в XX в. собственную литературу и собственный литературный язык, уровень развития которых позволяет говорить о рождении новой славянской филологии — русинской.

Переселенческий русинский этно-языковой "остров" начал формироваться с 40-х гг. XVIII в. сначала в некоторых местах исторической области Бачка (Сербия, уже — Воеводина), а позднее распространился за счет внутренних миграций в отдельные части Срема (Сербия и Хорватия) и Славонии (Хорватия). Переселение на освобожденную от турок так наз. "Нижнюю землю" проводилось габсбургами. Вместе с первыми русинскими переселенцами на указанных землях осели словацкие, венгерские, румынские миграции. Прародиной русин являются некоторые районы нынешней Пряшевщины (Восточная Словакия), в которых и поныне проживает близкое в языковом и этническом отношении закарпатскоукраинско-восточнословацкое население. По вероисповеданию русины являются в основном униатами, потому, проживая на новом месте в окружении преимущественно православного (сербского) населения, они никогда не порывали связей с прародиной — так наз. Угорской Русью (Закарпатской Украиной). Несмотря на то что генетический состав русинского диалекта весьма сложен (в нем тесно переплетаются восточнославянские, т.е. закарпатскоукраинские, и западнославянские, т.е. восточнословацкие, элементы), в этническом плане русины Бачки, Срема и Славонии всегда осознавали себя отростком от своих братьев на так наз. Горнице (Закарпатье), т.е. считали себя частью русин-украинцев Угорской Руси, иными словами —

частью украинского народа. Существенную роль в такой этнической ориентации югославских русин играла не только их изначальная принадлежность к имевшему до недавнего времени распространение в Закарпатской Украине и Галиции униатству, их постоянные культурные и проч. связи с населением прародины, но и, вероятно, их этническая память, осознание себя частью далекого территориально, но всегда близкого духовно (русинско-)украинского народа. Эти факторы влияют и на бытование среди части русин Югославии нового этнонимического сочетания - названия себя "русинами-украинцами" (Руснаци-Українци). Вместе с тем длительная географическая, политическая, административная и проч. изоляция от основного этно-языкового континуума способствовала здесь выработке и сознания своей языковой и этнической отдельности, хотя всегда это сознание развивалось в одном, русинско-украинском, макроконтексте. Потому этот "остров" сохранил старое имя "русины" (ед. ч. Руснак, мн. ч. Руснаци, Руснаки) для частью изменившегося этнического содержания. Во избежание различного рода нежелательных ассоциаций употребляют здесь также этнонимические конструкции типа: бачские русины (бачвански Руснаци), бачско-сремские русины (бачванско-сримски Руснаци), воеводинские русины (войводински Руснаци) и под. Стремление к статусу народности отражено в используемом в печати и официально термине "ру́ска наро́дност", серб. "русинска народност", т. е. "русинская народность".

В настоящее время югославских русин насчитывается примерно 30 тыс. человек. Наибольшие их средоточия - бачские села Руски Керестур (5,5 тыс. чел.) и Коцур (свыше 2,5 тыс. чел.), а также Джурджево (1 714 чел.). Руски Керестур - исторически культурный центр русин, где находится русинский музей, типография, где ежегодно проводятся праздники русинской культуры. С 60-х гг. роль культурного центра с Руским Керестуром делит также Новый Сад, где сейчас находится издательство "Руске слово" ("Русинское слово") и редакции почти всех русинских периодических изданий. Хорватские русины своим культурным центром имеют Вуковар (а также Загреб); они объединены в Союз русин и украинцев Хорватии (Союз Руснацох и Українцох Горватскей).

Истинное научное открытие бачско-сремских русин относится к рубежу XIX–XX вв. и принадлежит известному украинскому этнографу В.М. Гнатику. До работ этого ученого о русинском "острове" в Бачке в различного рода изданиях помещались лишь самые общие, иногда очень отрывочные и малодостоверные сведения. "Это касается прежде всего австрийских (на немецком языке) и венгерских источников второй половины XIX в. Один из первых на язык русинских переселенцев обратил внимание П.И. Шафарик в своей знаменитой "Славянской этнографии" (1842), отнеся его к "наречиям малорусским" [44, с. 24]. В 1848 г. мнение Шафарика дословно повторил Я.Ф. Головацкий [3, с. 18]. К 1880 г. относится одна из первых попыток классификации бачско-русинского диалекта: Э. Огоновский в "Исследованиях в области русинского языка" относит его, как можно предположить, к "горному, или карпатскому, поддиалекту" [42, с. 18]. К 80-м – нач. 90-х гг. XIX в. относится одно из первых научных путешествий к бачским русинам, предпринятое славистом В. Качановским. К сожалению, Качановский так и не выполнил своего обещания сообщить "собранные... сведения о керестурском говоре (во время первого путешествия по славянским землям), который входит в говор бачванский и земплинский" ("Вестник славянства", Киев, 1893, кн. VIII, с. 126).

Заслуги В.М. Гнатюка в изучении югославских русин велики. Он не только открыл этот "остров", бывший до него terra incognita, но и собрал здесь богатейшее фольклорное наследие, являющееся ценнейшим материалом для изучения духовной культуры, социальной истории и языка русин. В 1897 г., оказавшись в Бачке, он нашел там столько сказителей и рассказчиков, что ему пришлось с утра до ночи почти ежедневно в течение двух месяцев записывать фольклорный материал. Возвратившись во Львов, Гнатюк помещает в "Записках Наукового Товарищества ім. Шевченка" (ЗНТШ) свою первую работу – историко-этнографический очерк "Русинские поселения в Бачке" [2-1], вызвавший большой интерес в славистическом мире. Вслед за этим появляются его объемистые сборники бачско-русинского фольклора: в 1900 г. – песенный материал, в 1910 г. и в 1911 г. – прозаический [2-2]. В целом ряде работ Гнатюк развивает украинскую точку зрения на этно- и плотогенез бач-

ских русин. Правда, что касается языка, то Гнатик отмечал, что он значительно словакизирован ("сильно пословачена мова"), хотя от этого не стал словацким [2-5, с. 719; 2-4; 2-3]. Это вызвало в конце XIX - начале XX вв. достаточно острую полемику среди славистов разных стран. Точке зрения Гнатика была противопоставлена "словацкая гипотеза". Важно сразу же отметить, что сторонники этой гипотезы, особенно первоначально, или по ложному пути: они отождествляли этнографический и лингвистический аспекты проблемы, потому бачские русины причислялись ими к словакам. Однако дальнейшие размышления над проблемой приводили, как правило, к отказу от первых, поспешных заключений. Так было с Ф. Пастрнеком, отнесшим бачский диалект к цотацкому восточнословацкому говору, а население - к словакам [43-1]. Позднее, оставаясь на прежней лингвистической позиции, он отказался считать русин словаками [43-2]. Тот же самый путь в эволюции своего взгляда прошел и акад. А.И. Соболевский [29-1; 29-2]. А. Петров и норвежский славист О. Брок призывали разграничивать этнографический и лингвистический аспекты проблемы, считая русин русинами, а их язык словакизированным, цотацкого типа. На этой же точке зрения стояли такие словацкие и чешские ученые, как Й. Шкультети, Й. Пата, Й. Полинка, С. Цамбел [36; 22; 45; 37]. Л. Нидерле, отмечавший близость бачского говора к восточнословацким, считал, что с этнической точки зрения "считать [русин] словаками нельзя" [41-1, с. III-III2], однако в своем знаменитом "Обзрении современного славянства" по оплошности писал то о русинах, то о словаках в Керестуре и Коцуре [41-2, с. 15, 82]. Эту же оплошность допускал и В.А. Францев [34-1; 34-2].

Полемика не привела стороны к согласованному выводу. Доказательства сторон сводились обычно к альтернативе "или - или". Если этнографический аспект проблемы в конечном счете решился в пользу точки зрения В.М. Гнатика, то лингвистический до сих пор вызывает споры. И это не случайно, так как в структуре бачско-русинского диалекта тесно переплелись, а зачастую слились воедино гетерогенные черты. Задача формирующейся русинской филологии состоит в том, чтобы определить не только долю, количественный состав, но и структурную глубину тех и других элементов, их значимость в отдельности для грамматического строя языка в целом. [Подробно сущность полемики, а также источники (более 650 названий) о русинах начиная с конца XVIII в. и кончая 60-ми гг. XX в. представлены

в подготовленной для печати монографии 5-16; см. также: 5-17; 5-18; 5-19; 19-2].

Мы не случайно напомнили здесь об этой давней полемике. Она имела для русин существеннейшее значение: славянский мир узнал о существовании небольшого "островка" в Бачке, слависты обратили внимания на ценность и культуры, и языка бачских русин и тем самым способствовали возбуждению среди самих русин интереса к своей судьбе. Это был действенный толчок к культурно- и этно-языковому возрождению, которое начинают с этого времени переживать бачские русины.

Ж

Ж

Ж

Процесс формирования филологической науки весьма сложен и обусловлен социально-политическими и общими культурными условиями, характерными для этно-языковой общности в конкретный период. На процесс ее развития могут также влиять уже сформировавшиеся филологии родственных или неродственных народов. Непременным условием, однако, является наличие в соответствующей среде творческих сил, способных своей активной деятельностью доказать необходимость развития собственного языка и собственной литературы. Институт будителей, таким образом, оказывается той силой, которая непосредственно организует движение за возрождение, непосредственно участвует в обработке и совершенствовании своего языка и в организации литературно-художественного творчества на нем. Социально-политические и культурные условия, а также состав и действенность будительских усилий в разные периоды меняются, что существенным образом отражается как на всем возрожденческом движении, так и на развитии его филологического руслу. В этой связи естественным образом возникает вопрос о периодизации процесса формирования и развития филологии. В основу периодизации следует положить появление трудов и организацию мероприятий и институций, имеющих для филологии основополагающий характер. В то же время надо учитывать, что на каждый период развития филологической мысли соответствующим образом влияет идеология возрожденческого движения и различного рода социальные и социокультурные факторы. От этих последних как раз и зависит успешное развитие нового литературного языка и литературного творчества на нем.

Опираясь на данные критерии, считаем целесообразным выделить по крайней мере четыре периода в развитии русинской филологии:

- 1) с 1904 по 1919 гг.;
- 2) с 1919 г. до второй мировой войны;
- 3) с 1945 г. до начала 70-х гг.;
- 4) с 70-х гг.

ж

ж

ж

Прежде чем обратиться к характеристике каждого из отмеченных периодов, считаем необходимым рассмотреть культурно-языковую ситуацию у бачских русин до начала XX в. Она в известной мере предопределила те условия, в которых рождалась русинская филология. Более того, основные черты духовной жизни бачских русин эпохи предвозрождения своеобразно отражались на первоначальном и последующих этапах развития русинской филологии.

В Бачку переселенцы привезли с собой не только свой скромный крестьянский скарб, но и предметы духовной культуры — рукописи и печатные книги. Связь с прародиной здесь не порывалась никогда. Из Закарпаття приходили в Бачку священники, которые одновременно являлись учителями народных школ. В тогдашней Венгрии церковь имела право организовывать собственные школы. Из Бачки ездили в грекокатолические семинарии Ужгорода и Пряшева учиться молодые люди. Совершенно естественно, что в Бачку таким путем попадали тексты и книги (преимущественно церковного содержания), а также периодические издания, язык которых мог быть церковнославянским (великорусской или украинской редакции) либо просто "угрорусским" — распространенным в ту пору на Закарпатье литературным языке, так наз. "язычии". Основу "язычия" составлял, как правило, церковнославянский великорусской редакции, пронизанный элементами украинских народных говоров. Этот литературный язык не был строго нормированным — практически каждый пишущий сам устанавливал не только грамматические правила, но и подбирал свой словарь, тем более что лексика религиозных текстов не всегда была в состоянии передавать новые понятия. В XIX в. выявились две тенденции в развитии этого литературного языка

— одна с ориентацией на церковнославянско-русский (сторонников этой ориентации называли русофилами, или москвофилами), другая с ориентацией на локальные говоры и местную литературно-письменную традицию (эту ориентацию называли "народовской"). В сложном переплетении обе эти ориентации бытовали в Бачке. Можно думать, что идея народного языка в Бачке в известной мере подстегивалась 1) наладившимися со второй половины XIX в. контактами с Галицией, когда из Львова стали приходить периодика и издания общества "Просвіта" (как результат этого, кстати, в 70–80-е гг. в Керестуре и Коцуре возникают читальни и нечто вроде клуба, см.: Народни календар 1971. Нови Сад, 1970, с. 81–85; Народни календар 1977. Нови Сад, 1976, с. 121–122); и 2) опытами А. Павловича, жившего на Пришевщине и писавшего не только "по-угрорусски", но и (особенно поэзию) на местном русинско-украинском диалекте шарифского региона. Заметим, что этот диалект значительно близок бачскому.

В изучении этой ситуации в течение почти ста лет кое-что уже сделано. Первым обратил внимание на бытование среди грамотного населения Бачки рукописных сборников В.М. Гнатик. Часть собранных рукописей Гнатик передал своему сподвижнику И. Франко, который опубликовал их в 1899 г. [33], другую часть издал сам [2–6]. Это более 120 религиозных поэтических произведений. Переписчики не всегда владели в достаточной мере церковнославянским языком и "язычем", поэтому в текст проникало большое число элементов из живой речи. К сожалению, до сих пор этот ценный материал остается неизученным с лингвистической точки зрения. В 1902 г. Гнатик обнаружил в с. Бачинцы ценный документ — так наз. Керестурскую хронику, в которой фиксируются важнейшие события в жизни русин начиная с 1746 г. (начало: "1746. Кетъ почали сельць"). Это, вероятно, лишь часть хроники, но и она является ценнейшим материалом для исследования бачского диалекта: весь текст написан на народном языке с незначительной примесью церковнославянизмов, а также сербизмов. Запись произведена русским гражданским алфавитом и с большим или меньшим соблюдением старой орфографии [2–7].

Важную работу по собиранию старых рукописей ведет сейчас Общество русинского языка в Новом Саде. Обнаружен церковнославянский песенник "Бого-гласникъ: Пѣсни благо-говѣйныя", переписанные Янко Москалем в Коцуре в 1891 г., текст жалобн керестурских учителей "высокопочтенному школьному собору",

написанный в 1889 г. на "угрорусском", но с явными элементами народного языка (см.: Творчосц, 1976, № 2, с. 56-57). Перевес народных элементов наблюдается в недавно опубликованном документе 70-80-х гг. — так наз. "рахунках", т.е. счетах о расходах на нужды керестурской школы (публ. Я. Рамача: Творчосц, 1980, № 6, с. 57-112). В библиотеку Общества поступили старые учебники: "Буквар" (1898) М. Врабеля, изданная в 1904 г. венгерскими властями "Русская азбука и первая читанка для первой классы греко-католических народных школ" П. Генчи и др. Очень ценный материал для изучения состояния бачского диалекта в XIX в. дают письма, которые представители русинской интеллигенции посылали в различные периодические издания Угорской Руси и Галиции — "Вѣстникъ для Русиновъ Австрійской державы", львовские "Правда", "Зоря", "Діло" и другие (частично они опубликованы в раб.: [5-20]). Постепенно становятся доступными для исследователей и письма к отдельным деятелям науки и культуры. Так, М. Мушинка опубликовал письма (1897-1905) М. Врабеля, керестурского учителя, а затем редактора "угрорусской" газеты "Недѣля", и Доры Биндаса, священника, к В.М. Гнатику. Показательно, что письма Биндаса (1898-1899), одного из активных деятелей русинского возрождения, написаны еще "по-угрорусски", причем их автор явно избегает народных элементов в пользу элементов из украинского литературного языка, бытовавшего в ту пору в Галиции (см.: Шветлосц, 1971, № 3, с. 221-239). М. Врабель напечатал в 1890 г. в Ужгороде "Собраніе народных пѣсней на разных угро-русских нарѣчіяхъ" — "Русскій соловей" (в 1981 г. переиздано в Новом Саде). Половина сборника (с. 95-164) занимают "Народныя пѣсни на бачванскомъ и земплинскомъ рускомъ діалектѣ"; отдельные из них приписываются поэту-песеннику А. Горняку, керестурскому учителю Петру Кузмяку (напр., "Прилетѣла зозуленька", ареал распространения которой выходит далеко за пределы Бачки). Это была первая запись бачских народных произведений, несколько обработанных М. Врабелем под "угрорусский" язык. Четыре из них были в 1893 г. помещены Е. Сабовым в его "Хрестоматию церковнославянских и угро-русских литературных памятников". Нельзя, наконец, не упомянуть о ценных находках русинского писателя М. Ковача в Руском Керестуре. Он обнаружил рукописный сборник 1850-1851 гг. Георгия Каниха "Страстослов", содержащий молитвы и сказания о жизни Богородицы, "Церковные песни" 1869 г. Михаила Джуни (350 с., 168 текстов). Судя по описанию, в этих

сборниках использован церковнославянский язык, местами с вклинивающимися украинскими текстами. Однако наибольший интерес вызывают рукописи Михала Няради "Страсти господа нашего и спаса нашего Иисуса Христа" (177 с., 1902-1904 гг.) и неизвестного переписчика с аналогичным содержанием (190 с.). Эти сборники, повествующие о жизни и страданиях Христа, написаны народным языком, правда, с заметными чертами церковнославянского языка. Рукописи сохранили большое число архаических слов и выражений, которые в современном русинском языке не употребляются. Их лингвистический анализ может много дать для русинской исторической лексикологии и грамматики, а также для истории русинского литературного языка.

В предвозрожденческую эпоху, таким образом, духовная жизнь бачских русин в жанрово-содержательном плане была достаточно богата, о чем свидетельствует широкое распространение в их среде религиозных сборников с различного рода поэтическими текстами, молитвами, фрагментами из евангелий, сказаниями и под. В светской сфере здесь выступают произведения народного творчества, местные хроники и официальные документы, письма в редакции, учреждениям и частным лицам. В плане средств выражения вся эта литература неоднородна. Анализ позволяет выявить в Бачке следующие литературно-языковые традиции:

1) церковнославянскую великорусской (и украинской) редакции — это, безусловно, тексты конфессионально ограниченные, однако игравшие в жизни населения несомненно важную роль ("Бого-гласник", "Страстослов", "Церковные песни" в переписи М. Джуни, часть собраний В.М. Гнатюка);

2) "угрорусскую" (или "язычие") — обслуживавшую преимущественно светскую сферу ("Угрорусские духовные песни" в собрании В.М. Гнатюка, письма священников-учителей в редакции и частным лицам, школьные хроники и т.д.);

3) народную — это не только язык произведений народного творчества в записи, но также и язык местных хроник, деловых бумаг, религиозных и проч. переводов (таковы Керестурская хроника, школьные летописи, "рахунки" и под., перевод-переложение "Страстей господа нашего..." и под.).

Все эти традиции вскрываются лишь в рамках XIX в. (и то его второй половины) и начала XX в. К сожалению, надежных документов, относящихся к XVIII в., пока не найдено. Если судить по имеющимся материалам, то уже сейчас можно не без основания утверждать, что в течение по крайней мере второй по-

ловини XIX - начала XX вв. формировался и функционировал особый вариант (редакция) "угрорусского" литературного языка ("язычия") - бачский (гесп. бачско-сремский). Это сложное языковое образование, однако оно отчетливо выделяется, если сравнивать его с другими угрорусскими вариантами. В бачской редакции "угрорусского" языка, в зависимости от пишущего (это же характеризовало "язычие" в целом независимо от места его употребления), местные элементы ощутимы на всех языковых уровнях - лексическом, фонетическом, словообразовательном и грамматическом. Отметим также, что не была чистой в Бачке и церковнославянская письменность: вероятно, и она подвергалась воздействию живого языка и, понятно, того "язычия", которое употреблялось в Бачке. В то же время тексты на народном языке несут на себе несомненную печать двух ранее рассмотренных традиций, к которым примешиваются также элементы сербского (а также, возможно, славяно-сербского) происхождения. Как видим, функционирование этих литературно-языковых традиций не было изолировано, они не только связывались общими элементами, но и зачастую тесно переплетались. Предстоит задача конкретными исследованиями определить прежде всего черты бачского варианта "угрорусского" литературного языка, а также особенности интерференции во всех выявленных литературно-языковых традициях. Источником для такого рода исследований могут быть и названные ранее тексты, и практически неизученные еще документы и письма на церковнославянском, "угрорусском" и народном языке в архиве прихода в Руском Керестуре и др. местах Бачки и Срема.

✱

✱

✱

Культурно- и этно-языковое возрождение ("препород") бачских русин начинается с XX в. Предпосылкой для его возникновения было функционирование в Бачке литературно-письменных традиций на церковнославянском, "угрорусском" и народном языках. Непосредственным толчком явилась полемика вокруг этнической и языковой принадлежности русин в конце XIX - начале XX вв. (культурно-научный фактор) и усилившаяся в этот период их мадьяризация (социально-политический фактор).

Первый период, ограниченный нами рамками 1904-1919 гг., характеризуется попытками пробудить этно-языковое и литера-

турное сознание бачских русин. Сразу же отметим, что эти попытки не всегда были удачными, а потому в указанный промежуток времени не было еще уверенности, что первые ростки движения и интересующая нас филология закрепятся и дадут результат.

На рубеже двух веков ученик загребской грекокатолической семинарии Гавриил (Габор) Костельник (1886–1948) начинает писать поэтические произведения на родном диалекте с. Керестур. К 1903 г. он составляет, а в 1904 г. издает первую поэтическую книгу "Из моего села" ("З мойого валала", Жонква), возвестившую рождение новой славянской литературы. В.М. Гнатюк, откликнувшись на эту книгу специальной статьей, оценил ее в целом положительно, отметив при этом новаторство автора, прибегающего, в отличие от большинства поэтов и писателей Угорской Руси, не к отмиравшему "язычию", а к народному языку. Однако Гнатюк выразил здесь и некоторый пессимизм в отношении перспектив развития литературы на бачском диалекте: настолько неблагоприятны были тогда политические и социокультурные условия. Статью Гнатюка следует считать и первой критической работой по русинской литературе [2–8].

Появление собственно русинской филологии было, как видим, литературным, а не лингвистическим, хотя это не значит, что лингвистические вопросы не занимали Костельника в это время. В "Пояснении" к книге он дает небольшой лингвистический комментарий к родному диалекту. Пытаясь оторваться от предшествующих литературно-письменных традиций, как в свое время Вук Караджич от славяно-сербской традиции, он провозглашает здесь фонетический принцип письма, однако реализовать этот принцип ему так и не удастся. В это же время Костельник излагает особенности родного диалекта в письмах к акад. А. Шахматову и В.М. Гнатюку. Этот ценный материал опубликован Й. Дзендзелевским и М. Мушинкой [4; I9–I].

Выступление Костельника было своего рода внутренним толчком, который пробудил бачских русин, заставил их взглянуть на судьбу родного языка новыми глазами и поверить в возможности не только его сохранения, но и совершенствования. Уже в 1913 г. среди русин возникает идея издавать собственную газету. В обращении к русинской интеллигенции (его текст опубликован Р. Мизем: Нова думка, 1975, № 9, с. 81–82), подписанном приходским священником Д. Биндасом и чиновником М. Гайналом, ставилась задача просвещать народ посредством издания "малей новинки [т.е. газеты] на руским бач-

ваньским языку". По мнению инициаторов, эта газета должна была иметь характер информативного, религиозного, экономического и развлекательного вестника. При отсутствии поддержки в издании газеты инициаторы готовы были взяться за выпуск ежегодника-календаря. Идею газеты поддерживал Костельник. Однако реализована она не была. Имеются мнения, что возникли разногласия по поводу языка газеты. И хотя было ясно, что им должен быть родной язык, длительное использование чужих литературных языков останавливало многих. Возникли опасения отрыва от литературных традиций на этих языках, опасения выйти из их контекста на новый, недостаточно ясный еще путь. Объективным препятствием этой инициативы были, безусловно, тогдашние неблагоприятные социально-политические условия. Неслучайно инициаторы в тексте обращения сразу же заявляют об аполитичном курсе планируемой газеты. К этому надо добавить, что надвигалась первая мировая война.

Возможным в этот период оказалось лишь издание религиозной литературы: в 1912 г. в Жовкве выходит "Правди католицкей вири" Д. Няради, в 1916 г. в Загребе появляется навеянный войной "Християнски вояк. Кнїжочка за науку, молитву и утїху греко-католицким руснацким вояком" С. Петрашевича, а в 1917 г. — так наз. "Рожанцова кнїжочка". Издания такого рода свидетельствуют о том, что инициаторами развития письменности на народном языке были прежде всего деятели церкви.

ж

ж

ж

Второй период в развитии русинской филологии, начинающийся с 1919 г. и завершающийся второй мировой войной, мог бы и не состояться, если бы не произошли важные социально-политические события в той части Европы, которая была ближе всего к бачским русинам. Падение в 1918 г. Австро-Венгерской монархии и образование Королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. — Югославия) существенным образом повлияли на положение бачских русин. Впервые в своей истории они получили возможность не только объединиться организационно, но и развивать культуру и просвещение на своем родном языке. В 1918 г., а затем в 1919 г. Д. Биндас предпринимает попытки собрать русинскую интеллигенцию и решить вопрос о создании просветительской организации, издании периодики и книг на

родном языке. (Эти имеющие историческое значение воззвания опубликованы Р. Мизем [18]). В 1919 г. в Новом Саде собирается 150 делегатов из русинских сел на народную "скадку" (съезд), на которой учреждается Русинское народное просветительское общество (Руске Народне Просвитне Дружтво - РНПД), а языком культуры и просвещения принимается родной диалект. РНПД, таким образом, становится первой русинской институцией, оказавшей на возрожденческое движение в целом и развитие русинского литературного языка в особенности решающее воздействие. Существенной чертой анализируемого периода является также организация ряда периодических изданий на русинском языке, которые предприняло РНПД. Это ежегодник-альманах "Руски календар" ("Русинский календарь" на 1921-1941 гг.), еженедельная газета "Руски новини" ("Русинская газета", 1924-1941, всего 868 номеров), журнал для детей "Наша заградка" ("Наш садик", 1937-1941), журнал "Думка" (его сложная история рассмотрена Р. Мизем: Нова думка, 1981, № 30, с. 67-70). Было издано несколько книг по хозяйству, а также первые учебники для начальной школы (так наз. читанки, букварь).

Довоенное русинское возрожденческое движение не было монолитным. Руководство РНПД в идейно-политическом плане стояло на реакционных позициях, поскольку состояло преимущественно из деятелей церкви. В историко-культурном плане РНПД стояло за сохранение прежних связей с землями бывшей Угорской Руси и Галицкой Украины. В этническом отношении оно провозглашало бачских русин частью, отростком украинского народа, а свой язык - диалектом украинского языка; литературные опыты имели отчетливую связь с традицией литературы Закарпатья и Галиции.

В 30-е гг. в русинском возрождении созрела оппозиция РНПД: в 1933 г. в Старом Вербасе собирается около 200 делегатов, которые учреждают Культурно-просвитни (націонални) Союз югославянских Русинов (Русинох) - КПСЮР, деятельность которого проходила в основном в Коцуре до 1941 г. (см.: [21]; а также: М. Губаш. Кратки очерк оснивания культурно-національного Союза. - Руски народни календар "Заря" на... рок 1936. Нови Сад, 1936, с. 20-27). КПСЮР стоял на либеральных позициях, в отдельных вопросах выражал левые убеждения, однако в целом его социально-политическая позиция была все же недостаточно четкой. В отличие от РНПД, Союз в этническом и языковом плане стоял на "общерусских" позициях, представляя собою в этом отношении отголосок русофильского (москвофиль-

ского) течения в Угорской Руси и Галиции. Русины провозглашались частью "одного и того же великого и славного русского народа", под которым понимались, используя нынешние этнонимы, украинцы, русские и белорусы, а развитие родного языка ориентировали на русский (великорусский) литературный язык. КПСЮР издавал еженедельную газету "Русска заря" (1934-1941) и ежегодник-альманах "Рус(с)ки(й) народни(ый) календар(ь) "Заря" (1935-1940). Язык этих изданий, сильно варьирующий, нередко доходящий до русинско-великорусско-сербской смеси, заслуживает специального изучения. До настоящего времени о нем не было написано ни одной работы.

На страницах печати РНЦД и КПСЮР отражена непримиримость идейно-политических и этно-языковых позиций этих организаций и направлений в культурном возрождении бачских русин довоенного времени. Важно здесь вновь подчеркнуть, что идейные ориентации этих течений находили прямое отражение в разработке вопросов языка и в литературно-художественном творчестве.

Рассматриваемый период ознаменовался появлением труда, имевшего для зарождавшейся русинской филологии основополагающее значение. На этот раз труд был лингвистический. Речь идет об изданной РНЦД первой грамматике русинского литературного языка - "Грамматика бачвансько-рускей бешеди" (1923) Г.Костельника [10]. Грамматика была написана еще до 1923 г., но лишь с организацией первого русинского общества она смогла появиться в свет. Книга состоит из шести частей: в первой ("О писаню и вигваряню") содержатся сведения о графике и фонетике, во второй ("О значеню и твореню словох") - лексико-семантические и словообразовательные вопросы, третья ("Одменка словох") - это морфология изменяющихся частей речи, четвертая ("О словох през одменки") посвящена неизменяемым частям речи, пятая ("Складня") - синтаксису простого и сложного предложения и последняя ("Писовня") содержит свод орфографических правил. Как пишет сам автор в предисловии, грамматика составлена так, чтобы можно было открыть "дорогу к литературному русинско-украинскому языку, а также к сербскому или хорватскому языку". Текст грамматики Костельника может быть успешно этнически прочитан. Отдельные ее части представляют собой, по сути, не просто описание элементов русинского языка, но и их сравнение с элементами украинского и сербско-хорватского литературных языков. При этом Костель-

ник стремился всякий раз выявить те особенности родного языка, которые сближают его с украинским языком. Примечательно, что первоначально грамматика называлась "Грамматика бачвансько-русского языка". Затем, в 1919 г., рукою автора флексия -ого в слове "русского" была заменена им на -ей, а вместо "языка" — написано слово "бешета", т.е. 'речь', 'говор'. (Сообщение председателя Общества русинского языка Г. Колесара, ознакомившегося с рукописью грамматики в архиве семьи Биндаса в Новом Саде). Костельник чувствовал, что наличие в названии слова "язык" естественным образом выводит русинский из украинского макроконтракста. Приложенные к книге "Церковна азбука" и "Титли..." как бы "протягивают руку" к церковнославянской традиции, о чем речь шла выше. Все это согласуется с культурной и этнической ориентацией РНЦ, созданию которого, кстати, Костельник всячески содействовал, живя во Львове. Грамматика Костельника кодифицировала нормы русинского литературного языка и была единственным лингвистическим руководством не только до второй мировой войны: ее значение в значительной мере сохранялось и в первые послевоенные десятилетия [5-21]. Примечательно, что Костельник впервые ввел или создал здесь более 380 лингвистических терминов, с помощью которых показал гибкость словообразовательной и лексической систем родного языка [5-22]. Понятно, что грамматика не могла решить всех вопросов молодого литературного языка. Более того, отдельные ее положения имели устаревший характер, в тексте встречаются опечатки, влияющие порой на смысловое восприятие информации. Достойно сожаления в этой связи, что грамматика была без каких-либо комментариев и без исправления опечаток переиздана в 1975 г. во втором томе собрания сочинений Г. Костельника [11-1, с. 207-312]. Ее научное переиздание в будущем станет событием не только для русинской филологии. В послевоенное время опубликовано большое число писем Костельника и деятелей РНЦ, из которых отчетливо вырисовывается ситуация создания первого русинского общества, состояние языкового вопроса и процесс работы Костельника над грамматикой. Эти ценные разыскания провели и результаты обнародовали Р. Миз и М. Цап [18; публ. Цапа см.: Шветлосц, 1978, № 2, с. 284-295; № 3, с. 453-462; 1980, № 4, с. 444-464; Творчосц, 1980, № 6, с. 55-56; см. также: Шветлосц, 1972, № 4, с. 367-385; частично перепечатано во втором томе собрания сочинений Костельника, с. 335-373].

Кроме грамматики Костельника, лингвистическая сторона

русинской филологии довоенного времени представлена также незначительным числом статей. Это были первые статьи, в которых сами носители рассматривали отдельные вопросы родного языка (прежде всего в этом их ценность). Костельник, безусловно, был наиболее авторитетным лингвистом. Все его статьи преследовали одну цель — определить генетическую основу языка, доказать его русинско-украинское происхождение при констатации, правда, элементов, сближающих этот язык со словацким и польским. Уже во втором выпуске ежегодника "Руски календар" на 1922 г. он помещает статью "Куда относится наш язык?", затем следует работа "Наш язык" (РК на 1937 г.). Те же вопросы ставятся и в статьях "Каково наше народное имя" и "О нас" (РК на 1922 и 1929 гг.). Многие аргументы Костельника уже устарели, многие его доказательства страдают противоречием и не могут быть приняты современной наукой. Тем не менее мы должны признать, что появление работ Костельника о родном языке было весомым стимулом для дальнейших лингвистических исследований русинского языка. (Статьи Костельника перепечатаны во втором томе его собрания сочинений, с. 121–128, 185–314).

Под влиянием Костельника начал заниматься вопросами языка Гавриил Надь (1913–1983), получивший в Белградском университете специальное филологическое образование. Сначала появляются его мелкие заметки учебного характера в газ. "Руски новини" и "Заря", затем Надь публикует небольшие по объему статьи в ежегодниках: "Как образуются отглагольные существительные на -нє и -це" (РК на 1935 г.), статьи по морфологии падежа (РК на 1935 и 1937 гг.), статью по культуре языка "Об очищении нашего языка от чужих слов" (ежегодник "Заря" на 1939 г.). Все они переизданы в 1983 г. [20]. Две статьи по русинской антропонимии написал Д. Биндас (РК на 1929 и 1936 гг.). Из нерусинских авторов лингвистической проблематики касался серб Р. Еремич и чешский славист Ф. Тихи. Еремич, написавший в 1928 первую (по-сербски) специальную работу о бачских русинах, привел большой антропонимический материал и отдельные сведения об их языке [7]. Тихи был единственным крупным филологом, который в этот период занимался исследованием русинского языка. В вопросе его генезиса он стоял на позициях "словацкой гипотезы" [46–1]; ему же принадлежит и одна работа по русинскому литературному языку [46–2] и несколько статей по литературе.

Литературная и литературоведческая сторона довоенной ру-

синской филологии также получают свое развитие. Если в первый период единственным поэтом был Г. Костельник, то сейчас формируется целая группа писателей. Правда, крупнейшей фигурой и здесь остается Костельник, помещавший свои произведения в ежегоднике "РК". В основном это патристическая, интимная и пейзажная лирика; рассказы Костельника посвящены русину из села. Костельник заложил основу русинской драматургии, выпустив в 1924 г. трагедию "Дочь Эфтая". Начинает развиваться детская литература. Издаются сборники стихов "Росток" (1929) Янко Фейсы, "Нашим детям" (1936) Сильвестра Саламона и некоторые др. В 1936 г. РНЦД выпускает "Руско-українски алманах бачванско-сримских писателюх" со стихами Г. Костельника, Мафтея Виная, Я. Фейсы, рассказов Костельника, Михала Ковача, С. Саламона, Осифа Костельника и др. Часть рассказов напечатана на украинском языке. Кроме названных писателей, с произведениями выступают Митро Надь, Йовген Кочиш, Г. Надь, Елена Солонар, Михал Биркаш и др. С литературно-критическими статьями, заметками и рецензиями выступают Костельник, Д. Биндас, С. Саламон, Е. Тимко. В целом довоенная русинская литература может быть охарактеризована как этнически себя изучающая, замкнутая и тесно связанная с фольклорными традициями литература. Основной ее герой — русин, потомок давних переселенцев, с его традиционным укладом и трудными буднями; его духовная жизнь носит религиозный отпечаток. В то же время в литературе этого времени отчетливо отражена историческая память народа — память о прародине, Горнице. Неслучайно в изданном в 1927 г. Д. Биндасом и О. Костельником сборнике "Южнославянских Русиних народни писнї" находим специальный раздел "Песни из Украины и Галиции".

*

*

*

Вторая мировая война прервала русинское возрожденческое движение. Прекращается деятельность РНЦД и КПСЮР. После войны возникла необходимость определить свое место в новых социальных условиях, в условиях народной Югославии. Вопрос этот был достаточно трудным. От его правильного решения зависел успех культурного развития народности, а вместе с тем и филологии. Становление третьего этапа русинской фило-

гии в 40–50-е гг. шло неравномерно. Лишь во второй половине 60-х гг. появляются все признаки того, что и литературный язык, и литературное творчество ожидают впереди большие перспективы. Учитывая эту особенность, а также появление работ и институций, существенных для поддержания и развития филологической мысли, мы и ограничиваем этот период рамками 1945–1970 гг.

В 40-е гг. возникло некоторое "этно-языковое замешательство" среди русинской интеллигенции. Оно отразилось в дискуссии 1945 г. на страницах газ. "Руске слово". Тогда в глазах некоторой части интеллигенции открывались следующие возможности языкового (и этнического) развития: 1) остаться на позициях родного языка, но обязательно совершенствовать его; 2) принять в качестве языка культуры либо украинский, либо русский литературные языки. Первая точка зрения оказалась самой обоснованной, и именно таким путем и пошло развитие русинского культурно-языкового процесса.

Уже в 1945 г. в Руском Керестуре стала выходить еженедельная газета на русинском языке "Руске слово" (выходит до настоящего времени тиражом примерно 2 500 экз. и объемом от 12–14 до 48 страниц с приложениями), тогда же открывается в Руском Керестуре типография и первая в истории русинского просвещения гимназия. С 1945 г. по 1948 г. функционировала русинская культурно-просветительская организация Руска матка ("Русинская матица"), которая позднее в связи с реорганизацией культурно-просветительной жизни в Воеводине, волилась в общий Союз культурно-просветительских обществ Воеводины (просуществовал недолго). Предпринимается ряд мероприятий для стабилизации культурной жизни: в 1949 г. организуются русинские передачи радио Нового Сад, с 1950 г. и по сей день проводятся ежегодные семинары по преподаванию русинского языка в школе (и гимназии), в 1951 г. в Руском Керестуре работает издательство "Руске слово" (с 1968 г. – в Новом Саде). Развивается издательская деятельность. Руска матка издала "Народни календар" на 1946–1949 гг.; с 1957 г. это издание выходит регулярно. В 1947 г. стал выходить детский журнал "Пионирска заградка", в 1952–1954 гг. – литературно-художественный журнал "Шветлосц" ("Свет"; с 1966 г. издание его возобновлено; 6 номеров в год, до 800 страниц литературно-художественной продукции в год). С 1962 г. в Руском Керестуре ежегодно проводится праздник русинской культуры – Червена ружа ("Красная роза"). Издаются учебники сначала из-

дательством "Руске слово", с 60-х гг. - Областным издательством учебников Воеводины.

Русинская филология в этот период переживает сложный процесс становления в новых социальных и социокультурных условиях. Упомянутая нами ранее дискуссия по поводу языка русинской культуры отражала в себе (временный) пессимизм во взгляде на судьбу и перспективы русинской филологии в целом. Этот пессимизм в известной степени накладывал свой отпечаток на развитие русинского литературного языка в первые два десятилетия после войны. Издания этого времени в языковом отношении достаточно пестры. Несмотря на то что, например, в рускокерестурской гимназии единственным лингвистическим руководством оставалась довоенная "Грамматика бачваньско-рускей бешеди" Г. Костельника, ею же пользовались и издатели периодики и др., все же нормы русинского литературного языка были значительно расшатаны. Ощущался индивидуальный подход к проблемам орфографии, словообразования и лексики, наблюдались бесконтрольные ориентации на разные близкие литературные языки - сербско-хорватский, украинский, русский. Особенно сильное влияние русинский литературный язык этого времени испытал со стороны сербско-хорватского языка. Об этом свидетельствует язык изданий 40-50-х гг. (политических и научно-популярных книг), а также учебников для начальной школы. Такая ситуация вскоре стала вызывать тревогу. В 60-е гг. за дело нормализации литературного языка берется Микола М. Кочиш (1928-1973), писатель и поэт, деятель русинского просвещения. Венцом его деятельности в рассматриваемый период являются учебные грамматики родного языка для основной школы. Под общим названием "Мацеринска бешед" эти книги вышли в 1965 г. - для 5-6-х классов, в 1967 - для 7-х, в 1968 - для 8-х классов [I2-1; I2-2; I2-3]. На эти книги нельзя смотреть только как на учебные. Их значение выходило за пределы школьной практики: они стали на некоторое время руководством для всех пишущих по-русински. Это была новая кодификация литературного языка. С одной стороны, в ней отразились основные принципы грамматики и кодификации Г. Костельника, с другой стороны, Кочиш пошел дальше: он установил четкие правила использования языковых единиц и предложил перспективу их дальнейшего совершенствования, которое понималось в плане приближения к украинскому литературному языку и вместе с тем в плане учета социолингвистических особенностей функционирования русинского литературного языка в его связи с сербско-

хорватским языком.

Конкретные вопросы русинской лингвистики начинают интенсивно разрабатываться только к концу 60-х гг. Из русинских языковедов в первое послевоенное время о родном языке писал почти исключительно Г. Надь, с 60-х гг. к исследованию приступает М.М. Кочиш и некоторые др., появляются также статьи о русинском языке в некоторых зарубежных изданиях. Из работ по общим вопросам одной из первых была статья Я. Бакова "Дальнейшее развитие науки о нашем языке" ("Руски народни календар" на 1946 г.). Основные тенденции развития литературного языка определил М.М. Кочиш в 1966 г. в статье "Современные направления в нашем языке и основные тенденции его дальнейшего развития" [13, с. 21-29]; этих же вопросов касалась М.Г. Пушкаш ("О проблемах нашего языка и правопису", 1969). Общую работу о языке бачских русин написал американский славист Ч.Э. Бидвелл [35; см. также 5-24]. Появляются специальные работы в области лексикологии и словообразования - М. Кочиша о направлении в формировании русинской терминосистемы (1968) и образовании глаголов (1967) [13, с. 102-110, 67-80]; о тюркских лексических элементах, вошедших в русинский через посредство сербско-хорватского [5-25], и некоторые др.; в области морфологии - Г. Надя о специфике наречий (1946), о формах рода в перфекте (1967), об особенностях использования форм перфекта 3 л. (1968), о падежных флексиях и др. [20], М.Кочиша "Глагольная система русинского языка" (1967), о сослагательном наклонении (1963), о классификации глаголов (1966); специально рассмотрена также система форм прошедшего времени (1969) и редкий случай суперлативизации глагольных форм (1969) [5-26; 5-27]. По синтаксису появилась лишь одна работа и посвящена она синтаксису падежа, в частности, инструменталю [5-28]. Для послевоенного русинского правописания многое значило статья Г. Надя "Из нашего правописания" (1950), его несколько работ, посвященных конкретным случаям написания слов, и статья "О знаке ѣ в первой печатной книге на языке воеводинских русин", опубликованная в издаваемом Матицей Сербской "Зборнике за филологију и лингвистику" (1957) [20]. М. Кочиш выработал основные принципы орфографии в статьях "Некоторые проблемы нашего правописания" (1968), "Современные проблемы нашего правописания" (1969) и некоторых др. [13]. Из этого обзора видно, что уже в 60-е гг., особенно со второй половины, интенсифицируется разработка практически по всем направлениям грамма-

тики. Эти усилия дадут вскоре и ощутимые результаты, о которых мы скажем подробнее при рассмотрении вопроса развития русинской филологии после 1970 г.

Вторая ипостась филологии также переживает заметный подъем. Помимо выпуска литературного журнала "Шветлосц", до 1970 г. издана 21 книга художественного содержания. Вехами в развитии русинской литературы стали: коллективный сборник прозы "Одгук з ровнини" ("Отзвук из равнины", 1961), две антологии — "Антология поэзии" (1963, 342 с.) и "Антология детской поэзии" (1964, 198 с.), в которых собраны лучшие произведения поэтов всех поколений. С 1967 г. начинается важнейший этап в истории русинской литературы: впервые в ней появляется крупножанровое произведение — роман "Земля моя" ("Земля моя", 271 с.) Владо Костельника. Так было опровергнуто мнение о том, что литература, каковой является русинская, не может якобы выйти за рамки короткого жанра. Из поэтических удач этого времени следует назвать сборник талантливого поэта Дюры Папгаргаи "Ту такой при шерцу" ("Здесь, у самого сердца", 1968). В этом поэте увидели достойного продолжателя поэтической традиции Г. Костельника. С 1969 г. издательство "Руске слово" начинает поэтическую серию книжек "Жридла" ("Источники"), которая дала выход в большую литературу почти двум с половиной десяткам молодых русинских поэтов. Связь литературы с народными традициями выражена в изданных в это время сборниках: "Народни приповідки бачванских Русинок" (1967) из собрания В.М.Гнатюка, составленные О.Тимко три книги "Наша писня" (1953–1954) и отдельно — "Наша лирика" (1955). Литературно-критические работы появляются преимущественно в "Шветлосци" и в ежемесячном приложении к газ. "Руске слово" — "Литературне слово". В целом литература этого времени характеризуется определением своих классовых позиций, большим вниманием к проблемам простого труженика; остается традиционной темой связь с Бачкой и с народами, проживающими в Воеводине и во всей Югославии. Русинская литература сохраняет также связь с традициями литературы Закарпатья и Западной Украины (мотивы прародины в различных произведениях, закарпатские песни в сборниках народной лирики и т.д.), однако и пытается определить свое место в контексте литератур народов Югославии.

Последний этап русинской филологии начинается с 70-х гг. С конца 60-х — начала 70-х гг. культурно-языковая жизнь русин стабилизируется, получает вполне определенные формы, намечается ее магистральный путь развития в контексте культуры и языковой ситуации Воеводины. Показателем этих процессов могут служить следующие факты. К 1970 г. относятся два существенных для русинского просвещения и филологии события — вторичное открытие в Руском Керестуре гимназии (позднее в связи с реформой школы была преобразована) и создание в Новом Саде инициативой М. Кочиша Общества русинского языка и литературы (Дружтво за руски язык и литературу), имеющего в своем составе более 450 членов и ряд секций — лингвистическую, литературы, изучения языка в школе, корректоров и переводчиков, собрания и обработки наследия материальной и духовной культуры, научно-исследовательской и издательской деятельности. Вслед за этим почти неожиданный успех: в 1973 г. на философском факультете Новосадского университета открывается "Лекторат за руски язык" — для студентов, желающих факультативно изучать русинский язык и литературу, а в 1981 г. организуется специальная кафедра русинского языка и литературы. В том же году принята первая группа студентов по русинской (и дополнительно какой-либо другой славянской) филологии. Вскоре русинский язык включается и в университетские учебники по славянской филологии в СССР [29а]. С 1975 г. русинский язык осваивает телевидение: в Новом Саде организуются регулярные передачи для русинского населения. Значительно расширяется издание периодики: в 1972 г. Союз русин и украинцев Хорватии начинает выпуск общественно-политического и литературно-художественного журнала "Нова думка" ("Новая мысль"), в этом же году в Новом Саде выходит иллюстрированный журнал для студентов и молодежи "Мак", а в 1975 г. — научный журнал, орган Общества русинского языка и литературы "Творчосц". Если ранее лингвистические работы печатались рядом с литературоведческими в "Шветлосци" и некоторых др. изданиях, то теперь основная масса работ по языку печатается в этом научном журнале. В Новом Саде работает издательство "Руске слово" (выпускает художественную и общественно-политическую литературу), Областное издательство учебников Воеводины (издает учебники по всем предметам; вышло более 200

названий). Перечисленные институции и издания имеют перво-степенное значение для успешного развития русинской филологии. Действительно, в рассматриваемый период разработка вопросов языка получает как никогда ранее широкий размах. При этом существенно для данного этапа, что к исследованию языка бачских русин проявляют интерес также нерусинские языковеды, в том числе зарубежные. Эпохальным событием для русинской филологии стало издание в 1971 г. "Правописания русинского языка" М.М. Кочиша [14]. Впервые специальным изданием были кодифицированы графика и орфография, решены многие (хотя и не все) спорные вопросы. К "Правописанию" приложен "Орфографический словарь", содержащий слова, которые вызывают трудности в написании. "Правописание" способствовало стабилизации орфографических норм в практике [5-1; см. также рец. М. Скубана: Шветлосц, 1972, № 1, с. 57-71]. М. Кочишу принадлежит еще два труда, имеющие для русинской филологии не-оцененное значение: в 1972 г. он издал "Практический терминологический словарь сербско-хорватско-русинско-украинский" (14 тыс. слов) [5-II], а в 1974 г. выпущена (посмертно) его "Грамматика русинского языка" [15; 16]. Грамматика не была завершена, отдельные ее части недописаны, однако и при этом она остается единственным авторитетным кодифицирующим руководством послевоенного времени. (Оценка грамматики и всей лингвистической деятельности Кочиша содержится в: [5-2]). Наряду с этим разворачивается широкая работа по исследованию частных проблем русинского языкознания. Итог того, что было сделано в этом направлении в послевоенное время (до 1974 г.), представлен в раб. [5-4]; в форме библиографии — 80 названий — также в: [5-5]. Здесь мы коснемся лишь существенных работ и вопросов разработки русинского языка. Из исследований общего характера назовем статью М. Кочиша "Русинский язык в областных законах скупщины АО Воеводины" (1973) — это первая социолингвистическая работа [13, с. 35-42]. Проблема становления литературного языка нашла подробное освещение в таких работах: "К вопросу о литературно-письменном и народном языке у бачско-сремских русин в ХУШ-ХІХ вв." (1971), "Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии" (1972), "Из истории формирования русинского литературного языка" (1973), "Литературный язык русин Югославии" (1973) [5-6; 5-7; 5-8; 5-23]. В начале 70-х гг. была написана первая послевоенная научная грамматика русинского литературного языка (очерк фонетики и морфологии), защищенная в 1974 г. в

качестве кандидатской диссертации [5-9]. Предпринята попытка выявить отношение бачского русинского диалекта к языкам и диалектам карпато-дунайского ареала [5-33], ввести материал литературного языка в широкий типологический контекст так наз. славянских литературных микроязыков [5-34; 5-35]. М. Пешикан написал о значении русинского языкового материала для славистики, поскольку в нем переплетены рефлексy, связывающие его с языками и диалектами различных подгрупп [23-2]. Русинским языком занимается шведский славист С. Густавссон [38]. Интенсивно разрабатывается русинская лексикология. М. Кочиш первым обратился к изучению фразеологии (1970), затем появляется работа молодого русинского языковеда Ю. Рамача о народной фразеологии (1976). Изучается иноязычное влияние: М. Кочиш опубликовал словарь "Займствований из венгерского в нашом языке" (1971) [13, с. 110-126], Д. Сопка - список немецких займствований ("Творчосц", 1976, № 2), молодой венгерский славист И. Удвари изучает венгерские элементы в русинском как источник для истории венгерского языка [32]. Ю. Рамач написал интересную работу о сербско-хорватском влиянии на русинское словообразование [25-1]. Изучается народная лексика - по фольклорным записям В.М. Гнатюка (Ю. Рамач, 1976; Л. Медеши, 1982), непосредственно из уст народа (Л. Медеши, Д. Варга, 1979). Вышло учебное пособие по русинской лексике, написанное для студентов Новосадского университета Ю. Рамачем [24]. Можно говорить, что с начала 70-х гг. в русинском языкознании наблюдается своеобразный "терминологический взрыв". Разрабатываются терминосистемы различных отраслей знания: в течение 1969-1970 гг. для школы выпущены отдельными книжками сербско-хорватско-русинские и русинско-сербско-хорватские словари по всем предметам [5-10], затем последовал сербско-хорватско-русинский словарь общественно-политической терминологии [28], для учебных целей создан "Минимални речник српскохрватског језика. Српскохрватско-русински" (Нови Сад, 1981), а в 1980-1981 гг. - сразу 15 словарей для различных направлений среднего профессионального образования (рец. М. Скубана: Шветлосц, 1982, № 6, с. 647-661). Общество русинского языка работает над большим (80 тыс. слов) сербско-хорватско-русинским словарем. Систематизация терминов вызвала появление теоретических работ [5-12; 20, с. 171-173 и др.]. Активно изучается русинская антропология (М. Кочиш, 1973; Р. Миз, 1973; С. Сакач, 1971; П. Чучка, 1973; Г. Кшова, 1978, Л. Медеши, 1982-1983; Е. Барич).

В морфологических работах М. Кочиша в этот период делается попытка связать субстантивное словоизменение с вопросом русинского глоттогенеза (статьи "Окончание род. и мест. пад. существительных в нашем языке", 1970; "Склонение русинского языка в сравнении с украинским, польским и словацким", 1973; см.: [13, с. 53-56, 43-53]). Решаются сложные вопросы глагольной классификации, условного наклонения, процессов эволюции в категории рода существительных [5-13; 20; 5-14]. Слабо пока исследуются фонетические вопросы (только [23-3]); синтаксису пока посвящено три работы - общим принципам описания русинского синтаксиса в связи с системой союзов подчинительного типа, системе и специфике союзных конструкций с начальным компонентом "же", особенностям союза "да", вошедшего в русинский из сербско-хорватского (соответственно: [5-29; 5-30; 5-32]). Слабо исследуется также стилистика. Стали появляться работы по методике преподавания русинской грамматики в школе (работа Г. Медеши) и по культуре речи (Г. Медеши, 1977). Крупнейшим событием в русинском языкознании последнего десятилетия было появление собрания лингвистических работ М.М. Кочиша и Г. Нады - двух крупнейших русинских лингвистов послевоенного времени [13; 20].

С конца 60-х - начала 70-х гг. русинская литература приобретает новое качество - она становится литературой ускоренного развития. Развиваются практически все жанры, появляется целая плеяда молодых писателей и поэтов, страницы литературно-художественных изданий заполняют преимущественно оригинальные произведения, издательство "Руске слово" выпускает в среднем в год по 6-8 художественных книг. Особый подъем переживает русинский роман: появляется второй том трилогии В. Костельника "Бисерни дражки" ("Бисерные тропинки", 1972), четыре романа Й. Кочиша - "У Млечней драж" ("На Млечном пути", 1973), "Чайка" (1974), "Брига" ("Забота", 1978) и "Петро Андрейков" (1978), роман "За горами" (1974) Владимира Кирды, "Триц Бандурик" (1972) М. Ковача и Стефана Гудака. Печатаются избранные произведения писателей старшего поколения - Осифа Костельника, М.Ковача, Я.Фейсы, М. Виная, Я.Бакова и др., среднего и младшего поколения - Мiroслава Стрибера, Дюры Папгаргая, Владимира Бильни, М.М. Кочиша, Стефана Чакана, Василия Мудрого, Ангелы Прокоп, Ирины Гарди-Ковачевич, Клияна Тамаша и др. Издается двухтомное собрание сочинений Г. Костельника [11-1; 11-2], переиздается его первая книга "З мойого валала" (1974). В связи с 80-ле-

тием русинской литературы издана "Антология русинской поэзии" (1984), в которой представлено более 30 поэтов — от Г. Костельника до представителей младшего поколения. Выходят русинские народные песни, записанные В.М. Гнатюком в конце прошлого века [26]. Изданы очерки истории русин и их культуры [39; 17]. Всего же с 1904 по 1983 гг. вышло приблизительно 120 литературно-художественных книг. Интенсивно развивается русинская критика и литературоведение. В журналах печатаются многочисленные статьи, посвященные творчеству отдельных писателей и целым периодам развития литературы. С 1904 г., времени появления первой русинской книги и первой критической работы о ней — статьи В.М. Гнатюка "Поэтический талант среди бачских русин", и до начала 80-х гг. таких работ насчитывается около 400. Видными русинскими критиками и литературоведами являются: Д. Папгаргаи (редактор журнала "Шветлоц"), Ю. Тамаш (защитил в Новосадском университете первую диссертацию по русинской литературе), И. Гарди-Ковачевич, Ш. Гудак, М. Ковач, Михал Рамач и др. Первый наиболее полный очерк русинской литературы (с приложением биобиблиографии всех русинских писателей) появился в 1974 г. [5-32]. Десять лет спустя в издании Матицы Сербской появилась солидная по объему и содержанию монография Ю. Тамаша "Русинская литература. История и статус" [30]. Основное ее содержание составляет очерковое изложение истории русинской литературы (с. 39-356). Теоретические вопросы касаются соотношения устной и письменной традиций, национальной специфики, традиционного и нового (в противопоставлении села городу), отражения модернистских веяний в произведениях русинских писателей последних лет. Монография Ю. Тамаша, безусловно, крупное явление в современном русинском литературоведении. В целом русинская литература рассматриваемого периода, с одной стороны, сохраняет свою связь с традиционными мотивами и исканиями, часто близкими к фольклорным традициям (и в этом ее основа, самая сильная сторона), с другой стороны, она ищет новые мотивы, новые формы поэтического и прозаического выражения. Заметно стремление осмыслить последствия конфликта между городом и селом (популярна тема "Сельский русин в современном городе"). Зачастую в произведениях молодых писателей человек выступает как некая абстракция, т.е. без какой-либо этнической (гесп. национальной) и проч. определенности. Нередки эксперименты в духе модернистских поисков особых форм выражения. Таким образом, в сравнении с предше-

вующими этапами русинская литература последнего десятилетия становится многообразной в жанровом, содержательном и функциональном плане.

Для общего развития русинской филологии существенно важную роль играют научные совещания и конференции. Первое совещание по инициативе Этнографического института Сербской Академии наук и искусств и Комиссии по научно-исследовательской работе при редакции "Руского слова" состоялось в 1970 г. и было посвящено традиционной культуре русин и украинцев Воеводины [31]. В 1978 г. в Новом Саде проведено первое научное совещание по филологии "Состояние и развитие русинского языка и литературного творчества", посвященное памяти писателя и языковеда М.М. Кочиша. С литературоведческими работами о М.М. Кочише выступили Д. Папгаргаи, И. Гарди-Ковачевич и др. Несколько докладов касалось русинской исторической фонетики и морфологии [8; 23-1]. Ю. Рамач рассмотрел иностранные суффиксы в русинском языке [25-2] и др. (Материалы совещания опубликованы отдельным томом: [27]). В 1980 г. Союз русин и украинцев Хорватии провел научное историческое совещание (материалы изданы в книге: [6]). Наконец, русинская филологическая проблематика стала звучать на международных научных форумах. В 1983 г. на IX Международном съезде славистов в Киеве с докладом "Русинский язык с точки зрения черт западно- и восточнославянских языков" [1] выступила Е. Барич, в котором на солидном фактическом материале был поставлен старый вопрос о месте русинского языка среди современных славянских языков. А.В. Мишанич выступил на этом съезде с докладом о формировании и развитии литературы бачских русин, уделив особое внимание связи ее с контекстом украинской литературы [19].

✱

✱

✱

Сделаем обобщения. Эпоха предвозрождения с ее церковно-славянской, "угрорусской" и народной письменными традициями подготовила условия для рождения русинского культурно- и этно-языкового движения и русинской филологии. Каждый из выделенных нами периодов развития русинской филологии характеризуется наличием фундаментальных трудов, функционированием различного рода институций и обусловлен конкретными социальными и социокультурными факторами.

Для первого периода (1904–1919 гг.) существенным оказывается появление первой русинской книги "З мойого валала" (1904) Г. Костельника, ознаменовавшей рождение новой славянской литературы. В социально-политическом плане культурная жизнь русин сдерживалась политикой ассимиляции, проводившейся венгерскими властями (отсутствовали специальные институты, неудачной была попытка организации периодики на русинском языке и под.).

Во второй период (с 1919 г. по вторую мировую войну) предприняты организационные меры – созданы Русинское народно-просветительное общество (РНПО) и Культурно-национальный союз югославянских русин (КПСЮР), появляются их регулярные издания, в 1923 г. выходит "Грамматика бачваньско-рускей бешеди" Г. Костельника, кодифицировавшая нормы русинского литературного языка. Деятельность русинских культурно-просветительных институций была разобщена в виду несоответствия их идеологий. В целом возрожденческое движение этого времени несло на себе религиозный отпечаток. Литературное творчество тесно связано с фольклором, этнически замкнутое, сохраняющее память о прародине – Горнице.

Для третьего периода (с 1945 г. до начала 70-х гг.) характерна организация ряда русинских учреждений (типография, издательство, общество "Руска матка", гимназия, периодические издания), появление трех учебных грамматик родного языка "Мацеринска бешед" (1965–1968) М.М. Кочиша, давших обновленную кодификацию норм литературного языка. В литературе существенным оказывается появление антологий поэзии, первого русинского романа "Жеми моя" В. Костельника. Литература определяет свои классовые позиции и свое место в контексте литератур народов Югославии и в контексте украинской литературы. Развитие русинского культурно-языкового движения происходит в новых социальных условиях, в условиях социалистической Югославии.

Последний период (с 70-х гг.) ознаменован появлением новых институций, среди которых первостепенное значение для развития русинской филологии имеют Общество русинского языка и литературы (1970) и его орган научный журнал "Творчосц" (с 1975), кафедра русинского языка и литературы на Новосадском университете (с 1981 г.). В лингвистическом плане выдающееся место принадлежит здесь "Правописанию русинского языка" (1971) и "Грамматике русинского языка" (1974) М.М. Кочиша, первым словарям русинского языка. В области литера-

тури важно появлення серії романів, поетических збірок, випуск двухтомного зібрання сочинень Г. Костельника. Русинська література стає літературою ускореного розвитку, багатогранною і багатаспектною. В літературознавчому плані особе місце займає монографія Ю. Тамаша "Русинська література. Історія і статус" (1984), в якій представлено літературно-художнє творчество русин Югославії від його виникнення до останніх років.

В цілому для двох останніх періодів характерна тенденція до вирівнювання, більш або менш рівномірному розвитку обох сторін філології – лінгвістическої і літературознавческої. Очевидно також спроба визначити своє місце в філологіческому контексті Воеводини і шире – Югославії і в контексті сучасної української філології. Все сказане дозволяє надіятися на поступальне розвиток самої молодшої із слов'янських філологій [5-15].

ЛИТЕРАТУРА

1. Барич Е. Руски јазик ошвицени з призначкама заходно-славјанских и восточнославјанских јазикох. – In: Croatica. Prinosi proučavanju hrvatske književnosti. Zagreb, 1983, s. 7-19.

2. Гнатюк В. 2-1: Рускі оселі в Бачці (в полудневії Угорщині). – Записки НТШ, Львів, 1898, т. XXII, кн. II, с. 1-58; 2-2: Етнографічні матеріали з Угорської Руси. Т. III. – Етнографічний збірник НТШ, Львів, 1900 т. IX, с. II7-277; Т. У. Казки з Бачки. Там же, 1910, т. XXIX, 388 с.; Т. УІ. Байки, легенди, історичні перекази, новели, анекдоти з Бачки. – Там же, 1911, т. XXX, 356 с.; 2-3: Чи бачванський говір словацький? – Записки НТШ, 1905, т. LXIII, кн. I, с. 8-12; 2-4: Словаки чи русини? – Записки НТШ, 1901, т. XLII, кн. IV, с. 1-81; 2-5: Malorusové. – In: Ottův slovník naučný, Praha, 1900, XVI díl; 2-6: Угороруські духовні вірші. – Записки НТШ, 1902, т. XLVI, кн. II, с. 1-68; т. XLVII, кн. III, с. II9-164; т. XLIX, кн. V, с. 165-272; 2-7: Спомен вични керестурски. – Записки НТШ, т. LVIII, 1903, кн. III, с. 5-9; перепечатано в новій орфографії: Руски календар за южнославјанских Руснадох на ... рок 1922. Руски Керестур, 1921, с. 92-95; 2-8: Поетичний талант між бачванськими русинами. – Літературно-науковий вістник, Львів, т. 26, 1904, кн. VI, с. 174-188.

3. Головацкий Я. Розправа о языкѣ южноруском и его нарѣчіяхъ. - Львовъ, 1848.

4. Дзендзелівський Й. Сторінка з історії вивчення говорів та літератури бачванських українців. - Шветлосц, рок УП, Нови Сад, 1969, № 3, с. 248-252.

5. Дуличенко А.Д. 5-1: О твореню орфографичних нормох руского литературного языка. (У вязи з видаваньом "Правопису руского языка" М. Кочиша). - Шветлосц, рок Х, 1972, № 3, с. 231-243; 5-2: Нормователь и преучователь литературного языка югославянских Руснацох. - Творчосц, рок IV, 1978, № 4, с. 7-26; 5-3: Гу синтакси припадкох у языку югославянских Руснацох (о специфичности инструментала). - Творчосц, рок III, 1977, № 3, с. 14-19; 5-4: Прегляд сучасних питаньох вичованя языка югославянских Руснацох. - Творчосц, рок I, 1975, № 1, с. 14-24; 5-5: Библиография повойнових роботох з языка югославянских Руснацох. - Там же, с. 24-27; 5-6: К вопросу о литературно-письменном и народном языке у бачско-сремских русин в XIII-XIX вв. - Сборник за филологију и лингвистику, Нови Сад, 1971, т. XIV, књ. 2, с. 61-69; 5-7: Становление и развитие русинского литературного языка в Югославии. - Советское славяноведение, М., 1972, № 3, с. 38-50; 5-8: 3 истории формования руского литературного языка. - Нова думка, Вуковар, рок II, № 4, с. 46-47; 5-9: Литературный русинский язык Югославии. (Очерк фонетики и морфологии). Кандидат. дисс. - М.: Ин-т славяноведения и балканистики АН СССР, 1973, 187 с. (полный вариант монографии - 431 с.) + приложение "Хрестоматия русинского языка Югославии" (М., 1973, 262 с.) (машинопись); см. также: Литературный русинский язык Югославии. (Очерк...). АКД. М., 1973, 30 с.; 5-10: Перши руски словніки терминох за основну школу. - Билтен Покрајинског завода за издавање учебника, Нови Сад, 1974, № 22, с. 80-83; 5-11: Первый русинский многоязычный терминологический словарь. - Советское славяноведение, М., 1974, № 3, с. 114-116; 5-12: Даскельо призначки о руских терминох у руским терминологичним словнику. - Шветлосц, рок XII, 1974, № I, с. 45-53; 5-13: Классификация дјесловох языка югославянских Руснацох. (Дјесловна основа. Класи). - Шветлосц, рок XI, 1973, № 4, с. 433-440; 5-14: О некоторых случаях неустойчивости категории рода в языке русин Югославии. - Грамматические и лексико-семантические проблемы описания языка. (Уч. зап. Тарту IV, вып. 651). Тарту, 1983, с. 75-80; 5-15: Rusinska filologija - nova grana slavistike. - In: Нова думка,

рок XI, 1982, № 33, с. 30-31; 5-16: История изучения русин и русинского языка Югославии, 231 с. (машинопись); 5-17: Материалы к библиографии русин Югославии. - Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Вып. II. Самарканд, 1969, с. 123-154; 5-18: Югославянски Руснаци и російська історично-лінгвістична наука. (Призначки з історіографії). - Шветлосц, рок XI, 1973, № 3, с. 291-300; 5-19: Ще раз о русской глотов-генези. - Творчосц, рок УШ, 1982, № 8, с. 58-61; 5-20: О еди-ним хриidle у вязи історії югославянских Руснакох у XVIII и XIX вику. - Шветлосц, рок X, 1972, № 2, с. 159-166; 5-21: Г.Костельник и його "Граматика бачваньско-русской бешеди" (3 нагоди 50-рочніци од ей виходзєня). - Шветлосц, рок XI, 1973, № I, с. 67-76; 5-22: Словнік лінгвістичней терминології котру створел Г. Костельник. - Шветлосц, там же, с. 301-315; 5-23: Literaturna řeč juhoslawjanskich Rusinow. - In: Rozhlad, lět. 24, Budušin, č. 1, s. 37-40; 5-24: Rusinojo - paika słow-janska narodnost w Južnosłowjanskej. - In: Rozhlad, lět. XIX, Budušin, 1969, č. 4, s. 135-138; 5-25: Туркизмы в языке русин Югославии. - Туркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках. Минск, 1969, с. 21-22; 5-26: Заметки по морфологии глагола в языке русин Югославии (формы прошедшего времени). - Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Вып. 2. Самарканд, 1969, с. 67-78; 5-27: Об одном случае суперлативизации глагольных форм. - Язык и ли-тература. Самарканд, 1969, с. 71-75; 5-28: К синтаксису па-дежей в языке русин Югославии (о специфике инструментального падежа). - Там же, с. 60-71; 5-29: Гу еволюції синтаксичней системи літературного языка югославянских Руснакох и принци-пом ей описованя. - Творчосц, рок IV, 1978, № 4, с. 26-40; 5-30: Система и специфичносц злучніцких конструкційох з по-чаткову компоненту "же" у языку югославянских Руснакох. - Творчосц, рок IX, 1983, № 9, с. 31-52; 5-31: Гу питаню о злучніку "да" у языку югославянских Руснакох. - Шветлосц, рок XII, 1974, № 3, с. 226-235; 5-32: Die Entwicklung des li-terarischen Schaffens bei den Russinen in Jugoslawien. - In: Lëtopis - В, Bautzen, Bd. 21, 1974, Н. 1, S. 12-40; 5-33: Язык русин Югославии и его соотношение с языками и диалекта-ми карпато-дунайского ареала. (Грамматический аспект). - Проб-лемы описания системы языка и ее функционирования. (Уч. зап. Тарту IV. Вып. 486). Тарту, 1979, с. 100-122; 5-34: Славян-ские литературные микроязыки. - Советское славяноведение,

М., 1981, № 3, с. 86-98; 5-35: Славянские литературные микроязыки. (Вопросы формирования и развития). - Таллин: Валгус, 1981, 323 с.

6. Зборник роботах I наукового совитованя Русинок и Украйноцх Горватскей. - Вуковар, 1981, 191 с.

7. Јеремић Р. Бачки Руси (Рушњаци, Русини) - Прилози Летопису Матице Српске, год. I, 1928, књ. I, св. 2 (Летопис Матице Српске, Нови Сад, 1928, књ. 316, св. I), с. 49-67.

8. Јовановић Г. О русинским рефлексима прасловенског назала а. - Руски язык и литература 1978. Нови Сад, 1979, с. 109-114.

9. Ковач М. Шлїдами зазберовачох народних духовних скарбох у нас. - Нова думка, рок УI, 1977, № 16, с. 49-56.

10. Костельник Г. Граматика бачвансько-рускей бешеди. - Ср. Карловци, 1923, 112 с.

11. Костельник Г. 11-1: Поезия на бачванско-сримским руским литературним языку. - Нови Сад: Руске слово, 1970, 318 с.; 11-2: Проза на бачванско-сримским... - Нови Сад: Руске слово, 1975, 375 с.

12. Кочиш М.М. 12-1: Мацеринска бешета. Часц I. Граматика за У и УI класу основней школи. - Нови Сад, 1965, 135 с.; 12-2: Мацеринска бешета. Часц II. Граматика за УII класу основней школи. - Нови Сад, 1967, 79 с.; 12-3: Мацеринска бешета. Граматика за УIII класу основней школи. - Нови Сад, 1968, 98 с.

13. Кочиш М.М. Лингвистични роботи. - Нови Сад; Руске слово, 1978, 295 с.

14. Кочиш М.М. Правопис руского языка. - Нови Сад, 1971, 159 с.

15. Кочиш М.М. Приручни терминологийни словник сербско-горватско-руско-українски. - Нови Сад: Руске слово, [1972], 370 с.

16. Кочиш М.М. Граматика руского языка. I. Фонетика. Морфологя. Лексика. - Нови Сад, 1974, 135 с.

17. Лабош Ф. История Русинок Бачкей, Сриму и Славоний. 1745-1918. - Вуковар, 1979, 301 с.

18. Миз Р. Ѓу "Хронїки єдного часу" (I). (Материяли за историю нашей култури). - Шветлосц, рок УП, 1969, № 3, с. 253-266; продолжение там же, № 4, с. 342-353.

19. Мишанич О.В. Проблема виникнення нових слов'янських літератур (про літературу бачвансько-сримських русинів). - Слов'янська література. Київ, 1983, с. 236-255.

19-1. Мушинка М. Листування Г. Костельника з В. Гнатюком. - Шветлосц, рок У, 1967, № 3, с. 161-177; 19-2: Потерані результати вилеодованя култури югославянских Руснакох. - Шветлосц, рок ІХ, 1971, № 4, с. 333-343.

20. Надь Г. Лингвистични статї и розправи. - Нови Сад: Руске слово, 1983, 192 с.

21. Олеяров Н.Д. Историја русского народа. - Нови Сад, 1934, 158 с.

22. Петров А. Пределы угрорусской речи в 1773 г. по литературным данным. - Записки Историко-филологического фак-та С.-Петербургского ун-та, 1911 ч. 105.

23. Пешикан М. 23-1: Историјске основе русинског глаголског система. - Руски язык и литература 1978. Нови Сад, 1979, с. 115-128; 23-2: О значеню вишпитованя руского язичного нашлїдства. - Творчосц, рок І, 1975, № 1, с. 4-14; 23-3: Основни структурни характеристики русской гласовой системы. - Творчосц, рок VI, 1980, № 6, с. 9-33.

24. Рамач Ю. Лексика руского языка. - Нови Сад, 1983, (2) + 266 с.

25. Рамач Ю. 25-1: Сербокогорватски уплїв и способи твореня нових словох у нашим языку. - Творчосц, рок УШ, 1982, № 8, с. 17-24; 25-2: Суфикси странского походзеня у руским языку. - Руски язык и литература 1978. Нови Сад, 1979, с. 129-141.

26. Руски народни писмї у записох В.М. Гнатюка. - Нови Сад: Руске слово, [1972], 275 с.

27. Руски язык и литература 1978. Зборнїк сообщеньох зовсовитованя на тему "Стан и розвой руского языка и литературней творчосци". - Нови Сад, 1979, 178 с.

28. Словнїк самоуправних и дружтвено-политичних терминов и виразох. Сербокогорватско-руски. - Нови Сад, 1979, 249 с.

29. Соболевский А.И. 29-1: Не русские, а словаки! - Этнографическое обозрение, т. 10, 1898, кн. XXXIX, № 4, с. 147-149; 29-2: Заметки в области русской диалектологии. - Русский филологический вестник, Варшава, т. LVІ, 1906, № 3-4.

29а. Супрун А.Е., Калюта А.И. Введение в славянскую филологию. - Минск, 1981, с. 137-139.

30. Тамаш Ј. Русинска књижевност. Историја и статус. - Нови Сад, 1984, 494 с.

31. Традиційна култура югославянских Русинох. (Прилоги). Материяли зовсовитованя... - Нови Сад, 1971, 319 с.

32. Удвари И. Руски язык як жридо историї мадярского языка. - Нова думка, рок Х, 1981, № 29, с. 67-69.

33. Франко І. Апокріфи і легенди з українських рукописів. (Пам'ятки українсько-руської мови і літератури, т. II). Т. П. Апокріфи новозавітні. А. Апокріфичні євангелія. - Львів, 1899.

34. Францев В. 34-1: Обзор важнейших изучений Угорской Руси. - Русский филологический вестник, Варшава, т. XLV, 1901, № 1-2, с. 143-197; 34-2: Лекции по исторической этнографии славян. - Варшава, [1912].

35. Bidwell Ch. E. The Language of the Bačka Ruthenians in Yugoslavia. - In: The Slavic and East European Journal, New York, vol. X, 1966, № 1, p. 32-45.

36. Broch O. Aus der ungarischen Slavenwelt. - In: Archiv für slavische Philologie, Bd. 21, Berlin, 1899, H. 1-2, S. 49-61.

37. Czambel S. Slovenská reč a jej miesto v rodine slovanských jazykov. I. Osnovný a iný material rečový. - Turč. sv. Martin, 1906.

38. Gustavsson S. Rusinerna i Jugoslavien, deras kultur och språk. - In: Meddelanden från Inst. för slav. och balt. språk vid Stockholms Universitet, 1975, № 13, s. 1-79.

39. Iz istorije vojvođanskih Rusina do 1941 g. - In: Godišnjak Društva istoričara Vojvodine. Novi Sad, 1977, s. 149-328.

40. Munkácsy M. Tót nyelvű rusznákok Bács és Szeremmegyében. - Budapest, 1913, 39 lk.

41. Niederle L. 41-1: Národopisná mapa uherských Slováků na základě sčítání lidu z roku 1900. - Praha, 1903; 41-2: Нилерле Л. Обзорение современного славянства. (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 2). - СПб., 1909.

42. Ogonowski E. Studien auf dem Gebiete der Ruthenischen Sprache. - Lemberg, 1880.

43. Pastrnek F. 43-1: Z nejvýchodnějších nářečí uhersko-slovenských. - In: Národopisný sborník československý, Praha, 1898, sv. 3, s. 60-66; 43-2: Rusíni jazyka slovenského. - In: Статьи по славяноведению. Вып. II. СПб., 1906, с. 60-78.

44. [Šafarik P.] Slowanský národopis. - [Praha], [1842].

45. Škultéty J. Odkiaľ sú "ruské" obyvatelia báčského Kerestúra a Kocúra? - In: Slovenské pohľady, roč. XIX, Turč. sv. Martin, 1899, soš. 9, s. 552-557.

46. Tichý F. 46-1: Jihoslovanští Rusíni. - In: Slovanský přehled, roč. XX, Praha, 1928, s. 22-32; 46-2: Spisovný jazyk juhoslovanských Rusinov. (Náčrt k lingvistickéj štúdiu). - In: Naš život, Petrovci, 1935, roč. III, s. 133-137.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К 150-летию отечественного университетского славяно- ведения	3
---	---

ж

ж

ж

<u>Дмитриев П.А.</u> , <u>Сафронов Г.И.</u> Некоторые проблемы орга- низации изучения зарубежных славянских языков и литератур в вузах СССР (к 150-летию начала препо- давания славяноведения в университетах России и СССР)	6
<u>Мечковская Н.Б.</u> Архаическое и новое в лингвистическом сознании одной эпохи (к характеристике восточно- славянских грамматик XVI-XVII вв.)	15
<u>Венедиктов Г.К.</u> К начальной истории изучения в России памятников новоболгарской письменности	25
<u>Минералов Ю.И.</u> Внутренняя форма как проявление стиля (к концепции А.А. Потебни)	45
<u>Кауцуж А.В.</u> "Докладная записка" (1873) И.А. Бодуэна де Куртене об изучении резьянских говоров	63
<u>Смирнов С.В.</u> А.С. Будилович как лингвист	70
<u>Лаптева Л.П.</u> Пребывание у лужицких сербов русского ученого Льва Владимировича Щербы	82
<u>Мокиенко В.М.</u> Л.В. Щерба, Б.А. Ларин и филология будущего	88
<u>Крыль М.М.</u> , <u>Моторный В.А.</u> , <u>Трофимович К.К.</u> Неизвест- ные документы о серболужицко-восточнославянских связях ..	101
<u>Дуличенко А.Д.</u> Становление русинской филологии в Югославии	108

SISUKORD

150 aastat slaavi filoloogiat meie ülikoolides	3
--	---

✱

✱

✱

<u>Dmitrijev P.A., Safronov G.I.</u> Mõned välisriikide slaavi keelte ja kirjanduse uurimise organisatsioonilised probleemid NSVL kõrgkoolides (150 aastat slaavi filoloogia õpetamise algusest Venemaa ja NSVL ülikoolides)	6
<u>Metškovskaja N.B.</u> Arhailisi ja uusi jooni ühe ajastu lingvistilises mõtlemises (idaslaavi grammatikatest XVI - XVII sajandil)	15
<u>Venediktov G.K.</u> Uusbulgaaria kirjanduspärandi uurimise algperioodist Venemaal	25
<u>Mineralov J.I.</u> Sisevorm kui stiiliilming (A.A.Potebnja kontseptsioonist)	45
<u>Kaupuz A.V.</u> J. Baudouin de Courtenay "Märgukiri" (1873) rezjani keele murrete uurimisest	63
<u>Smirnov S.V.</u> A.S. Budilovitš kui lingvist	70
<u>Lapteva L.P.</u> Vene õpetlase Lev Vladimirovitš Štšerba uurimisretk sorbide juurde	82
<u>Mokijenko V.M.</u> L.V. Štšerba, B.A. Larin ja tuleviku filoloogia	88
<u>Kril M.M., Motornõi V.A., Trofimovitš K.K.</u> Senitundmatud dokumendid sorbide ja idaslaavlaste seostest	101
<u>Dulitšenko A.D.</u> Russiini filoloogia tekkimine ja areng Jugoslaavias	108

Ученые записки Тартуского государственного университета.
Выпуск 710.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ.
Посвящается 150-летию отечественного университетского славяноведения.

SLAVICA TARTUENSIA I.

На русском языке.

Тартуский государственный университет.

ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пилкооли, 18.

Ответственный редактор А.Д. Дуличенко.

Подписано к печати 29.08.1985.

МВ 07096

Формат 60x90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Ротапринт.

Учтно-издательских листов 8,84. Печатных листов 9,0.

Тираж 600.

Заказ № 667.

Цена I руб. 30 коп.

Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пилсона, 14.

XVI
9

1 руб. 30 коп.

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 00285728 4